

ISSN 2307-2539

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФГБОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

№1 (13) • 2016

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2016

Главный редактор:

А.А. Тишкин, д-р ист. наук, профессор

Журнал основан в 2005 г.

Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия:

В.В. Горбунов (зам. главного редактора),
д-р ист. наук, доцент;
С.П. Грушин, д-р ист. наук, доцент;
Н.Н. Крадин, д-р ист. наук, чл.-кор. РАН;
А.И. Кривошапкин, д-р ист. наук;
А.Л. Кунгуров, канд. ист. наук, доцент;
Д.В. Папин (отв. секретарь), канд. ист. наук;
Н.Н. Серегин (отв. секретарь), канд. ист. наук;
С.С. Тур, канд. ист. наук;
А.В. Харинский, д-р ист. наук, профессор;
Ю.С. Худяков, д-р ист. наук, профессор

Редакционный совет журнала:

Ю.Ф. Кирюшин (председатель), д-р ист. наук,
профессор (Россия);
Д.Д. Андерсон, Ph.D., профессор
(Великобритания);
А. Бейсенов, канд. ист. наук (Казахстан);
У. Бросседер, Ph.D. (Германия);
А.П. Деревянко, д-р ист. наук, профессор,
академик РАН (Россия);
Е.Г. Дэвлет, д-р ист. наук (Россия);
Иштван Фодор, д-р археологии, профессор
(Венгрия);
И.В. Ковтун, д-р ист. наук (Россия);
Л.С. Марсадилов, д-р культурологии (Россия);
Д.Г. Савинов, д-р ист. наук, профессор
(Россия);
А.Г. Ситдииков, д-р ист. наук (Россия);
Такахама Шу, профессор (Япония);
Чжан Лянжэнь, Ph.D., профессор (Китай);
Т.А. Чикишева, д-р ист. наук (Россия);
М.В. Шуньков, д-р ист. наук (Россия);
Д. Эрдэнэбаатар, канд. ист. наук, профессор
(Монголия)

Утвержден к печати Объединенным
научно-техническим советом АГУ

Печатное издание «Теория и практика
археологических исследований»
© Алтайский государственный уни-
верситет, 2005–2016.

Зарегистрировано Комитетом РФ
по печати. Свидетельство
о регистрации ПИ №ФС 77-65056.
Дата регистрации 10.03.2016.

Адрес: 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61,
каб. 211, телефон: 8 (3852) 291-256.
E-mail: tishkin210@mail.ru

ISSN 2307-2539

**MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION**
Altai State University

**THEORY AND PRACTICE
OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH**

№1 (13) • 2016

Barnaul

**Altai State
University Press
2016**

Editor in Chief:

A.A. Tishkin, Doctor of History, Professor

The journal was founded in 2005.

The journal is published 4 a year.

Editorial Staff:

V.V. Gorbunov (Deputy Editor in Chief), Doctor of History, Associate Professor;
S.P. Grushin, Doctor of History, Associate Professor;
N.N. Kradin, Doctor of History, Corresponding Member, Russian Academy of Sciences;
A.I. Krivoshepin, Doctor of History;
A.L. Kungurov, Candidate of History;
D.V. Papin (Assistant Editor), Candidate of History;
N.N. Seregin (Assistant Editor), Candidate of History;
S.S. Tur, Candidate of History;
A.V. Kharinsky, Doctor of History, Professor;
J.S. Khudyakov, Doctor of History, Professor

Associate Editors:

J.F. Kiryushin (Chairperson), Dr. Sci. (Hist), Professor (Russia);
D.D. Anderson, Ph.D, Professor (Great Britain);
A. Beisenov, Candid. Sci. (Hist.) (Kazakhstan);
U. Brosseder, Ph.D. (Germany);
A.P. Derevianko, Dr. Sci. (Hist.) Academician, Russian Academy of Science (Russia);
E.G. Devlet, Dr. Sci. (Hist.) (Russia);
Ishtvan Fodor, Dr. Sci. (Archaeology), Professor (Hungary);
I.V. Kovtun, Dr. Sci. (Hist.) (Russia);
L.S. Marsadolov, Dr. Sci. (Culturology) (Russia);
D.G. Savinov, Dr. Sci. (Hist.) (Russia);
A.G. Sitdikov, Dr. Sci. (Hist.) (Russia);
Takhama Shu, Professor (Japan);
Chjan Lyanjen, Ph.D, Professor (China);
T.A. Chikisheva, Dr. Sci. (Hist.) (Russia);
M.V. Shunkov, Dr. Sci. (Hist.) (Russia);
D. Erdenebaatar, Cand. Sci (Hist), Professor (Mongolia)

Approved for publication by
the Joint Scientific and Technical
Council of Altai State University

Print Edition of “The Theory and Practice of Archaeological Research”

© Altai State University, 2005–2016

Registered with the RF Committee on Printing. Registration certificate PI №FS 77-65056. Registration date 10.03.2016.

Address: office 211, Lenin av., Barnaul, 656049, Russia, tel.: (3852) 291-256.
E-mail: tishkin210@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

<i>Мамадаков Ю.Т., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А.</i> Раскопанный курган бийкенской культуры на памятнике Айры-Таш-1 в устьевой зоне Урсула (Алтай)	7
<i>Савинов Д.Г.</i> Кинжалы-«вкладыши» в пазырыкской культуре Горного Алтая	19
<i>Сотникова С.В.</i> Гравированные изображения на дисковидных металлических предметах Средневековья в свете обско-угорских и индо-иранских параллелей (по материалам Урало-Сибирского региона)	31
<i>Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю.</i> Комплекс вооружения кыргызов Енисея в позднем Средневековье и Новом времени (с учетом материалов европейских исследователей XVII–XVIII вв.)	41
<i>Цимиданов В.В.</i> Сосуды – «почтовые ящики» в обрядах срубной культуры	57

ЗАРУБЕЖНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

<i>Горбунов В.В., Тишкин А.А.</i> Детали пластинчатого панциря монгольского времени из Ховдского музея	78
<i>Серегин Н.Н.</i> Погребальные сооружения тюрков Монголии (2-я половина I тыс. н.э.)	91
<i>Табарев А.В.</i> Формативный период в археологии Эквадора: анатомия термина и вопросы практического применения	110

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

<i>Мерц И.В., Святко С.В.</i> Радиоуглеродная хронология памятников раннего бронзового века Северо-Восточного и Восточного Казахстана. Первый опыт	126
--	-----

ПЕРСОНАЛИИ

<i>Засецкая И.П., Марсадолов Л.С., Тишкин А.А.</i> Памяти Л.Л. Барковой (1928–2014)	151
---	-----

ХРОНИКА

<i>Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.</i> Шестая Международная научно-практическая конференция «Война и оружие. Новые исследования и материалы» (Санкт-Петербург, 13–15 мая 2015 г.)	159
<i>Список сокращений</i>	163
<i>Сведения об авторах</i>	165
<i>Правила оформления статей</i>	167

CONTENTS

RESULTS OF STUDYING OF MATERIALS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

<i>Mamadakov Yu. T., Kungurov A. L., Tishkin A. A.</i> The dug-out barrow of Biykensky culture on Ayry-Tash-1 monument in the estuarial zone Ursula (Altai)	7
<i>Savinov D. G.</i> Daggers-«inserts» of Pazyryk culture of the Altai Mountains	19
<i>Sotnikova S. V.</i> Engraved drawings on discoid metal objects the Middle Ages in the light of the Ob-Ugrik and Indo-Iranian parallels (on materials of the Ural-Siberian region)	31
<i>Hudyakov Y. S., Borisenko A. Y.</i> The complex of equipment of the Yenisei Kyrgyz people in the late Middle Ages and modern era (with taking into account of materials of the European explorers of the XVII – XVIII centuries)	41
<i>Tsimidanov V. V.</i> Vessels-“mailboxes” in ceremonies of the Timber-Grave culture	57

FOREIGN ARCHAEOLOGY

<i>Gorbunov V. V., Tishkin A. A.</i> Details of the lamellar armour of the mongolian time from the Hovd museum	78
<i>Seregin N. N.</i> Funeral constructions of Turks in Mongolia (2nd half of I thousand AD) ..	91
<i>Tabarev A. V.</i> Formative period in the archaeology of Ecuador: anatomy of the term and its practical use	110

USE OF NATURAL-SCIENTIFIC METHODS IN ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

<i>Mertz I. V., Svyatko S. V.</i> First radiocarbon chronology of the Early Bronze Age sites in North-Eastern Kazakhstan. First experience	126
--	-----

PERSONNEL

<i>Zasetskaya I. P., Marsadolov L. S., Tishkin A. A.</i> In memory of L. L. Barkova (1928–2014)	151
---	-----

CHRONICLE

<i>Borisenko A. Y., Hudyakov Y. S.</i> The sixth International conference «War and weapon. The new research and materials» (Saint-Petersburg, May 13–15, 2015, Russia)	159
<i>Abbreviations</i>	163
<i>Authors</i>	165
<i>Article submission guidelines</i>	167

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 903.53

Ю.Т. Мамадаков¹, А.Л. Кунгуров², А.А. Тишкин²

¹ООО Научный центр «Наследие Сибири», Барнаул, Россия;

²Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

РАСКОПАННЫЙ КУРГАН БИЙКЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПАМЯТНИКЕ АЙРЫ-ТАШ-1 В УСТЬЕВОЙ ЗОНЕ УРСУЛА (Алтай)*

Изучение на Алтае памятников бийкенской археологической культуры аржано-майэмирского («раннескифского») времени является необходимым направлением современных исследований. В связи с этим актуальным становится введение в научный оборот новых материалов, полученных в ходе археологических раскопок. При строительстве автодороги в долине Урсула (Центральный Алтай) выявлены древние и средневековые погребально-поминальные комплексы, которые определенным образом наполняют содержанием разработанную культурно-хронологическую схему изучения истории региона. Среди таких объектов следует отметить курган №6 памятника Айры-Таш-1. При его исследовании получены сведения об особенностях погребального обряда населения Алтая на начальном этапе развития культуры ранних кочевников, а обнаруженные изделия (особенно комплект предметов конского снаряжения) позволяют установить хронологические рамки сооружения захоронения. Результаты, представленные в статье, обозначают перспективы проведения раскопок на памятнике. Дальнейшее комплексное изучение находок позволит увеличить объем объективной информации историко-культурного плана. Важное значение будут иметь антропологические и археозоологические определения, а также детальный анализ обнаруженных изделий.

Ключевые слова: Алтай, аржано-майэмирское время, курган, погребение человека, конское снаряжение, наконечники стрел, захоронение лошади, датировка.

DOI: 10.14258/tpai(2016)1(13)-01

Введение

В 2010 г. в Онгудайском районе Республики Алтай (Россия) осуществлялись раскопки аварийных археологических объектов, попадавших в зону строительства автодороги, которая начиналась на 651 км Чуйского тракта и шла по долине Урсула к Катуню. До этого проводились обследования обозначенной территории. В ходе такой работы были зафиксированы древние и средневековые памятники, которые существенно дополнили археологическую карту Алтая. Среди них оказался некрополь Айры-Таш-1, который располагается в 6 км к северо-востоку от бывшего (ныне нежилого) с. Степушки (рис. 1), на коренной террасе левого берега Катуню, плавно переходящей в пологий склон горы, господствующей в окрестностях. На памятнике зафиксированы шесть курганов. Кратко обозначим их характеристики, полученные в ходе разведки.

Курган №1 представлял собой сооружение округлой формы (диаметром 5 м, высотой 0,3 м). Надмогильное сооружение было устроено в основном из крупных камней.

Курган №2 также имеет насыпь округлой формы (диаметр 6 м, высота 0,3 м), сложенную из крупных камней.

Все следующие выявленные объекты аналогичны предыдущим и немного отличаются размерами: *№3* – диаметр 6,5 м, высота 0,2 м; *№4* – диаметр 6 м, высота 0,3 м; *№5* – диаметр 5,8 м, высота 0,3 м; *№6* – диаметр 6 м, высота 0,2 м.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ, проект №16-18-10033 «Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция».

Географические координаты комплекса Айры-Таш-1, полученные с помощью GPS-приемника, такие: N – 50° 47.062'; E – 086° 28.842'.

В зону строительства автодороги попал курган №1. Ко времени проведения аварийных раскопок весь плодородный слой земли был полностью снесен, а каменная насыпь находилась в разрушенном состоянии. Осуществленные исследования позволили получить важные материалы. Основная задача данной статьи – ввести их в научный оборот.

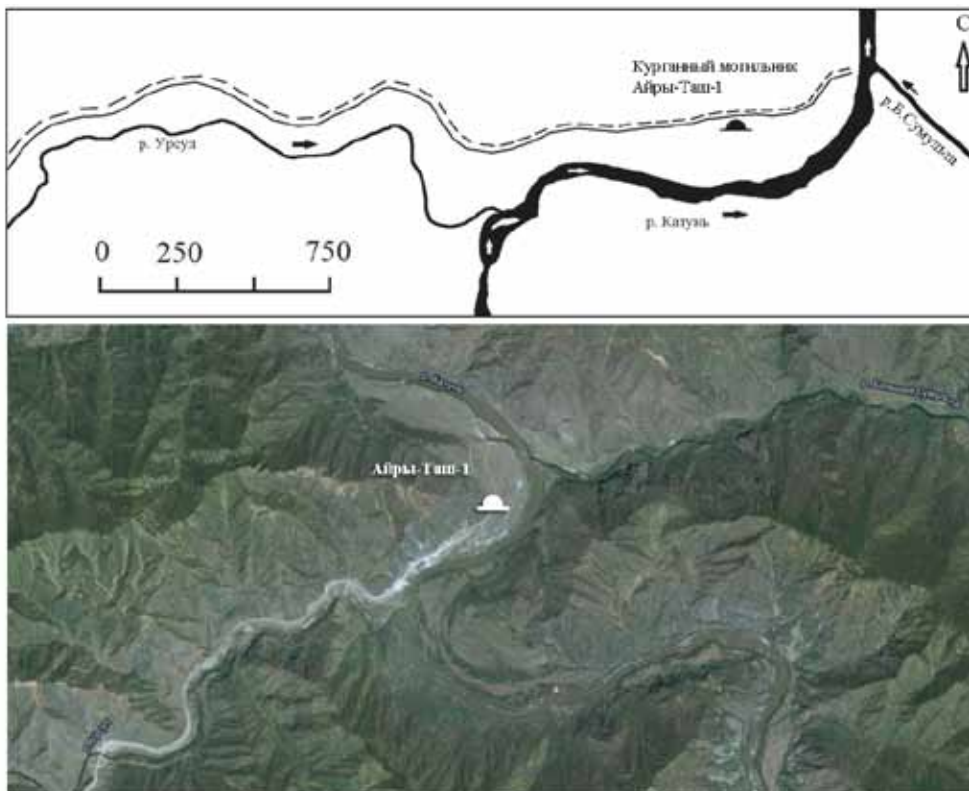

Рис. 1. Место расположения памятника Айры-Таш-1 на схеме (1) и на фотоснимке из космоса (2)

Результаты исследований кургана №1

В процессе работ на уровне материка выявлен контур могилы, фиксируемый скоплением камней (рис. 2). Подпрямоугольно-овальная яма, заполненная преимущественно плоскими рваными камнями и мешаным грунтом, оказалась ориентирована по линии З–В (рис. 3). При этом западная кромка имела более «заovalенный» абрис, чем восточная (более ровная). Первоначальные размеры могильной ямы такие: по линии З–В (длина) – 3,05 м, по линии Ю–С (ширина) – 2,67 м. С глубины 0,35 м от уровня материка, в северном секторе, обозначилось впущенное овальное углубление размерами по линии З–В (длина) – 1,36 м, по линии Ю–С (ширина) – 0,95 м. В дальнейшем была зафиксирована «ступенчатая» могильная яма (яма с «плечиками») (рис. 2). Ее основу составляла относительно хорошо выровненная площадка (основная яма), в которой устраивалась углубленная погребальная камера для умершего человека. Края меньшей

ямы оказались выложены крупными камнями в один слой. Кроме того, зафиксирована стенка из наклонно стоявших плоских плит. За ней на ступеньке покоилась взнузданная и оседланная лошадь (рис. 2–3).

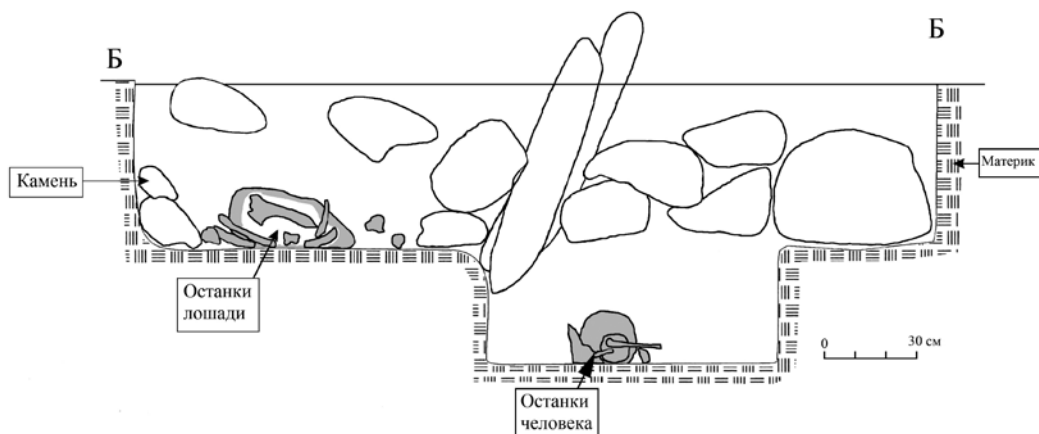

Рис. 2. Айры-Таш-1. Курган №1. Разрез могильной ямы

Скелет животного расчищен в южной части основной могильной ямы (рис. 3). Конь был уложен на левый бок с подогнутыми под брюхо ногами (видимо, связанными) и ориентирован головой на запад – северо-запад, мордой к спине погребенного человека. В челюстях черепа находились металлические удила со стремевидными окончаниями в комплекте с трехдырчатыми псалями из рога (рис. 3.-1–2; рис. 4). Зафиксированы и другие находки (рис. 3 и 5). В области лопаточных костей и ребер животного обнаружены следующие предметы: металлические пряжки (рис. 5.-1–2) и застежки (рис. 5.-3–4), костяные или роговые изделия (диск с отверстием (рис. 5.-5), ворворка (рис. 5.-6), распределитель ремней (рис. 5.-7)). В черепе лошади, в районе правого уха, фиксировались следы сквозного удара острым твердым предметом. Глубина от уровня материка до дна ступеньки, на которой лежал скелет животного, составляла 0,52 м.

С севера к захоронению лошади «примыкало» погребение человека в углубленной до 0,92 м от уровня материка погребальной камере, отделенной, как сказано ранее, поставленными крупными плитами. Человеческий скелет находился в «малой» могиле. Погребенный был уложен на левый бок, с подогнутыми в коленях ногами и вытянутыми вперед и вниз, слегка согнутыми в локтях руками. Головой умерший ориентирован на запад (с незначительным отклонением к северу). В районе пяточных костей обнаружены наконечники стрел: двухлопастной втульчатый металлический (1 шт.) (рис. 5.-8), пулевидные втульчатые роговые (2 шт.) (рис. 5.-9–10) и трехгранные черешковые костяные (2 шт.) (рис. 5.-11–12). Судя по всему, стрелы лежали в колчане наконечниками вниз (рис. 3). В черепе усопшего зафиксированы три сквозных отверстия, оставленные острым и твердым предметом.

Характеристика обнаруженного предметного комплекса

Найденные **металлические удила** состоят из двух соединенных звеньев (рис. 4.-1). Внешние окончания имеют вид стремени, а внутренние оформлены кольцом. Фиксируется такая специфическая особенность удила: одно звено, отлитое в двухсторонней

форме, имеет окончания в одной плоскости, другое же сделано так, что окончания перпендикулярны друг другу (рис. 4.-1). После отливки обработка поверхности готового изделия не была произведена: остались литники и наплывы металла, фиксируются пустоты. Возможно, удила сделали специально для совершения погребального обряда. Аналогичные изделия были широко распространены в аржано-майэмирское время (конец IX – 2–3-я четверти VI в. до н.э.) на территории Алтае-Саянской горной страны и сопредельных регионов, о чем свидетельствуют находки из закрытых комплексов, а также из других местонахождений [Грязнов, 1947, 1980; Баркова, 1983; Молодин, Петрин, 1985; Абдулганеев, 1994; Тишкин, 1996; Кирюшин, Тишкин, 1997; Бородаев, 1998; Алехин, 1999; Кочеев, 2000; Шульга, 2008; и мн. др.].

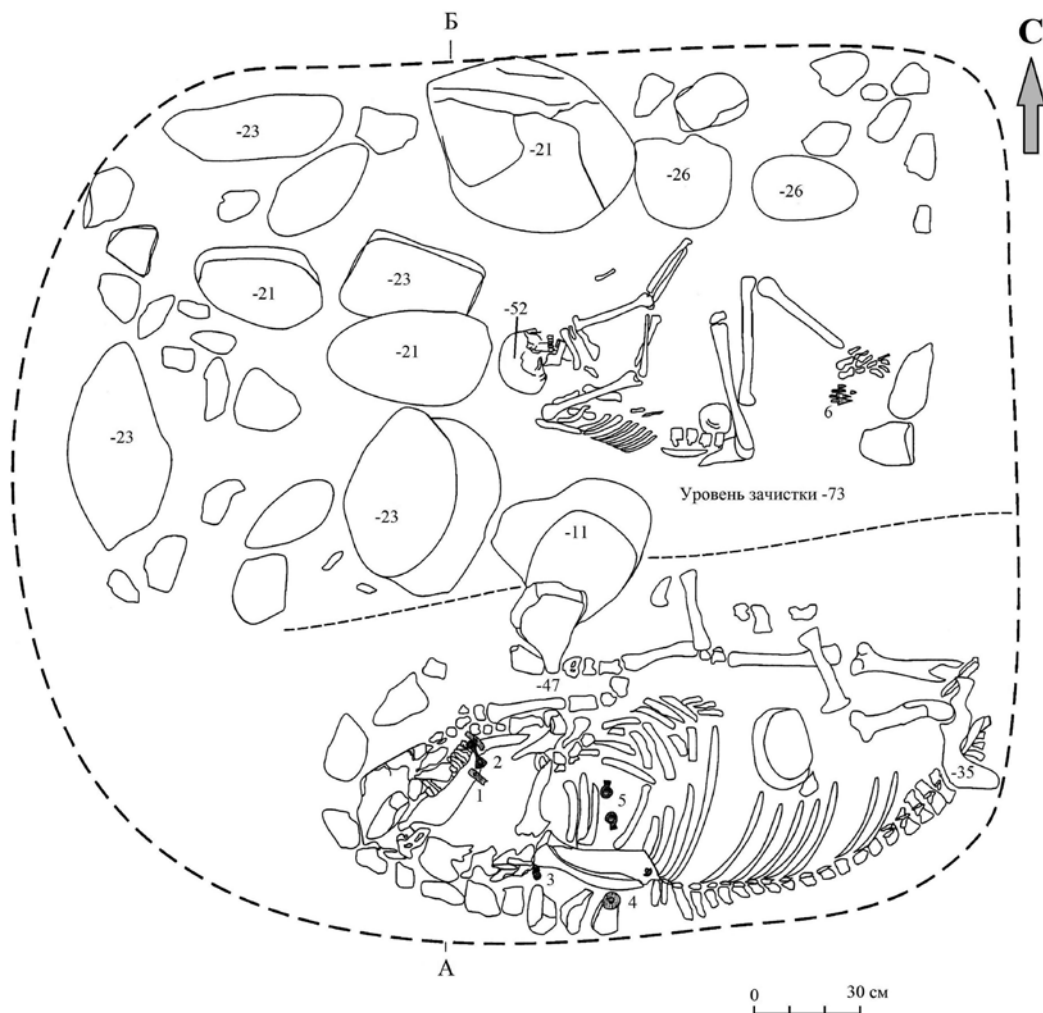

Рис. 3. Айры-Таш-1. Курган №1. Захоронение человека с лошастью.
 План: 1 – металлические удила; 2 – роговые псалии; 3 – металлическая застежка, ворворка и распределитель ремней из рога; 4 – костяное изделие; 5 – металлические пряжки и застежка; 6 – наконечники стрел

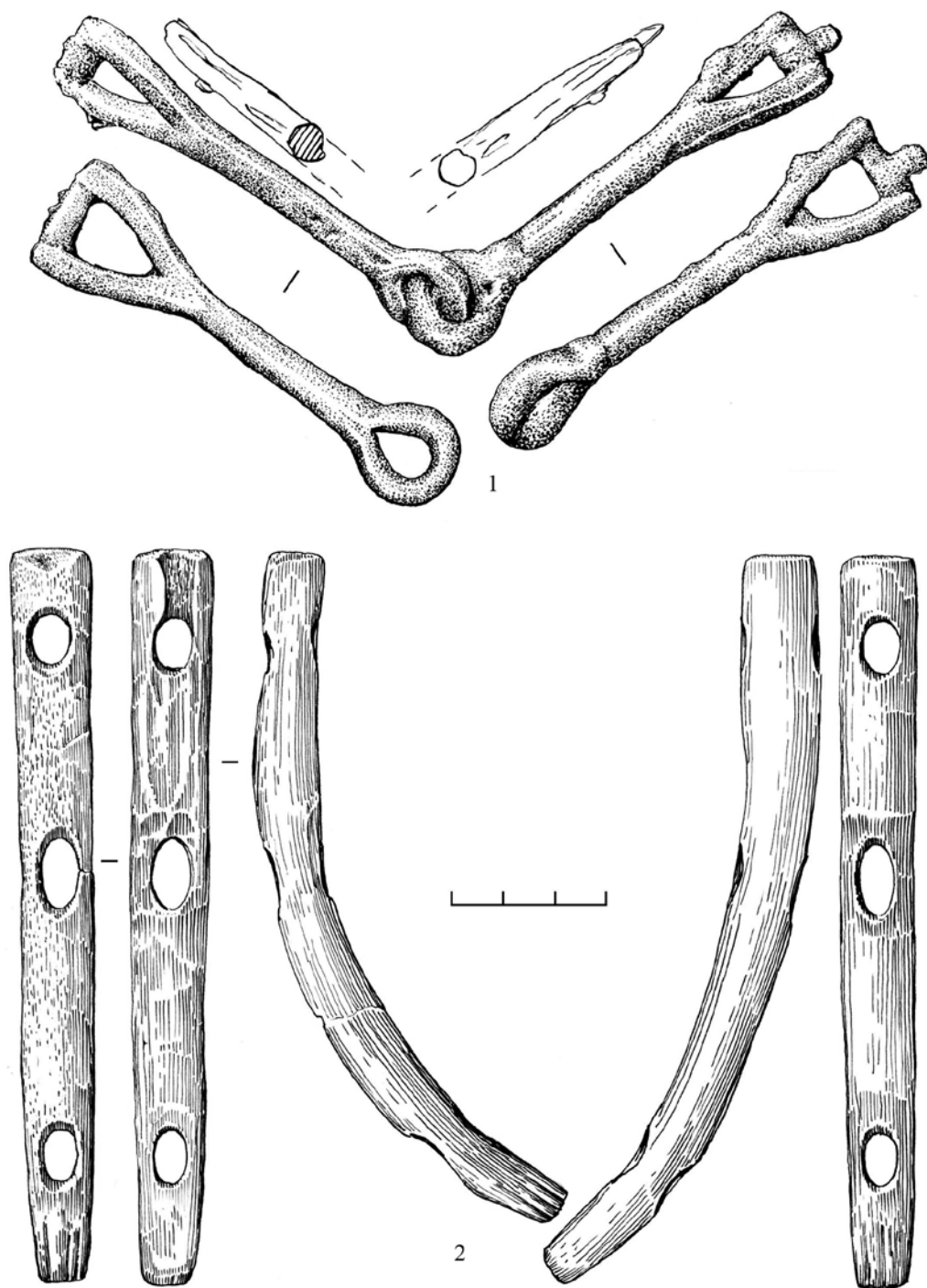

Рис. 4. Айры-Таш-1. Курган №1. Находки конского снаряжения:
1 – металлические удила; 2 – роговые псалии

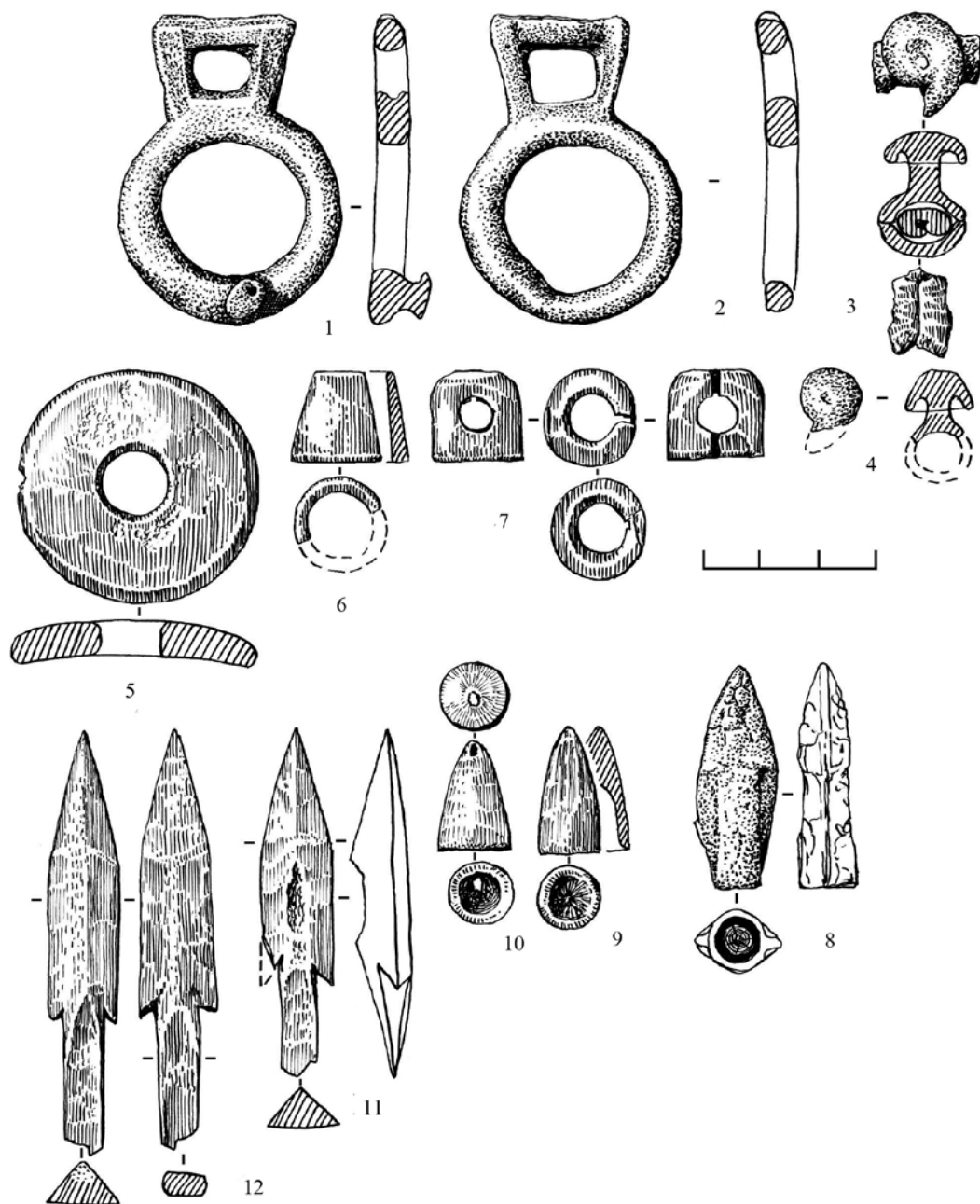

Рис. 5. Айры-Таш-1. Курган №1. Обнаруженные изделия:
 1-2 – парные подпружные пряжки; 3-4 – металлические застежки
 (с остатками кожи); 5 – костяное дисковидное изделие;
 6 – роговая ворворка; 7 – роговой распределитель ремней;
 8 – металлический наконечник стрелы; 9-10 – роговые
 наконечники стрел; 11-12 – костяные наконечники стрел

Трехдырчатые дуговидные и стержневидные *роговые псалии* (рис. 4.-2) составляют комплект с найденными удилами. Но, в отличие от металлического изделия, они функционировали длительное время. Об этом свидетельствуют следы стертости вокруг срединного отверстия. Псалии имеют различную сохранность, но реконструируются полностью. Они изготовлены, вероятнее всего, из рогов марала. Для оформления мастером были выбраны отростки примерно равных размеров. Затем концы были обрезаны, а поверхность выровнена и отшлифована. Судя по длине и расположению отверстий (равномерно и параллельно условной оси), псалии относятся к одному из выделенных типов [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 65, рис. 35.-1, 5–6]. Такие изделия обнаружены в памятниках Алтая, объединенных в бийкенскую археологическую культуру [Тишкин, 1996; Кирюшин, Тишкин, 1997; Суразаков, Тишкин, 2007; Шульга, 2008; Тишкин, 2011; и др.]. В литературе описаны разные экземпляры трехдырчатых псалий, происходящие из погребальных комплексов [Грязнов, 1956; Марсадолов, 1981; Степанова, 1996; Тишкин, 1996; Кирюшин, Тишкин, 1997; Марсадолов, Погожева, 2001; Шульга, 2008; и др.]. Одно из аналогичных изделий обнаружено в культурном слое городища Елбанка на Чарыше [Тишкин, Медникова, 1993]. Имеются подобные роговые псалии, которые еще не введены в научный оборот.

Металлические пряжки (подпружные парные) зафиксированы рядом друг с другом (рис. 3.-5; рис. 5.-1–2). Форма одной части изделий – округлая, а другой – подтрапециевидная. Сечение арочное. У одной пряжки приемная петля снабжена типичным шпеньком-фиксатором (с расширенной верхней частью, оформленной в виде «капли»). Вторая пряжка-блок из комплекта почти полностью соответствует по параметрам предыдущей (рис. 5.-2), но не имеет фиксатора. Иногда такие предметы относят к чумбурным блокам. Однако найденные в паре экземпляры позволили Е.В. Степановой [2005] выполнить достоверную реконструкцию их использования. Подобные стандартные пряжки встречены в бийкенских и майэмирских комплексах Алтая и предгорий, а также на других территориях [Вишневская, 1973; Степная полоса..., 1992; Демин, Гельмель, 1992; Абдулганеев, 1994; Степанова, 1996; Кирюшин, Тишкин, 1997; Бородаев, 1998; Алехин, 1999; Шульга, 1998, 2008; и др.].

Крупная *металлическая застежка* (рис. 5.-3) связывается с формированием седельной конструкции. Она могла фиксировать нагрудный ремень. Данный тип отличается от других застежек и распределителей размерами, так как подобные изделия предназначались для выполнения существенных нагрузок. Об этом свидетельствует и обнаруженный остаток ремня, который был изготовлен из свернутого в трубку толстого отреза кожи. Сама застежка имеет шляпку на стойке, оформленную в форме «запятой» или «головы грифона». На Алтае и в Восточном Казахстане такие предметы встречаются в целом ряде археологических комплексов так называемого раннескифского времени [Кирюшин, Тишкин, 1997; Кубарев, 1998; Бородаев, 1998; Алехин, Шульга, 2003; Шульга, 2008; и др.]. В этих же памятниках фиксируются металлические застежки меньших размеров (рис. 5.-4). Они представляет собой колечко со шляпкой на коротком шпеньке и обозначаются как уздечные застежки [Шульга, 2008].

Костяное дисковидное изделие (рис. 5.-5) с отверстием посередине, судя по всему, связано с формированием седельных ремней (пронизка подхвостного ремня [Шульга, 2008, рис. 63]). Подобные изделия найдены в ряде памятников Алтая ранне-

скифского времени [Тишкин, 1996; Кирюшин, Тишкин, 1997; Демин, Ситников, 1999; и др.]. Часто для таких функций использовались добавочные фаланги лошади, а также металлические диски [Шульга, 2008, рис. 63.-8–15].

Роговая ворворка (рис. 5.-6) – застежка для соединения суголовных или подбородочных ремней на уздечке или холочном ремне [Шульга, 2008, рис. 59.-1–15]. Как правило, такие предметы завершали более-менее длинные ремни и служили своеобразными пуговицами. На Алтае и в Восточном Казахстане они встречаются в нескольких комплексах [Абдулганеев, 1994; Алехин, Шульга, 2003; Шульга, 2008; и др.].

Роговой уздечный распределитель ремней (рис. 5.-7) является характерным элементом конского снаряжения ранних кочевников. В рассматриваемом регионе такие изделия встречаются довольно часто. Они изготавливались из рога и металла [Кирюшин, Тишкин, 1997; Миронов, 1999; Кочеев, 2000; Шульга, 2008; и др.].

Предметы конского снаряжения, обнаруженные на Алтае и сопредельных территориях, являются хронологическими индикаторами. Особенно важно, когда они обнаружены в комплексе. В этом плане комплект, зафиксированный «*in situ*» в кургане №1 памятника Айры-Таш-1, является важным свидетельством и требует дальнейшего тщательного изучения. Представленный набор изделий дополняют наконечники стрел.

Двухлопастной **металлический наконечник стрелы** со скрытой втулкой (рис. 5.-8) оказался сильно покрыт окислами. Такие изделия были широко распространены в аржано-маймирское время. Аналогичные изделия обнаружены на Алтае и сопредельных территориях [Кирюшин, Тишкин, 1997; Тишкин, Кунгуров, Лихачева, 2014; и др.].

Втульчатые пулевидные **роговые наконечники стрел** (рис. 5.-9–10). В сечении круглые, головка сводчатая, основание прямое. Подобные наконечники встречены в материалах кургана №8 Быстрянского могильника и кургана №7 памятника Усть-Теплая [Завитухина, 1966; Шульга, 2002]. Их достаточно редко фиксируют в раннескифских комплексах Евразии [Степная полоса..., 1992; Шульга, 2002].

Черешковые трехгранные **костяные наконечники стрел** (рис. 5.-11–12) имеют треугольную в плане верхнюю часть головки. Переход к острию обозначен резко, ближе к верхней трети изделия. В нижней части отмечается сужение головки. У основания грани переходят в шипы, дополнительно выделенные вырезами. Найденные наконечники являются характерным типом изделий раннескифского времени, встречающимся в памятниках Алтае-Саянской горной страны и других территорий [Грязнов, 1956; Вишневецкая, 1973; Кирюшин, Тишкин, 1997; Кирюшин, Степанова, 2004; и др.]. Их рассмотрению посвящена часть специальной статьи П.И. Шульги [2002].

Заключение

Исходя из представленных материалов и имеющегося круга аналогий курган №1 памятника Айры-Таш-1 может быть отнесен к бийкенской археологической культуре и предварительно датирован завершающей стадией семисартского этапа, т.е. 1-й половиной VII в. до н.э. [Тишкин, 2011]. Осуществленные раскопки кургана дали материалы, на основе которых необходимо реализовать комплекс современных методов (AMS-датирование, рентгенофлуоресцентный, молекулярно-генетический и другие анализы). Это позволит получить существенный объем научной информации, обеспечивающий основу для детальной и достоверной интерпретации.

Библиографический список

- Абдулганеев М.Т. Майэмирские курганы Бойтыгема // Археология Горного Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 37–43.
- Алехин Ю.П. Рудный Алтай в древности и средневековье // Серебряный венец России (Очерки истории Змеиногорска). Барнаул : Управление архивного дела Администрации Алтайского края, 1999. С. 17–65.
- Алехин Ю.П., Шульга П.И. Курган Кондратьевка-XXI – новый памятник раннескифского времени на Рудном Алтае // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. №10. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2003. С. 62–70.
- Баркова Л.Л. Изображения свернувшихся хищников на золотых пластинах из Майэмира // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1983. Вып. 24. С. 20–31.
- Бородаев В.Б. Вакулихинский клад (Комплекс находок раннескифского времени с местонахождения Вакулиха-1) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 56–73.
- Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э.: по материалам Уйгарака. М. : Наука, 1973. 160 с.
- Грязнов М.П. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // Краткие сообщения ИИМК. М. ; Л. : Наука, 1947. Вып. 18. С. 9–17.
- Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ села Большая Речка. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1956. 256 с. + прил. (МИА. №48).
- Грязнов М.П. Аржан: Царский курган раннескифского времени. Л. : Наука, 1980. 62 с.
- Демин М.А., Гельмелъ Ю.И. Курганное погребение раннескифского времени из Горного Алтая // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири. Барнаул : БГПИ, 1992. С. 28–34, 170–175.
- Демин М.А., Ситников С.М. Могильник Чекановский Лог-10 – новый памятник развитой бронзы и раннескифского времени Юго-Западного Алтая // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. №4. Горно-Алтайск : ГАГУ, 1999. С. 59–66.
- Завитухина М.П. Курганы у села Быстрянского в Алтайском крае (по раскопкам С.М. Сергеева в 1930 г.) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1966. Вып. 8. С. 60–77.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I : Культура населения в раннескифское время. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1997. 232 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III : Погребальные комплексы скифского времени Средней Катунь. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. 292 с.
- Кочеев В.А. Раннескифские курганы могильника Айрыдаш-IV в Горном Алтае // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. №4. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2000. С. 21–30.
- Кубарев В.Д. Погребение раннескифского времени на р. Каракол // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 74–77.
- Марсадолов Л.С. Памятники ранних кочевников в Усть-Куюме на Алтае (по раскопкам Г.П. Сосновского и Г.П. Сергеева) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1981. Вып. 22. С. 11–22.
- Марсадолов Л.С., Погожева А.П. Два кургана VIII–VII вв. до н.э. в Семисарте на Алтае // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. №8. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2001. С. 43–56.
- Мионов В.С. Особенности погребальных комплексов пазырыкской культуры в долине рек Эдиган и на сопредельных территориях // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2: Горизонты Евразии. Новосибирск : НГУ, 1999. С. 35–41.
- Молодин В.И., Петрин В.Т. Разведка в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1985. С. 50–73.
- Степанова Е.В. Эволюция подпружных застеек по материалам курганов Алтая скифского времени // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 109–115.
- Степанова Н.Ф. Погребения в каменных ящиках и их датировка // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 54–69.
- Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1992. 494 с.

Суразаков А.С., Тишкин А.А. Археологический комплекс Кызык-Телань-I в Горном Алтае и результаты его изучения. Барнаул : Азбука, 2007. 232 с. : ил.

Тишкин А.А. Погребальные сооружения курганного могильника Бийке в Горном Алтае и культура населения, оставившего их // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 20–54.

Тишкин А.А. Бийкенская культура Алтая аржано-майэмирского времени: содержание и опыт периодизации // «Terra Scythica». Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. С. 272–290.

Тишкин А.А., Кунгуров А.Л., Лихачева О.С. Рентгенофлюоресцентный анализ металлических наконечников стрел аржано-майэмирского времени с поселения Боровое-III (Верхнее Приобье) // Теория и практика археологических исследований. 2014. №2 (10). С. 96–111.

Тишкин А.А., Медникова Э.М. Некоторые изделия с городища Елбаны // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Ч. I. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 133–136.

Шульга П.И. Раннескифская упряжь в VII – начале VI вв. до н.э. по материалам погребения на р. Чарыш // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 25–49.

Шульга П.И. Ранние костяные наконечники стрел из курганов скифского времени на Алтае // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 43–61.

Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. 1 : Раннескифское время. Барнаул : Азбука, 2008. 276 с.

Yu.T. Mamadakov, A.L. Kungurov, A.A. Tishkin

THE DUG-OUT BARROW OF BIYKEN CULTURE ON AYRY-TASH-1 MONUMENT IN THE ESTUARIAL ZONE OF URSUL (Altai)

The study of the Altai sites of the Biyken archaeological culture of the Arzhan-Mayemir (“Early Scythian”) time is a necessary focus of the current research. In this context it becomes relevant to introduce to the scientific use new materials obtained in the course of archaeological excavations. During the construction of the road in the Ursul Valley (Central Altai), identification was made of ancient and medieval burial and memorial complexes, which in a certain way give content to the developed cultural and chronological scheme for regional history research. Among such objects, the №6 barrow of the Ira Tash-1 monument deserves special attention. Research allows receiving data on the features of the funeral ceremony of the Altai population at the initial stage of cultural development of early nomads and the objects found (especially a set of pieces of horse equipment) allow setting the chronological framework of the burial structure. The results presented in the article designate prospects for carrying out excavation on the site. Further complex studying of the finds will make it possible to increase the amount of objective information of historical and cultural value. Anthropological and archeozoological definitions, as well as detailed analysis of the found products will be of great importance.

Key words: Altai, Arzhan-Mayemir time, barrow, burial of the person, horse equipment, tips of arrows, burial of a horse, dating.

References

Abdulganeev M.T. Mayemirskie kurgany Boytygema [Mayemir mounds of Boytygem]. Arkheologiya Gornogo Altaya [Archaeology of the Altai Mountains]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-та, 1994. Pp. 37–43.

Alekhin Yu.P. Rudnyy Altay v drevnosti i srednevekov'e [Mining Altai in the ancient time and the Middle Ages]. Serebryany venets Rossii (Ocherki istorii Zmeinogorska) [Silver crown of Russia (Essays on the history of Zmeinogorsk)]. Barnaul : Upravlenie arkhivnogo dela Administratsii Altayskogo kraya, 1999. Pp. 17–65.

Alekhin Yu.P., Shulga P.I. Kurgan Kondratevka-XXI – novyy pamyatnik ranneskifskogo vremeni na Rudnom Altai [Kurgan Kondratevka-XXI – a new monument of the early Scythian time in the mining Altai].

Drevnosti Altaya: Izvestiya laboratorii arkhologii [Antiquities: the news of the archaeology laboratory], 10. Gorno-Altaysk : Gorno-Altayskiy gos. un-t, 2003. Pp. 62–70.

Barkova L.L. Izobrazheniya svernuvshikhhsya khischnikov na zolotykh plastinakh iz Mayemira [Images of the curled predators on the golden plates from Mayemir]. Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha [Archaeological collection of the State Hermitage], 24. 1983. Pp. 20–31.

Borodaev V.B. Vakulikhinskiy klad (Kompleks nakhodok ranneskifskogo vremeni s mestonakhozhdeniya Vakulikha-1) [Vakulihinsky treasure (complex of finds from the early Scythian time location Vakulikha-1)]. Snaryazhenie verkhovogo konya na Altae v rannem zheleznom veke i srednevekov'e [Equipment of a riding horse in Altai in the early Iron Age and the Middle Ages]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1998. Pp. 56–73.

Demin M.A., Gelmel Yu.I. Kurgannoe pogrebenie ranneskifskogo vremeni iz Gornogo Altaya [Early Scythian burial mounds of the Altay Mountains]. Voprosy arkhologii Altaya i Zapadnoy Sibiri [Questions of archaeology of Altai and Western Siberia]. Barnaul : Barnaulskiy gos. ped. in-t, 1992. Pp. 28–34, 170–175.

Demin M.A., Sitnikov S.M. Mogil'nik Chekanovskiy Log-10 – novyy pamyatnik razvitoy bronzy i ranneskifskogo vremeni Yugo-Zapadnogo Altaya [Burial Chekanovsky Log-10 – a new monument of Bronze and developed Early Scythian time of Southwest Altai]. Drevnosti Altaya: Izvestiya laboratorii arkhologii [Antiquities: Archaeology Laboratory News], 4. Gorno-Altaysk : GAGU, 1999. Pp. 59–66.

Gryaznov M.P. Arzhan: Tsarskiy kurgan ranneskifskogo vremeni [Argens: Royal mound of the early Scythian time]. Leningrad : Nauka, 1980. 62 p.

Gryaznov M.P. Istoriya drevnikh plemen Verkhney obi po raskopkam bliz sela Bolshaya Rechka [The history of the ancient tribes of the Upper Ob from excavations near the village of Bolshaya Rechka]. Moscow ; Leningrad : Izd-vo Akademii nauk N SSSR, 1956. 256 p. + supplements (MIA. №48).

Gryaznov M.P. Pamyatniki mayemirskogo etapa epokhi rannikh kochevnikov na Altae [Monuments of the Mayemir stage of the epoch of early nomads of Altai]. Kratkie soobsheniya Instituta istorii materialnoy kul'tury [Brief reports of Institute of History of Material Culture]. Moscow ; Leningrad : Nauka, 1947.

Kiryushin Yu.F., Stepanova N.F. Skifskaya epokha Gornogo Altaya. Ch. III : Pogrebal'nye komplekсы skifskogo vremeni Sredney Katuni [Scythian epoch of the Altay Mountains. Part III : The burial complexes of the Central Katun in Scythian time. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2004. 292 p.

Kiryushin Yu.F., Tishkin A.A. Skifskaya epokha Gornogo Altaya. Ch. I : Kul'tura naseleniya v ranneskifskoe vremya [Scythian epoch of the Altay Mountains. Part I : The culture of the population in the early Scythian time]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1997. 232 p.

Kocheev V.A. Ranneskifskie kurgany mogil'nika Ayrtydash-IV v Gornom Altae [Early Scythian burial mounds Ayrtydash-IV in the Altai Mountains]. Drevnosti Altaya: Izvestiya laboratorii arkhologii [Antiquity: Proceedings of the archaeological laboratory], 4. Gorno-Altaysk : Gorno-Altayskiy gos. un-t, 2000. Pp. 21–30.

Kubarev V.D. Pogrebenie ranneskifskogo vremeni na r. Karakol [The burial of the early Scythian time on the river Karakol]. Snaryazhenie verkhovogo konya na Altae v rannem zheleznom veke i srednevekov'e [Equipment of a riding horse in Altai in the early Iron Age and the Middle Ages]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1998. Pp. 74–77.

Marsadolov L.S. Pamyatniki rannikh kochevnikov v Ust-Kuyume na Altae (po raskopkam G.P. Sosnovskogo i G.P. Sergeeva) [Monuments of early nomads in Ust-Kuyume Altai (based on G.P. Sosnovsky and G.P. Sergeev excavations)]. Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha [Archaeological collection of the State Hermitage], 22, 1981. Pp. 11–22.

Marsadolov L.S., Pogozheva A.P. Dva kurgana VIII–VII vv. do n.e. v Semisarte na Altae [Two mounds of the VIII–VII centuries BC in Semisarta in Altai]. Drevnosti Altaya: Izvestiya laboratorii arkhologii [Antiquities of Altai: Proceedings of the archaeological laboratory], 8. Gorno-Altaysk : Gorno-Altayskiy gos. un-t, 2001. Pp. 43–56.

Mironov V.S. Osobennosti pogrebal'nykh kompleksov pazyrykskoy kul'tury v doline rek Edigan i na sopredelnykh territoriyakh [Features of funerary complexes of Pazyryk culture in the valley the rivers Edigan and adjacent territories]. Evraziya: kul'turnoe nasledie drevnikh tsivilizatsiy. Vyp. 2 : Gorizonty Evrazii [Eurasia: the cultural heritage of ancient civilizations]. Vol. 2 : Horizons of Eurasia. Novosibirsk : Novosib. gos. un-t, 1999. Pp. 35–41.

Molodin V.I., Petrin V.T. Razvedka v Gornom Altae [Exploration in the Altai Mountains]. Altay v epokhu kamnya i rannego metalla [Altai in the era of rock and early metal]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1985. Pp. 50–73.

Shulga P.I. Ranneskifskaya upryazh v VII – nachale VI vv. do n.e. po materialam pogrebeniya na r. Charysh [Early Scythian harness in VII – beginning of VI centuries BC on the burial materials at the Charysh river]. Snaryazhenie verkhovogo konya na Altae v rannem zheleznom veke i srednevekove [Equipment of a riding horse in Altai in the early Iron Age and the Middle Ages]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1998. Pp. 25–49.

Shulga P.I. Rannie kostyanye nakonechniki strel iz kurganov skifskogo vremeni na Altae [Early bone arrowheads from the Scythian burial mounds in Altai]. Materialy po voennoy arkheologii Altaya i sopredelnykh territoriy [Materials on military archaeology of Altai and adjacent territories]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2002. Pp. 43–61.

Shulga P.I. Snaryazhenie verkhovoy loshadi i voinskie poyasa na Altae. Ch. 1 : Ranneskifskoe vremya [Equipment of a military horse and military gurdles in Altai. Part 1: Early Scythian time]. Barnaul : Azbuka, 2008. 276 p.

Stepanova E.V. Evolyutsiya podpruzhnykh zastezhek po materialam kurganov Altaya skifskogo vremeni [Evolution of girth buckles on materials Altai mounds in the Scythian period]. Snaryazhenie kochevnikov Evrazii [Equipment of Eurasian nomads]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2005. Pp. 109–115.

Stepanova N.F. Pogrebeniya v kamennykh yashchikakh i ikh datirovka [The burials in stone boxes and their dating]. Pogrebal'nyy obryad drevnikh plemen Altaya [The funeral rite of the ancient tribes of Altai]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1996. Pp. 54–69.

Stepnaya polosa aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya [Steppe zone of the Asian part of the USSR in the Scythian-Sarmatian time]. Moscow : Nauka, 1992. 494 p.

Surazakov A.S., Tishkin A.A. Arkheologicheskiy kompleks Kyzыk-Telan-I v Gornom Altae i rezultaty ego izucheniya [Archaeological complex Kyzыk-Telani-I in the Altai Mountains and the results of its study]. Barnaul : Azbuka, 2007, 232 p. : ill.

Tishkin A.A. Biykenskaya kul'tura Altaya arzhano-mayemirskogo vremeni: sodержanie i opyt periodizatsii [Biykenskaya culture of Argeno-Mayemirskoe time: the content and the experience of periodization]. "Terra Scythica". Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 2011. Pp. 272–290.

Tishkin A.A. Pogrebal'nye sooruzheniya kurgannogo mogil'nika Biyke v Gornom Altae i kul'tura naseleniya, ostavivshego ikh [Funeral constructions of the Bijka burial mound in the Altai Mountains and the culture of the population who left them]. Pogrebal'nyy obryad drevnikh plemen Altaya [The funeral rite of the ancient tribes of Altai]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1996. Pp. 20–54.

Tishkin A.A., Kungurov A.L., Likhacheva O.S. Rentgenoflyuorestantsentnyy analiz metallicheskiikh nakonechnikov strel arzhano-mayemirskogo vremeni s poseleniya Borovoe-III (Verkhnee Priobe) [X-ray fluorescence analysis of metal arrowheads of the Argan-Mayemirskoe ime from the Borovoye-III settlement (Upper Ob)]. Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy [Theory and practice of archaeological research], 2(10), 2014. Pp. 96–111.

Tishkin A.A., Mednikova E.M. Nekotorye izdelii s gorodischa Elbany [Some objects from the settlement Elbany]. Okhrana i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaya. Ch. I [Protection and study of the cultural heritage of Altai]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1993. Pp. 133–136.

Vishnevskaya O.A. Kul'tura sakskikh plemen nizov'ev Syrdar'i v VII–V vv. do n.e.: po materialam Uygarka [The culture of the Saka tribes in the lower reaches of the Syrdarya in the VII–V centuries BC: on the materials of Uygark]. Moscow : Science, 1973. 160 p.

Zavitukhina M.P. Kurgany u sela Bystryanskogo v Altayskom krae (po raskopkam S.M. Sergeeva v 1930 g.) [The mounds near the village of Bystryanskay in the Altai region (based on S.M. Sergeev's excavations in 1930)]. Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha [Archaeological collection of the State Hermitage], 8, 1966. Pp. 60–77.

КИНЖАЛЫ-«ВКЛАДЫШИ» В ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЕ ГОРНОГО АЛТАЯ

Статья посвящена своеобразным изделиям пазырыкской культуры Горного Алтая – уменьшенным копиям бронзовых кинжалов, помещенным в полноразмерные деревянные ножны. В качестве основного источника послужили серия находок таких кинжалов (всего 10 экз.) из курганов скифского времени (V–III вв. до н.э.) долины Узунтал (раскопки автора 1971–1973 гг.), а также большинство известных в настоящее время подобных изделий из других могильников Горного Алтая (более 100 экз.). Средние размеры таких кинжалов – от 14,5–15 до 19,5–20 см; встречаются и более мелкие образцы (до 10–12 см). Длина же «настоящих» боевых кинжалов может достигать 35–40 см, но не менее 30 см. О назначении их уменьшенных воспроизведений как культовых изделий уже высказывались различные точки зрения. Ключевым моментом для выяснения причин вотивизации данных предметов, по мнению автора, может служить в первую очередь несоответствие размеров кинжалов-«вкладышей» и полномасштабных ножен, благодаря чему с внешней стороны такой кинжал на поясе погребенного выглядел как настоящий. Скорее всего, помещенная таким образом имитация – двойник (душа?) кинжала – была предназначена для его последующей реинкарнации, в то время как сам кинжал мог оставаться в социуме как своего рода «гарантия» или для дальнейшего употребления.

Ключевые слова: Горный Алтай, кинжал, ножны, погребение, размер, имитация, вотивизация, социум.

DOI: 10.14258/tpai(2016)1(13).-02

Пазырыкская культура, прославившаяся раскопками больших, или «царских», курганов на Алтае [Грязнов, 1950; Руденко, 1953, 1960; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003], а в последние годы – «аристократических» погребений на Укоке [Полосьмак, 1994, 2001] и в соседней Северо-Западной Монголии [Молодин, Парцингер, Цэвэндорж, 2012], отличается рядом специфических особенностей, выделяющих ее среди других культур этого времени Центральной Азии и Южной Сибири. К числу таких особенностей можно отнести: сооружение погребальных камер-«часовен» на дне глубоких могильных ям, где отдельно, на свободной площади, а не непосредственно с погребенным, размещается сопроводительный инвентарь [Савинов, 1997]*; исключительное богатство деревянных художественных изделий, по-новому представивших феномен скифо-сибирского звериного стиля [Древнее искусство Алтая, 1958; Мыльников, 2011]; мумификацию и удивительно изощренную татуировку погребенных [Феномен алтайских мумий, 2000]; отчетливое влияние переднеазиатского искусства [Руденко, 1961], в свою очередь, уже в пазырыкском исполнении отразившееся в изобразительном искусстве соседних территорий (Тува, Минусинская котловина), и др.

В этом ряду следует рассматривать и бронзовые уменьшенные модели кинжалов, найденные вместе с полноразмерными деревянными ножнами, известные на Алтае в большом количестве и уже привлекавшие внимание исследователей. С точки зрения терминологии уместно для подобного рода предметов наименование кинжалы-«вкладыши». Серия таких кинжалов происходит из курганов пазырыкской культуры в долине Узунтал (Южный Алтай, раскопки 1971–1973 гг.). В то время (после раскопок С.С. Сорокина на р. Аргуте и до планомерных исследований В.Д. Кубарева на

* Изобразительно эта идея воплощена в реконструкциях «элитных» погребений из Ак-Алахи [Полосьмак, 2001, рис. на с. 187] и Берели [Самашев и др., 2000, рис. на с. 12–13].

р. Юстыде и в Уландрыке) она могла считаться наиболее крупной коллекцией подобного рода изделий. Подробные сведения об условиях их нахождения и общая характеристика были приведены ранее [Савинов, 1993].

Всего в долине Узунтал (далее – УЗ-I, III и пр.) были найдены десять таких кинжалов; большинство из них – с деревянными ножами. По характеру своего изготовления они делятся на две группы: со сплошной (рис. 1) и прорезной (рис. 2) рукоятками. Хронологически кинжалы обеих групп не разделяются, так как некоторые из них найдены в одних и тех же погребениях, например в УЗ-I (курган №3). Очевидно, что все они не использовались в реальных военных действиях и были изготовлены специально для погребения. Об этом свидетельствуют как их небольшие размеры (длина узунтальских кинжалов находится в интервале от 14,5–15 до 19,5–20 см), так и отсутствие дополнительной обработки после весьма небрежного изготовления (сохранившиеся наплывы от литья на навершиях, следы литейного брака и др.)*. В этой ситуации говорить о каких-либо типологических особенностях, тем более сравнительно небольшой серии предметов, сложно. Все они повторяют в весьма упрощенном виде формы настоящих бронзовых кинжалов, в первую очередь кинжалов-акинаков и кинжалов с брусковидными навершиями, причем это касается кинжалов как со сплошной, так и с прорезной рукоятками. Нет и явных следов заточенности лезвий.

Большинство кинжалов найдены вместе с ножами, представляющими собой деревянные пластины с двумя парами выступающих лопастей с отверстиями для крепления портупейных ремней: верхние, более широкие, – на месте перекрестия; нижние – приблизительно в месте окончания лезвия вложенных в них кинжалов (рис. 1.-5–6; рис. 2.-2–3, 5). С обратной стороны пластины сделано плоское углубление, вырезанное по форме клинка кинжала, прикрытое кожаной накладкой таких же очертаний (рис. 2.-4). Нижняя часть ножен, где бронза не оказывала своего консервирующего воздействия, не сохранилась, так что судить о ней трудно. В узунтальской серии по своей длине они соответствовали не уменьшенным кинжалам-«вкладышам», а настоящим полноразмерным кинжалам, которые по каким-то причинам были заменены в погребениях уменьшенными копиями. Внешняя сторона всех узунтальских ножен окрашена в красный цвет. Кроме того, на перекрестии ножен кинжала из УЗ-VI (курган №5) изображены стилизованные рога горного козла (рис. 1.-5; рис. 3.-1), а на ножнах из УЗ-VI (курган №6) вырезана фигурка стоящего кабана (рис. 1.-6; рис. 3.-2). Таким образом, с лицевой стороны кинжалы с ножнами должны были выглядеть как настоящие боевые кинжалы-акинаки, а не их уменьшенные копии.

В курганах Узунтала такие кинжалы-«вкладыши» были найдены как в мужских, так и в женских погребениях (в одном случае – УЗ-II (курган №2) – в захоронении женщины с ребенком). Находки предметов вооружения в женских погребениях вообще довольно часто встречаются в тагарской и раннесарматской культурах этого времени, однако рассмотрение этого вопроса выходит за рамки данной статьи. Там, где это удалось проследить, кинжалы с ножнами в погребениях Узунтала находились около тазовых костей (у «пояса») погребенных, в одном случае – на бедренной кости. Рядом с ними располагались (возможно, также votивные?) чеканы с длинной рукояткой, привешивающиеся к поясу в специально сделанных для этого чехлах [Савинов, 1993, рис. 4–5].

* В настоящей работе мы не касаемся вопросов датировки узунтальских погребений, которая устанавливается в соответствии с общей хронологией памятников пазырыкской культуры в пределах V–III вв. до н.э. (с периодом ее расцвета в IV в. до н.э. и угасанием на рубеже III–II вв. до н.э.).

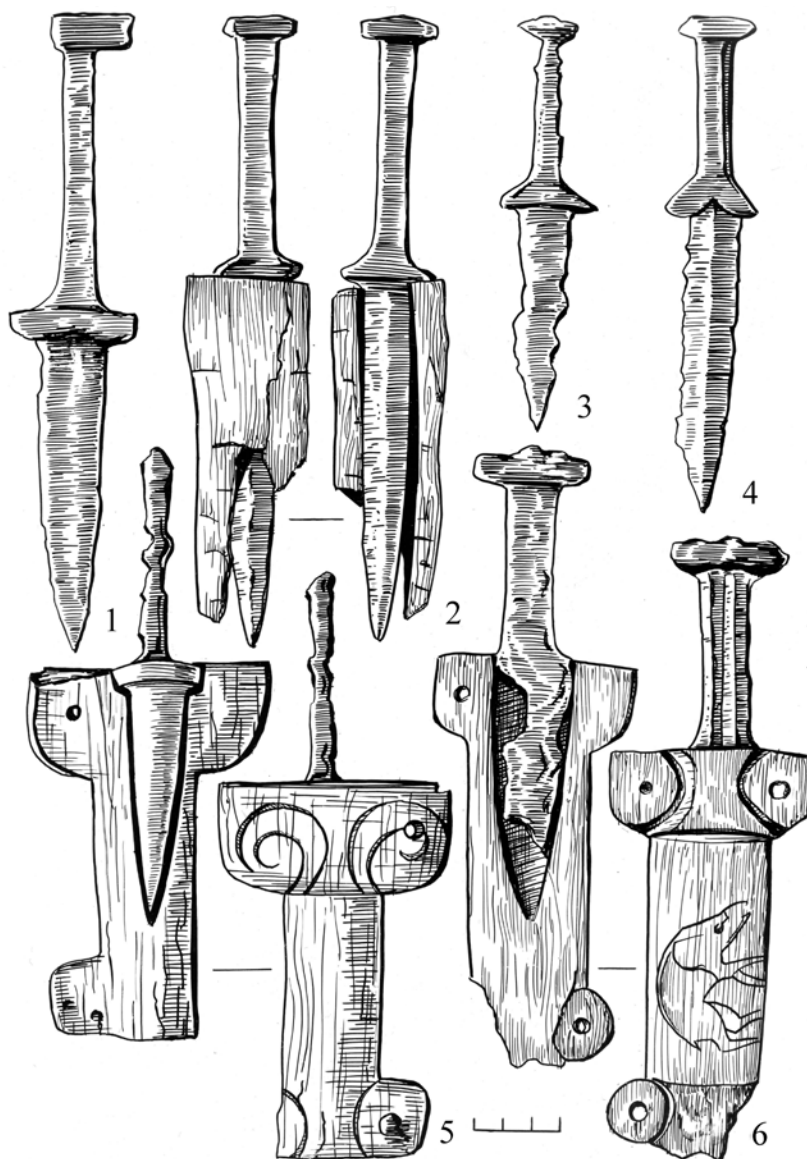

Рис. 1. Узунтальские кинжалы-«вкладыши» со сплошной рукояткой:
1 – УЗ-I, курган №2; 2 – УЗ-I, курган №3; 3 – УЗ-I, курган №2; 4 – УЗ-I, курган №3;
5 – УЗ-VI, курган №5; 6 – УЗ-VI, курган №6 (1, 3, 4 – бронза; 2, 5, 6 – бронза, дерево)

В настоящее время общее количество таких кинжалов-«вкладышей», найденных в Горном Алтае, насчитывает уже около 100 экз. Значительная часть их происходят из раскопок В.Д. Кубарева в южных районах (приблизительно там же, где находились и группы могильников Узунтала) и опубликованы в трех монографиях, посвященных исследованию рядовых погребений пазырыкской культуры на Алтае: могильники Уландрык и Ташанта – «Курганы Уландрыка» [Кубарев, 1987]; могильники Юстыд

и Джолин – «Курганы Юстыда» [Кубарев, 1991]; могильники Барбургазы и Малталу – «Курганы Сайлюгема» [Кубарев, 1992]. Большинство из найденных там кинжалов, естественно, с некоторыми вариациями, соответствуют узунтальским, однако, в отличие от последних, во многих случаях здесь сохранились нижние части ножен, оформленные в виде округлого оконечника, иногда орнаментированного. Отдельные находки подобных изделий известны и по раскопкам других могильников (Боротал, Арагол, Алагаил, Кызыл-Джар, Кош-Пей и др.).

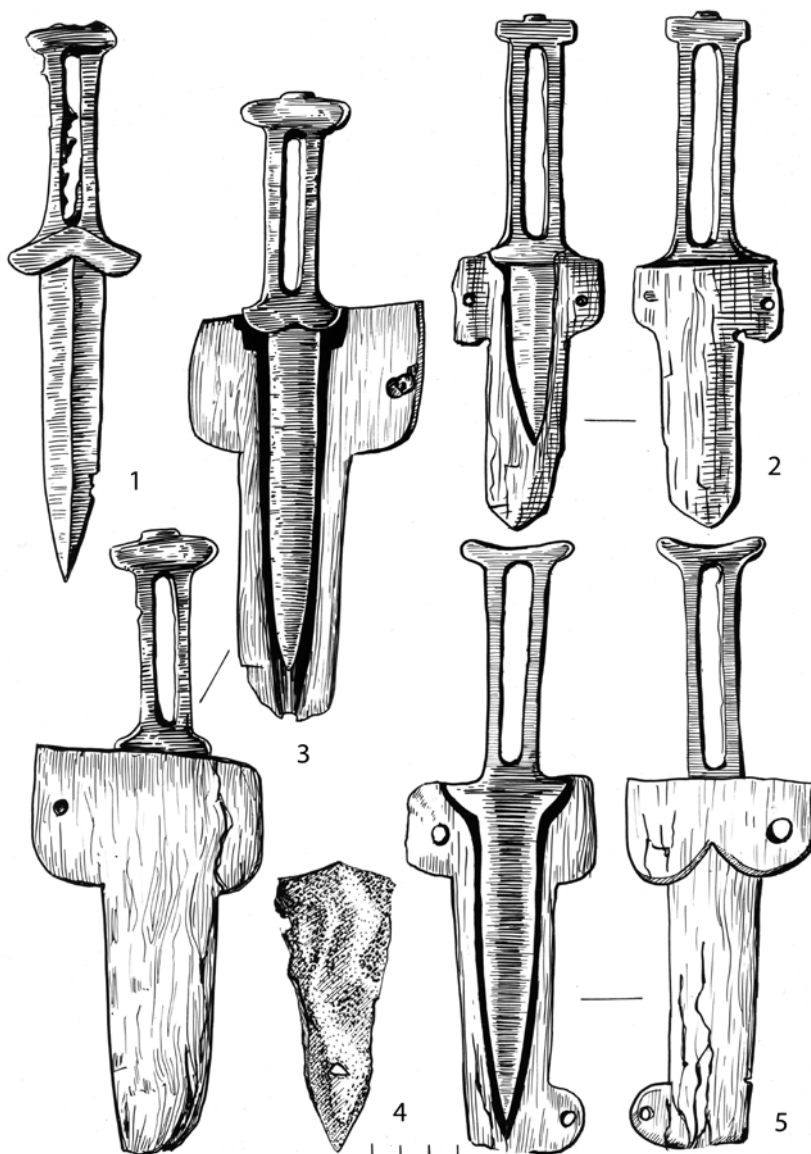

Рис. 2. Узунтальские кинжалы-«вкладыши» с прорезной рукояткой:
1 – УЗ-III, курган №2; 2 – УЗ-I, курган №3; 3 – УЗ-I, курган №2; 4 – УЗ-VI, курган №5;
5 – УЗ-III, курган №5 (1 – бронза; 2-3, 5 – бронза, дерево; 4 – кожа)

Из раскопок последующих лет можно отметить два кинжала-«вкладыша», найденные на Укоке: на одном из них (могильник Ак-Алаха, курган №2) выступы на ножнах украшены деревянными «пуговицами» [Полосьмак, 1994, рис. 79.-2, 3]; в другом случае (могильник Верх-Кальджин-II, курган №3) не только ножны, но и сам кинжал выполнены из дерева [Феномен алтайских мумий, 2000, рис. 136]. Такие же деревянные модели кинжалов еще раньше были обнаружены в могильниках Уландрык-I, (курган №1) и Барбургазы-I (курган №18) [Кубарев, 1987, рис. 21; 1992, рис. 19]. Согласно заключению В.П. Мыльников [2011, с. 61, рис. 51], изготовление таких деревянных кинжалов с ножнами относится к разряду сложной (с элементами художественной резьбы) пазырыкской культуры скифского времени.

За пределами Горного Алтая столь отчетливо выраженных моделей кинжалов с ножнами найдено немного. Из них на Северном Алтае наиболее выразительная находка – сильно сточенный кинжал с зооморфным оформлением в деревянных ножнах из могильника Староалейка-II (могила-56) [Кирюшин, Кунгуров, 1996, рис. 15.-1]. Из недавних раскопок курганов пазырыкского типа (с мерзлотой) в Северной Монголии (могильник Олон-Курин-Гол-10, курган №1) происходит такой кинжал, но уже железный, в аналогичных ножнах [Молодин, Парцингер, Цэвэндорж, 2012, рис. 96–97 и др.], однако, скорее всего, это уже заимствование. Исходя из всех имеющихся материалов можно с уверенностью сказать, что изготовление и использование в погребальном обряде бронзовых кинжалов-«вкладышей» с полноразмерными деревянными ножнами является одной из отличительных особенностей пазырыкской культуры Алтая.

Общая оценка и подробная характеристика рассматриваемых изделий даны в работах В.Д. Кубарева, особенно в первой из «триады» его книг, посвященных пазырыкским курганам Южного Алтая, – «Курганы Уландрыка». В двух других, в связи с накоплением нового археологического материала, они уже в основном повторялись. В работе 1987 г. говорится, что все алтайские кинжалы «...представляют собой уменьшенные копии, специально изготовленные для погребального обряда» и «отличаются небрежностью отливки, асимметрией форм». Отмечено, что длина настоящих боевых кинжалов может достигать 35–40 см, но «...редко она опускается ниже 30 см». Имитации, или копии, таких кинжалов делятся на две группы: уменьшенные, длина которых составляет от 19 до 22,5 см, и миниатюрные, длиной до 13 см. Последние уже не были «...точной копией кинжалов, а являлись своего рода символами кинжала». В погребениях кинжалы с ножнами «...чаще всего располагались справа от погребенных – вдоль бедренной кости или поверх тазовых костей и, очевидно, прикреплялись к ноге охватывающими ремешками, хорошо сохранившимися на деревянных ножнах...». Происхождение подобных ножен и способа их ношения связано с сакской ираноязычной средой; отсюда предложенное для них наименование – ножны «ирано-алтайского типа» [Кубарев, 1987, с. 54–59, 64–65].

В последующих публикациях некоторые из этих размеров уточняются: длина уменьшенных кинжалов определяется в пределах 13–21 см, а миниатюрных – до 11 см. При этом длина полноразмерных кинжалов составляет по-прежнему 35–40 см, но не менее 30 см [Кубарев, 1991, с. 73]. В другом случае длина уменьшенных кинжалов равна 16–21 см, миниатюрных – 10–14 см [Кубарев, 1992, с. 57]. Эти колебания вполне естественны и, скорее всего, следуют за вновь найденными образцами таких изделий. Впрочем приведенные отклонения не являются существенными: ясно, что разница между подлинными предметами вооружения – кинжалами и их уменьшенными копия-

ми составляет около половины всей длины полноразмерного кинжала. Что касается более мелких миниатюрных изделий (в среднем до 10–13 см), то они уже очень отдаленно напоминают исходные образцы; в алтайских материалах, в отличие от Минусинской котловины, их значительно меньше.

Не касаясь пока вопросов назначения и семантики подобных изделий, отметим, что на территории Алтая известно и несколько настоящих бронзовых кинжалов. В основном это случайные находки, но встречаются они и в комплексах, например полноразмерные кинжалы с «грифовыми» навершиями из могильников Тыткескень-VI (курган №4) и Кайнду (курган №2) [Неверов, Степанова, 1990, рис. 6; Кирюшин, Степанова, 2004, рис. 16, 48, 87; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, рис. 36]. Но таких кинжалов немного. В основном в то время они уже делались из железа, и сохранность их значительно хуже. Соответственно, единая типология (или схема развития) всех алтайских кинжалов (полноразмерных железных и бронзовых, включая уменьшенные копии последних, лишь в общих чертах передающих типологические особенности оригинала [Суразаков, 1988]) может считаться достаточно условной.

С аналитической точки зрения более оправданно рассмотрение алтайских кинжалов-«вкладышей» не в связи с их типологическими особенностями, в большинстве случаев трудноуловимыми, а как совершенно особой категории изделий и, главным образом (во всяком случае, пока), по их назначению и семантике. Это наиболее скрытое, но, тем не менее, самое перспективное направление их исследования.

За пределами Горного Алтая устойчивых серий кинжалов-«вкладышей» нет. Как уже отмечалось, отдельные находки такого рода известны на Северном Алтае (Староалейка-II, могила-56), но они единичны. В то же время, скорее всего, неслучайно появляются ножи, сделанные из роговых пластин с гравировками (Рогозиха-1 (курган №2) и др.), повторяющие форму деревянных горно-алтайских ножен [Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 16, рис. 18.-1–2; рис. 57.-1–6]. В соседней Северо-Западной Монголии известна одна такая находка (могильник Олон-Курин-Гол-10, курган №1), но вкладышевый кинжал там в таких же деревянных ножнах длиной 25,5 см сделан из железа [Молодин, Парцингер, Цэвэндорж, 2012, рис. 141–145]. Других подобных находок в данном регионе пока нет. В тувинских погребениях того времени все бронзовые кинжалы – настоящие, типа акинаков, например из могильника Саглы-Бажи-II [Грач, 1980, рис. 30–31]. И это отличие сохраняется на всем протяжении существования саглынской (или уюкской) культуры. Употреблялись они, как правило, не с деревянными, а с кожаными ножнами.

В Минусинской котловине большинство предметов вооружения того времени, в том числе и кинжалов, бронзовые, причем там достаточно рано (приблизительно с рубежа V–IV вв. до н.э.) начинается процесс их вотивизации, закончившийся к концу тагарской эпохи (тесинский этап) появлением настоящих «миниатюр» (термин, введенный в научный оборот в работах С.В. Киселева и отсюда «перекочевавший» в алтайскую археологию). Однако сам процесс миниатюризации (возможно, под воздействием пазырыкской культуры Алтая, что соответствует появлению изображений «алтайского стиля» в искусстве Минусинской котловины) проходил постепенно и не фиксируется столь четким противопоставлением размеров настоящих предметов вооружения и их уменьшенных копий, как в Горном Алтае. На Алтае такие ярко выраженные миниатюры находятся только в самых поздних памятниках пазырыкской культуры (например, УЗ-III, курганы №3 и 5) и датируются II в. до н.э. – I в. н.э. уже

по тесинским аналогиям [Савинов, 1978, с. 53, рис. 1.-15–18]. За этим разнообразием форм проявления видится один и тот же культурно-исторический процесс, но осуществляется он в разных регионах по-разному.

Совсем иначе «смотрятся» ножны. Судя по пазам на обратной стороне, вырезанным по форме кинжалов-«вкладышей», большинство из них также являются моделями, но сохраняющими свои действительные размеры. С внешней стороны такие ножны, особенно соответствующим образом декорированные, должны были выглядеть как «настоящие». В качестве образца таких кинжалов в ножнах обычно приводятся изображения саков на рельефах из Персеполя и на золотой пластине из Аму-Дарьинского клада (рис. 4.-1–3), по которым можно представить и способ ношения кинжалов «ирано-алтайского» типа. Через отверстия в выделенных лопастях на ножнах один их конец крепится к поясу, а другой при помощи охватывающих ремешков фиксируется на бедре. Как справедливо отмечает В.Д. Кубарев [1987, с. 65], «... этот рациональный способ могли изобрести только кочевники».

Однако необходимо сделать некоторые замечания или дополнения. Так, нижний ремень, охватывавший ногу, у всадника ни в коем случае не мог быть пропущен между ногами, как это показано на изображении из Аму-Дарьинского клада (рис. 3.-3). В предложенной по этим изображениям реконструкции [Кубарев, Шульга, 2007, рис. 74.-11] ремень, крепившийся к поясу, показан излишне длинным (рис. 4.-4). Реальный кинжал должен был располагаться ближе к поясу, как это показано на изображении всадника из могильника Верх-Кальджин-II (раскопки В.И. Молодина), где рукоятка кинжала находится рядом с подвешенным там же чеканом [Полосьмак, Баркова, 2005, рис. на с. 80]. Это объясняет, почему большая часть кинжалов узунтальской серии была найдена около тазовых костей (на «поясе») погребенных.

Наконец, самый сложный и до конца не решенный вопрос – о причинах столь массового распространения уменьшенных копий, или моделей, кинжалов при сохранении полноразмерных ножен в пазырыкской культуре Алтая. По этому поводу уже высказаны различные точки зрения, но ни одна из них не является достаточно доказательной. Самые простые объяснения – экономия металла или сохранение реальных предметов вооружения «в семье», передача их «по наследству» – вполне вероятны, но лишены какого-либо археологического обоснования. По мнению В.Д. Кубарева, изначально это были культовые изделия. «В скифское время население Горного Алтая применяло железное оружие, а найденные в погребениях кинжалы и чеканы из бронзы, даже близкие по формам и размерам к настоящим, все без исключения являются культовыми моделями» [Кубарев, 1981, с. 53]. В широком плане это наиболее вероятное объяснение, но оно не раскрывает их дальнейшего (обрядового) назначения. Кроме того, поскольку все они найдены непосредственно с погребенными, следует предположить и участие самих погребенных в этих обрядовых действиях, а оно также никак не аргументируется.

В другой, совместной с П.И. Шульгой, монографии также говорится об их культовом назначении [Кубарев, Шульга, 2007, с. 70], но данное предположение уже раскрывается несколько иначе, конкретизируется: «Помещенные в захоронение ... модели ножен и кинжалов могут рассматриваться не только как заменители настоящего оружия умершего, но и как особый священный предмет культового назначения, или посвященные дары божествам в мире ином» [Кубарев, Шульга, 2007, с. 85]. Идея о том, что в состав сопроводительного инвентаря входят не только аксессуары самого погребенного, но и вещи, предназначенные для представления их «божеству», являет-

ся весьма продуктивной, но не исключает других мотивировок. При этом в сферу предполагаемого объяснения может войти все, что составляет еще не познанное поле так называемого «археологии ритуала», в том числе инаковое состояние вещи, как и самого человека, при переходе в иную систему соответствия формы и содержания*.

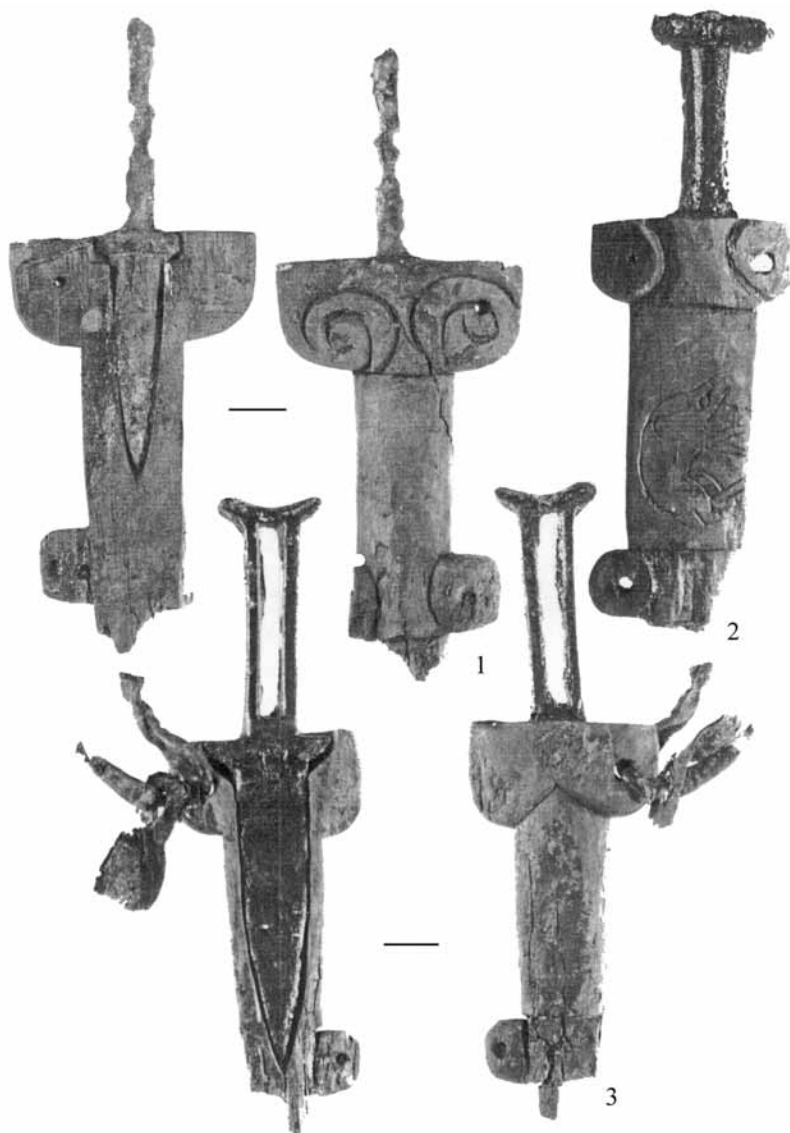

Рис. 3. Узунтальские кинжалы-«вкладыши» с деревянными ножнами:
1 – УЗ-VI, курган №5; 2 – УЗ-VI, курган №6; 3 – УЗ-III, курган №4 (бронза, дерево, кожа)

* На основании находки кинжала, зашитого в кожаный футляр, в одном из погребений Ужурского могильника Н.Л. Членова [1967, с. 23] предположила, что «...видимо, так делали сознательно, чтобы покойник не мог вредить живым или для того, чтобы он не потерял кинжал во время дальней дороги в загробный мир». Думается, что к алтайским кинжалам это не имеет прямого отношения. Точно так же «зашитыми» в кожаные чехлы были найдены многие бронзовые зеркала того времени.

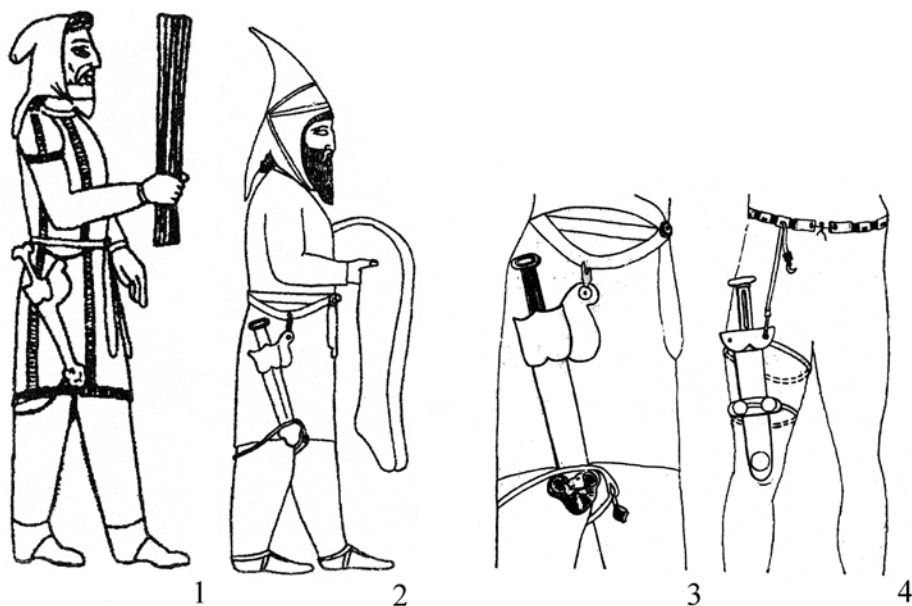

Рис. 4. Кинжалы с ножами «ирано-алтайского» типа: 1 – Аму-Дарьинский клад; 2–3 – Персепольский рельеф (по: [Шульга, 2003]); 4 – реконструкция способа крепления кинжалов с ножами «ирано-алтайского» типа (по: [Кубарев, Шульга, 2007])

Иначе говоря, измененная вещь – мертвая вещь, как одно из условий (наравне с человеком), может быть представленной «божеству».

С нашей точки зрения, отправным элементом здесь может служить в первую очередь несоответствие размеров моделей кинжалов-«вкладышей» и полномасштабных ножен, в которые они помещались, тем более что сами ножны при этом соответствующим образом окрашивались и декорировались. Благодаря этому с внешней стороны такой кинжал, находившийся (как и положено!) на поясе погребенного, тоже выглядел как настоящий, что и было необходимо при проведении обрядовых действий, связанных с «проводами» умершего. Помещенная таким образом в специально сделанный для этого паз имитация-двойник (душа?) кинжала могла быть предназначена для его последующей реинкарнации, в то время как сам кинжал (особенно древний – бронзовый) оставался в социуме как своего рода «гарантия» или для дальнейшего воспроизводства (употребления).

О том, что в пазырыкском обществе существовала такая скрытая социально-психологическая мотивировка «подмены» ценностей (а все пазырыкские кинжалы в ножнах внешне должны были экспонироваться как настоящие «полновесные» изделия), свидетельствуют и некоторые другие примеры, правда, они касаются уже материалов больших, или «царских», курганов. Так, самый большой (диаметром 47 м) и один из самых поздних больших пазырыкских курганов – курган Шибе (раскопки М.П. Грязнова, 1927 г.) – оказался и самым «бедным». Скорее всего, это связано не с ограблением, а с тем, что в данном случае его содержание (своего рода «оскудение династии») компенсировалось внешними масштабами сооружения*. Возможно, что в этом же семан-

* Нечто подобное можно предположить и для самых поздних и больших скифских курганов Причерноморья – Александропольского кургана и кургана Огуз.

тическом поле следует рассматривать и необычайно большие по отношению к реальной фигуре человека размеры верхней плечевой одежды из Пазырыка, необходимые для представления «божеству». В равной степени это касается знаменитой повозки из Пятого Пазырыкского кургана, на которой нельзя ездить, пазырыкской «арфы», на которой нельзя играть, а также, возможно, многих других, еще не опознанных с этой точки зрения предметов материальной культуры, используемых в погребальном обряде. Конечно, все это явления разного порядка, но на глубинном уровне сознания мотивировка у них одна: в обрядовом контексте представить инаковое (вотивное) как реальное (желаемое) и желаемое как действительное.

Библиографический список

- Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М. : Наука, 1980. 255 с.
- Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1950. 85 с.
- Древнее искусство Алтая / под ред. М.П. Грязнова. Л. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1958. 24 с. : илл.
- Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Могильник раннего железного века Староалейка-II // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 115–134.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Алтая. Ч. II : Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. 232 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Алтая. Ч. III : Погребально-поминальные комплексы скифского времени Средней Катуня. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. 290 с.
- Кубарев В.Д. Кинжалы из Горного Алтая // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : Наука, 1981. С. 29–54.
- Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск : Наука, 1987. 299 с.
- Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск : Наука, 1991. 176 с.
- Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск : Наука, 1992. 218 с.
- Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. 280 с.
- Молодин В.И., Парцингер Г., Цэвээндорж Д. Замерзшие погребальные комплексы пазырыкской культуры на южных склонах Сайлюгема (Монгольской Алтай). М. : Триумф-принт, 2012. 564 с.
- Мыльников В.П. Резьба по дереву в скифское время. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. 188 с.
- Неверов С.В., Степанова Н.Ф. Могильник скифского времени Кайнду в Горном Алтае // Археологические исследования на Катуня. Новосибирск : Наука, 1990. С. 242–270.
- Полосьмак Н.В. «Стерегиущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск : Наука, 1994. 120 с.
- Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск : ИНФОЛИО-пресс, 2011. 331 с.
- Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.). Новосибирск : ИНФОЛИО, 2005. 229 с.
- Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1953. 401 с.
- Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. 349 с.
- Руденко С.И. Искусство Алтая и Передней Азии. М. : Изд-во восточн. литер., 1961. 66 с. : илл.
- Савинов Д.Г. О завершающем этапе культуры ранних кочевников Горного Алтая // Краткие сообщения Института археологии. 1978. Вып. 154. С. 48–55.
- Савинов Д.Г. Погребения скифского времени в долине Узунтал // Материалы по истории и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск : ГАНИИИЯЛ, 1993. С. 4–18.
- Савинов Д.Г. Погребальные камеры-«часовни» больших Пазырыкских курганов // Сакральное в истории культуры. СПб. : ГМИР, 1997. С. 30–40.
- Самашев З., Базарбаева Г., Кумабекова Г., Сунгатай С. Берел. Алматы : Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2000. 53 с. : ил.

Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск : ГАНИИИЯЛ, 1988. 214 с.

Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-2 на левобережье Оби. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. 192 с.

Феномен алтайских мумий / под ред. акад. А.П. Деревянко и В.И. Молодина. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. 318 с.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М. : Наука, 1967. 296 с.

Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4А. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. 201 с.

D.G. Savinov

DAGGERS-«INSERTS» OF PAZYRYK CULTURE OF THE ALTAI MOUNTAINS

The article deals with the peculiar artifacts of Pazyryk culture of the Altai Mountains, the scaled-down copies of bronze daggers, placed in full-size wooden scabbards. A series of 10 daggers from the Uzuntal valley burial-mounds of Scythian period (5th – 3rd centuries BC) excavated by the author in 1971–1973 as well as most of such objects (more than one hundred specimens) from other burials of the Altai Mountains known nowadays became the main source for this research. Average length of the daggers varies from 14,5–15 to 19,5–20 cm, there are also smaller ones (10–12 cm) while average length of battle daggers reaches 35–40 cm, but no less than 30 cm. Thus, there have been already diverse opinions expressed on the religious significance of scaled-down daggers. According to the author, the discrepancy in size between “insert” daggers and full-sized wooden scabbards is the key point in explaining the votive nature of these pieces: hanging on the belt of the buried deceased, such «insert» dagger looked real due to scabbard – this imitation (twin or soul? of a dagger) was probably intended for reincarnation while the ordinary dagger was left in the society as a kind of “guaranty” or for further use.

Key words: the Altai Mountains, dagger, scabbard, burial, size, imitation, votive, society.

References

Chlenova N.L. Proiskhozhdenie i rannaya istoriya plemen tagarskoy kultury [The origin and early history of the Tagar tribes culture]. Moscow : Nauka, 1967. 296 p.

Drevnee iskusstvo Altaya [Ancient art of Altai], pod red. M.P. Gryaznova. Leningrad : Izd-vo Gos. Ermitazha, 1958. 24 p. : ill.

Fenomen altayskikh mumiy [The phenomenon of Altai mummies], pod red. akad. A.P. Derevyanko i V.I. Molodina eds. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 2000. 318 p.

Grach A.D. Drevnie kochevniki v tsentre Azii [Ancient nomads in Central Asia]. Moscow : Nauka, 1980. 255 p.

Gryaznov M.P. Pervyy Pazyrykskiy kurgan [First Pazyryk Mound]. Leningrad : Izd-vo Gos. Ermitazha, 1950. 85 p.

Kiryushin Yu.F., Kungurov A.L. Mogil'nik rannego zheleznogo veka Staroaleyka-II [[Mound of Early Iron Age Staroaleyka-II]. Pogrebal'nyy obryad drevnikh plemen Altaya [Burial rite of the ancient tribes in Altai]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1996. P. 115–134.

Kiryushin Yu.F., Stepanova N.F. Skifskaya epokha Altaya. Ch. III : Pogrebal'no-pominal'nye komplekсы skifskogo vremeni Sredney Katuni [Scythian epoch of Altai. Part III : Burial, memorial complexes of the Central Katun in Scythian time]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2004. 290 p.

Kiryushin Yu.F., Stepanova N.F., Tishkin A.A. Skifskaya epokha Altaya. Ch. II : Pogrebal'no-pominal'nye komplekсы pazyrykskoy kul'tury [Scythian epoch of Altai. Part 2 : Burial memorial complexes of Pazyryk culture]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2003. 232 p.

Kubarev V.D. Kinzhly iz Gornogo Altaya [Daggers of Mountainous Altai]. Voennoe delo drevnikh plemen Sibiri i Tsentralnoi Azii [Military science of the ancient tribes of Siberia and Central Asia]. Novosibirsk : Nauka, 1981. Pp. 29–54.

Kubarev V.D. Kurgany Saylyugema [Mounds of Saylyugem]. Novosibirsk : Nauka, 1992. 218 p.

Kubarev V.D. Kurgany Ulandryka [Mounds of Ulandryk]. Novosibirsk : Nauka, 1987. 299 p.

- Kubarev V.D. Kurgany Yustyda [Mounds of Yustyd]. Novosibirsk : Nauka, 1991. 176 p.
- Kubarev V.D., Shul'ga P.I. Pazyrykskaya kul'tura (kurgany Chui i Ursula) [Pazyryk culture (Chewia and Ursula mounds)]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2007. 280 p.
- Molodin V.I., Partsinger G., Tceveendorzh D. Zamerzshie pogrebal'nye komplekсы pazyrykskoy kul'tury na yuzhnykh sklonakh Saylyugema (Mongol'skiy Altai) [Frozen funerary complexes of Pazyryk on the southern slopes of Sailugem (Mongolian Altai)]. Moscow : Triumf-print, 2012. 564 p.
- Myl'nikov V.P. Rez'ba po derevu v skifskoe vremia [Woodcarving in Scythian time]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2011. 188 p.
- Neverov S.V., Stepanova N.F. Mogil'nik skifskogo vremeni Kayndu v Gornom Altae [Kaindu burial of the Scythian time in the Altai Mountains]. Arheologicheskie issledovaniia na Katuni [Archaeological research on the Katun]. Novosibirsk : Nauka, 1990. Pp. 242–270.
- Polos'mak N.V. "Steregushchie zoloto grify" (ak-alakhinskie kurgany) ["The Griffins-keepers of Gold" (ak-alahinskiy mounds)]. Novosibirsk : Nauka, 1994. 120 p.
- Polos'mak N.V. Vsadniki Ukoka [Ukok riders]. Novosibirsk : INFOLIO-press, 2011. 331 p.
- Polos'mak N.V., Barkova L.L. Kostyum i tekstil' pazyryktsev Altaya (IV–III vv. do n.e.) [Costume and Textiles of Altai Pazyryks (IV–III centuries BC.)]. Novosibirsk : INFOLIO, 2005. 229 p.
- Rudenko S.I. Iskusstvo Altaia i Perednei Azii [Altai and Asia Arts]. Moscow : Izd-vo vostochn. liter., 1961. Pp. 66 : ill.
- Rudenko S.I. Kul'tura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe vremia [The culture of the population of Mountainous Altai in the Scythian time]. Moscow ; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1953. P. 401.
- Rudenko S.I. Kul'tura naseleniya Tsentral'nogo Altaya v skifskoe vremia [The culture of Central Altai population in the Scythian time]. Moscow ; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1960. P. 349.
- Samashev Z., Bazarbaeva G., Kumabekova G., Sungatay S. Berel. Almaty : In-t arheologii im. A.Kh. Margulana [The A.H. Margulan Almaty Institute of Archaeology]. 2000. P. 53 : ill.
- Savinov D.G. O zavershayuschem etape kul'tury rannikh kochevnikov Gornogo Altaya [About the final stage of the culture of the early nomads of the Altai Mountains]. Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii [Brief reports of Institute of Archaeology], vyp. 154, 1978. Pp. 48–55.
- Savinov D.G. Pogrebal'nye kamery-"chasovni" bol'shikh Pazyrykskikh kurganov [Funeral cells -"chapels" of great Pazyryk barrows]. Sakral'noe v istorii kultury [Sacred in the history of culture]. Saint Petersburg : GMIR, 1997. Pp. 30–40.
- Savinov D.G. Pogrebeniya skifskogo vremeni v doline Uzuntal [The burials of the Scythian period in the Uzuntal valley]. Materialy po istorii i etnografii Gornogo Altaya [Materials on the history and ethnography of the Altai Mountains]. Gorno-Altaysk : GANIIYAL, 1993. Pp. 4–18.
- Shul'ga P.I. Mogil'nik skifskogo vremeni Lokot-4A [The cemetery of the Scythian period Lokot-4A]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2003. 201 p.
- Surazakov A.S. Gornyy Altay i ego severnye predgor'ya v epokhu rannego zheleza. Problemy khronologii i kul'turnogo razgranicheniya [Altai Mountains and their northern foothills in the early Iron Age. Problems of chronology and cultural differentiation]. Gorno-Altaysk : GANIIYAL, 1988. 214 p.
- Umanskiy A.P., Shamshin A.B., Shul'ga P.I. Mogil'nik skifskogo vremeni Rogozikha-2 na levoberezh'e Obi [Scythian time burial – Rogozikha-2 on the left bank of the Ob River]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2005. 192 p.

ГРАВИРОВАННЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ НА ДИСКОВИДНЫХ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ПРЕДМЕТАХ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В СВЕТЕ ОБСКО-УГОРСКИХ И ИНДО-ИРАНСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ (по материалам Урало-Сибирского региона)

Основное внимание уделено образу центрального воинственного персонажа, выгравированного на средневековых «восточных» серебряных блюдах в сопровождении мифической птицы. Автор приходит к выводу, что на гравировках мог быть передан образ Тахыт-Котл-Торума, который обнаруживает наибольшее сходство с древнеиндийским Тритой Аптыя и древнеиранским Трайтаоной Атьвя. Рассмотренный материал демонстрирует не единичное сходство, а целую серию похожих моментов. Эта цепочка соответствий позволяет полагать, что Тахыт-Котл-Торум вполне мог быть древним угорским богом войны и победы. Высказывается предположение, что истоки этого образа имели достаточно глубокие корни, уходящие в индоевропейское прошлое.

Птица стреловидной формы, выгравированная на средневековых серебряных блюдах рядом с центральной воинственной фигурой, может быть сопоставлена с авестийской птицей-стрелой Варагн. В «Авесте» птица Варагн выступала как еще одна форма воплощения Хварно (*Фарр, Фарн*), а также как одна из инкарнаций божества войны и победы Вэртагна. Таким образом, мифическую птицу-стрелу и воинственную фигуру, которые изображены на средневековых «восточных» серебряных блюдах, следует, по-видимому, рассматривать в определенной взаимосвязи, как единый образ.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Средневековье, гравированные изображения, обско-угорская мифология, иранская мифология, индийская мифология.

DOI: 10.14258/tpai(2016)1(13)-03

Данная статья представляет собой продолжение работы «Гравированные изображения на дисковидных предметах раннего железного века и Средневековья в свете индо-иранских параллелей (по материалам Урало-Сибирского региона)», уже опубликованной в журнале «Теория и практика археологических исследований» [Сотникова, 2015, с. 41–55]. Однако если в период раннего железного века гравированные изображения наносились на таких дисковидных предметах, как бронзовые бляхи и зеркала, то в период Средневековья – в основном на «восточных» серебряных блюдах, ковшах, медальонах, которые также отнесены нами к разряду дисковидных предметов. Представляется, что для местного населения важными качествами всех этих предметов считались такие свойства, как форма (круглая дисковидная) и материал, из которого они изготавливались (металл – бронза, серебро), так как они обладали блеском и мелодичный звуком. Дополнительным свойством некоторых дисковидных предметов, например «восточных» серебряных блюд средневекового времени, нередко являлись представленные на них изображения и сюжеты, которые местным населением достаточно легко воспринимались в русле их собственной традиционной мифоритуальной традиции. Иначе говоря, дисковидные металлические предметы объединяли в себе такие свойства, которые характерны прежде всего для сакрального мира богов и духов. В данной статье обратимся в основном к рассмотрению гравировок на «восточных» серебряных блюдах, продолжим анализировать некоторые мифоритуальные сюжеты, представленные в ранее вышедшей части работы, а также обратимся к новым моментам. Значительное место при интерпретации материала будет уделено не только индо-иранским параллелям, но и обско-угорским мифоритуальным аналогиям.

**Образ мифической птицы на средневековых «восточных»
серебряных блюдах и представления о Фарре**

Гравировки на средневековых «восточных» серебряных блюдах важны тем, что рядом с выделенной центральной воинственной фигурой, образ которой был уже охарактеризован нами ранее [Сотникова, 2015, с. 41–55], изображалась мифическая птица, но другого облика, чем на дисках раннего железного века*. На блюде из с. Слудка слева от персонажа выгравирована мифическая птица с личиной (рис. 2)** . Значительный интерес представляют гравировки на серебряном блюде из собрания Национальной библиотеки в Париже, которые отличаются прежде всего тем, что нанесены на обеих сторонах предмета (рис. 3)***. На внешней стороне блюда по центру выгравирована крупная воинственная фигура в короне с тремя островерхими выступами, на внутренней – изображена достаточно сложная картина со множеством персонажей, которые, по мнению А.А. Спицына [1906, с. 46, рис. 15], не представляют одной сцены, вероятно, по неимению для этого удобного места. Для нас важно отметить, что на внутренней стороне изделия имеются изображения двух крупных мифических птиц с личинами, причем фигуры птиц также тяготеют к центру. С определенной долей вероятности можно высказать предположение, что представленные на гравированных блюдах крупная воинственная фигура в центре и мифическая птица находятся в определенной взаимосвязи.

Изображения птиц на блюдах из с. Слудка и из собрания Национальной библиотеки в Париже имеют сходную иконографию. Фигуры птиц показаны в фас. В целом их очертания имеют вид, близкий к треугольнику: острая голова с личиной, опущенные крылья, отчетливо прорисованный хвост из трех перьев. Создается впечатление, что общая форма птицы уподоблена наконечнику стрелы, и, по-видимому, это неслучайное сходство.

В тексте «Авесты» упоминается мифическая птица Варагн, которая считалась быстройшей из всех птиц, что проявлялось в том, что она могла догнать выпущенную стрелу в полете (Яшт 14. 20): «Один он догоняет / Из всех одушевленных / Полет стрелы, что пущена / Без промаха летящей, / Летит, топорща перья, / Он на зари сиянье...» [Авеста, 1998, с. 345]. Кроме того, эта птица, которая «летит, топорща перья», сама как бы уподобляется стреле. Несколько разделов «Варахран-яшта» отводится воспеванию магической силы перьев птицы Варагн (Яшт 14. 35–37): «Сказал Ахура-Мазда: / “Возьми перо, Спитама, / Ширококрылой птицы, / Перо от птицы Варагн, / И проведя по телу, / Пером заклятье снимешь / Ты своего врага. / Дают нам благо перья / И кости сильной птицы, Могучей птицы Варагн, / никто того не может / Сразить, повергнуть в бегство, / Кому дает удачу, / Кому дает поддержку / Перо той птицы птиц. / Его убить не может / Тиран или убийца, / Никто не может / Владетеля пера – / Один он всех сразит!”» [Авеста, 1998, с. 349–350]. Таким образом, именно перья этой птицы-стрелы обеспечивают непобедимость для их владельца, будь то бог или человек.

Стреловидный облик птицы, выгравированный на средневековых серебряных блюдах, выглядит несколько схематично и примитивно. Вместе с тем нельзя исклю-

* Рисунки, упоминаемые в тексте, опубликованы в ранее вышедшей части статьи, на нее и даются ссылки.

** [Сотникова, 2015, с. 49, рис. 2].

*** [Сотникова, 2015, с. 50, рис. 3].

чать предположения, что он имеет своим прототипом достаточно древние иранские изобразительные или фольклорные традиции и может быть сопоставлен с авестийской птицей-стрелой Варагн, спутником победы. В то же время исследователи отмечают, что точная идентификация птицы Варагн затруднительна, предлагаются отождествления с орлом, коршуном, ястребом, вороной [Авеста, 1998, с. 341, 345].

В «Авесте» птица Варагн выступает как еще одна форма воплощения Хварно (*Фарр, Фарн*): «Когда впервые Хварно / От Йимы отлетело, / Ушло оно от Йимы / Потомка Вивахванта, / Летя как птица Варагн» (Яшт 19. 35) [Авеста, 1998, с. 385]. В авестийской традиции птица Варагн не только являлась воплощением Хварно (*Фарна/Фарра*), но и выступала как одна из инкарнаций божества войны и победы Вэртагна (Веретрагна).

Нельзя полностью исключать предположения, что население Западной Сибири изображало на средневековых «восточных» серебряных блюдах с помощью рассмотренных выше иконографических приемов мифическую птицу-стрелу Варагн. В таком случае становится вполне объяснимым тот факт, что она располагалась рядом с центральной воинственной фигурой, передающей какое-то древнее божество войны и победы, носителя *Фарра/Фарна*, наподобие иранского Вэртагна.

Образ угорского божества войны и победы в свете индо-иранских параллелей

В обско-угорской мифологии наиболее воинственным божеством, безусловно, является Мир-Сусне-Хум. В обрядах, посвященных его почитанию, достаточно отчетливо проступает роль такого оружия, как стрела. Так, шаманы, которым он покровительствует, призывают этого бога с помощью стрел с железным наконечником. По сведениям Н.Л. Гондатти, этот ритуал происходит следующим образом. В темную ночь в жилище какого-нибудь богатого инородца собирается народ, как мужчины, так и женщины. «Шаман кладет металлическую доску на пол, на нее стрелы с железными наконечниками и начинает призывать бога, ударяя этими стрелами по доске; через несколько времени жильё содрогается, потолок около чувала расплзается и является *мир суснэ хум*, который указывает на свое появление ударами стрел по доске; иногда при этом он мучит шамана, и настолько сильно, что он падает замертво, причем стрелами бывает будто бы истыкано все его тело ... раз у одного шамана стрела прошла, по его рассказам, от сердца до пяток, и он остался цел и невредим, даже еще здоровее стал» [Гондатти, 2000, с. 411–412]. Однако, как уже говорилось выше, не следует однозначно связывать самую крупную центральную пляшущую воинственную фигуру на серебряных блюдах исключительно с образом Мир-Сусне-Хума.

В мифологии манси имеется не менее воинственное божество – богатырь Тахыт-Котл-Торум. А.И. Соловьев [1987, с. 123] считает, что этот богатырь являлся божеством войны у обских угров, так как согласно мифологическим сюжетам постоянно участвовал в победоносных набегах и схватках. Небезынтересно, что на культовом месте, посвященном такому героическому богу, как Тахыт-Котл-Торум, особая роль отводится стрелам. Сведения о ритуалах и представлениях, связанных с этим богом, сохранились благодаря описаниям Н.Л. Гондатти [2000, с. 419–420], сделанным во 2-й половине XIX в.: «...это место до сих пор почитается настолько, что женщины не могут даже туда ездить. Во время езды сюда на поклонение спать, хотя бы и в продолжение трех дней, не дозволяется; по приезде на место привезенные вещи отдаются

шайтаншику – хранителю вещей шайтана, сделанного в честь *тахыт котл торум*, причем он один уже и относит их в амбары, окруженные настороженными луками и капканами, так что незнающему человеку пройти там, не рискуя ежеминутно расстаться с жизнью, невозможно; в одном из амбаров хранится и сам шайтан, имеющий вид грубо обтесанного человека, богато разукрашенного разными блестящими и гремящими предметами; подальше немного от амбаров есть дерево, кругом обставленное железными стрелами, и всякий инородец необходимо должен принести в жертву хотя стрелу и несколько денег...».

Тахыт-Котл-Торум (Тагт-Котиль-Торум) – сын верховного бога Нуми Торума. Он с самого рождения ведет борьбу с другими богатырями. Сначала Тахыт-Котл-Торум вступает в сражение с шестьюдесятью воинами, которых он всех перебил, затем одерживает победу над громадным мэнквом – существом нижнего мира. Успех над мэнквом привел к тому, что Тахыт-Котл-Торум «стал сильно бить богатырей и настолько полюбил войну, что стал являться везде, где только была драка, и наконец его стали приглашать в виде союзника почти во всех войнах; это рассердило отца, и он велел ему быть ниже всех своих братьев и ничем не заведывать, кроме мест, расположенных вблизи его деревянного жилья, в котором он живет с женой и детьми» [Гондатти, 2000, с. 420]. Тахыт-Котл-Торум считается «Богом среднего течения Сосьвы» [Бауло, 2001, с. 136], т.е. предстает как локальное божество. Вместе с тем содержащееся в мифе указание, что Нуми Торум предельно ограничил власть этого бога, позволяет предполагать, что ранее этот воинственный бог-богатырь имел довольно обширные военные полномочия, не ограниченные территориально, так как его приглашали «в виде союзника почти во всех войнах».

В угорской мифологической традиции, связанной с Тахыт-Котл-Торумом, центральным мотивом является его борьба с мэнквом, который перебил и съел уже немало богатырей и хвастался, что убьет также Тахыт-Котл-Торума и сядет на его место. Именно после победы над мэнквом Тахыт-Котл-Торум «полюбил войну», иначе говоря, стал богом войны и победы. В рассказе о его битве с мэнквом имеется много деталей, которые позволяют говорить, что перед нами осколок какого-то древнего мифа. Обращают на себя внимание следующие моменты.

Мэнкв – существо нижнего мира, тесно связанное с морем и водой. Он рисуется как «пришедший с моря», на битву он идет «посредине реки» [Гондатти, 2000, с. 419].

Убийство мэнква имеет характер топоэтиологической легенды. После того, как Тахыт-Котл-Торум поразил мэнква своей стрелой, тот «упал, рассыпавшись на части. Умирая, он кричал: “Охур, охур”, и от крику его разверзлась земля, потекла вода, пожившая начало речке, которая до сих пор зовется *охурь-я*; одну его ногу унесло вниз, и она образовала у Собаклопт плес – *песь лувол*; его опояска пересекла Сосьву и образовала две реки, одна против другой, с общим названием *эндап оуль-я*; из дорожного мешочка *уля сактась* сделался повыше *эндап оуль-я* остров *уля хурых тумп*; из ножен тоже остров еще вышел – *сынал тумп*; из веревки, которою ножны прикреплялись к поясу, остров под названием *сынал порх тумп*, из сердца – *симп тумп*, из туловища – *порх тумп*, из головы – *пуг тумп*; против *уля хурых тумп* с правой стороны течет река *люль намп-я*, которая в устье широка и носит название *кау-хурых*, затем выше она совершенно пряма – *кок*, и наконец образует опять расширение *войзих*, за которым начинается течь извиристо; недалеко от Собаклопт справа есть озеро *люль намп ур*, которое

представляет из себя чрево *мэнква* [Гондатти, 2000, с. 419]. Напротив культового места Тахыт-Котл-Торума имеется каменная коса *ахтыс ур*, которую, по преданию, этот богатырь поставил в память победы над мэнквом [Гондатти, 2000, с. 420]. Кроме того, первая военная победа Тахыт-Котл-Торума над шестьюдесятью богатырями также ознаменовалась изменением ландшафта. Он не просто перебил богатырей, но отрубил им головы, снял по обычаю богатырей скальпы и положил их тела поперек реки, оставив лишь небольшой проход для лодок в 8–10 саженей, немного выше Елбын-я [Гондатти, 2000, с. 419].

Рассмотренный мифологический сюжет имеет двойственный характер. С одной стороны, подвиг Тахыт-Котл-Торума несет черты космогонического преобразования мира: тело убитого гигантского хтонического существа рассыпалось на части, от его крика разверзлась земля, потекла вода, образовались русла рек. Из частей тела убитого гиганта и принадлежащих ему вещей образовались реки, острова, озеро, каменная коса. С другой стороны, перед нами явно «разжалованный в звании» богатырь, так как все ландшафтные преобразования имеют узколокальный характер. Особо следует отметить, что все преобразующие действия богатыря связаны с водным пространством, и это, как представляется, не простая случайность.

Богатырь Тахыт-Котл-Торум непосредственно соотнесен с водой, прежде всего через мотив своего чудесного рождения. Его отец, богатырь по имени Тахыт-Котл-ойка, был очень силен, но мирного нрава, поэтому в то время, когда другие богатыри дрались, он сидел дома и занимался кузнечным делом. За это бог его наградил. Однажды Тахыт-Котл-ойка пошел ловить рыбу, но поймал только одного налима, принес домой, разрезал его, а там оказалась живая лягушка, которая вдруг заплакала, как малый ребенок. Тогда он сделал люльку, положил туда лягушку и стал вместе с женой ее качать. Превратилась лягушка в ребенка, который начал быстро расти и через три дня превратился в сильного богатыря, получившего имя Тахыт-Котл-Торум [Гондатти, 2000, с. 418]. Вероятно, поэтому в его ведении находились змеи и водяные животные [Бауло, 2001, с. 136]. Однако он связан не только с водой, но отчасти и с огнем, как сын кузнеца.

Рассмотренный выше угорский мифологический сюжет имеет определенные соответствия в индийской, иранской и даже в более древней индоевропейской традициях. Как уже отмечалось, в иранской мифологии имеется бог войны и победы Вэртрагна. Образ Вэртрагны восходит к эпохе индоиранской общности, его имя соответствует наиболее характерному эпитету громовержца Индры в ведийской мифологии – Вритрахан, что означает «убийца Вритры». Вритра – это змей-демон, его имя буквально переводится как «преграда», он преградил течение рек. Вритра вызывает на битву Индру. Индра своим знаменитым оружием – ваджрой – сокрушает Вритру, в результате воды, стоявшие скованными, приходят в движение. Победа над Вритрой приравнивается к космогоническому акту перехода от хаоса к космосу [Брагинский, 1997, с. 233; Топоров, 1997б, с. 253]. Прямую аналогию угорскому мэнкву, который «упал, рассыпавшись на части», от крика которого разверзлась земля, потекла вода, образовались русла рек, представляет убийство Индрой Вритры в «Ригведе»: «Безногий, безрукий боролся он против Индры, / Тот ударил его дубиной по спине... / Вритра лежал, разбросанный по разным местам. / Через (него), безжизненно лежащего, как раскрошенный тростник, / Текут вздымаясь воды Ману, / (Те,) кого Вритра (некогда) с силой сковывал, / У их ног лежал теперь змей» (I. 32. 7–8); «Среди неоста-

навливающих, неуспокаивающихся / Водяных дорожек скрыто тело. / Воды текут через тайное место Вритры» (I. 32. 10) [Ригведа, 1999а, с. 41].

Про Индру говорится: «Он убил змея, он просверлил (русла) вод» (I. 32. 1); «Пролом для вод, который был заткнут, – / Он открыл его, убив Вритру» (I. 32. 11); «...о, герой! Ты выпустил для бега семь потоков» (I. 32. 12); «О, убийца змея, который освободил пути для рек!» (II. 13. 5); «Ваджрой он пробил русла рек, / Он пустил (воды) весело течь по (их) долгобегущим путям!» (II. 15. 3); «Индра разрубил змея, сковавшего течение, / Чтобы словно птицы к (своим) гнездам, / Услады рек устремились (к морю)!» (II. 19. 2) [Ригведа, 1999а, с. 40–41, 251, 253, 257]. Миф о подвиге Индры в «Ригведе» представлен в двух вариантах. В некоторых гимнах в качестве преграды выступает не Вритра, а Вала.

Однако образ Индры не вполне согласуется с угорским Тахыт-Котл-Торумом, так как последний по своему происхождению связан с водой. Исследователи неоднократно отмечали, что Индра в гимнах, воспевающих его основной подвиг, не всегда первичен. Несколько раз в гимнах «Ригведы» звучат глухие отголоски того, что героем основных мифов некогда был Трита Аптья, буквально «Трита, связанный с водой» [Топоров, 2006, с. 481–482; Елизаренкова, 1999, с. 495]. В гимне (I. 187. 1) говорится: «Пищу я хочу сейчас прославить, могучую / Поддерживательницу силы, / Благодаря которой Трита / Расчленил Вритру на суставы» [Ригведа, 1999а, с. 229]. В другом гимне подвиг Индры уподоблен подвигу Триты как его предшественнику: «Когда Индра-громовержец, дерзая (все больше) от напитка сомы, / Проломил преграды Валу, словно Трита» (I. 52. 5) [Ригведа, 1999а, с. 67]. В гимне (VIII, 7. 23–24) Трита выступает как участник поединка с Вритрой, совместно с Индрой и Марутами: «Они переехали Вритру по суставам / ...Они поддержали ярость и силу духа / Борющегося Триты, / (Поддержали) Индру в борьбе с Вритрой» [Ригведа, 1999б, с. 297].

Еще более сложный сюжет связан с убийством трехголового демонического существа Вишварупы, сына Тваштара, похитившего коров [Топоров, 1997а, с. 238]. Убийство трехглавого Вишварупы одновременно приписывается и Трите: «Зная оружие, идущее от предков, этот / Аптья, посланный Индрой, победил в борьбе. / Убив трехглавого, о семи лучах, / Трита выпустил коров у сына Тваштара» (X. 8. 8), и Индре: «Индра зарубил (того), кто замахнулся на слишком большую силу... / Забрав себе коров самого сына Тваштара / Вишварупы, он оторвал три его головы» (X. 8. 9) [Ригведа, 1999в, с. 123]. Я.В. Васильков считает, что древние элементы этого сюжета лучше сохранились в XI книге «Махабхараты» (глава 35). Они позволяют предполагать, что в исходном варианте именно Трита отбил стадо у трехголового чудовища Вишварупы [Васильков, 2010, с. 47].

В то же время в «Ригведе» Трита – лишь одно из второстепенных божеств, которому не посвящено ни одного самостоятельного гимна, но он упоминается там 40 раз в 29 гимнах [Топоров, 2006, с. 479–504; Топоров, 1997в, с. 525–526; Елизаренкова, 1999, с. 495]. Т.Я. Елизаренкова [1999, с. 495] отмечает: «Видимо, Индра вытеснил Триту в функции культурного героя, и некоторые черты этого туманного в РВ мифологического персонажа реконструируются только из сопоставления с другими древними мифологическими традициями индоевропейского ареала».

В древнеиранской традиции ведийскому Трита Аптье соответствует Трайтаона (Траэтаона), сын Атвьи, чьи имена, как указывает В.Н. Топоров [2006, с. 483–484],

полностью идентичны. Трайтаона – это божество, которое убивает трехголового дракона Ажи Дахака. В «Авесте» этому подвигу Трайтаоны предшествует обретение им Хварно (Фарра) в виде птицы Варагн: «Когда второй раз Хварно / От Йимы отлетело, / Ушло оно от Йимы, потомка Вивахванта, / Летя как птица Варагн, / Тогда схватил то Хварно / Наследник рода Атвьи / Трайтаона могучий, / Который из всех смертных / Наипобедоносным / Был после Заратуштры; / И поразил он Змея / Трехглавого Дахаку – / Трехпастый, шестиглазый, / Коварный, криводушный, / Исчадь дэвов, злой, ... Он сделан Анхра-Манью... На гибель всего мира, / Всех праведных существ» (Яшт 19. 36–37) [Авеста, 1998, с. 385–386].

В.Н. Топоров [2006, с. 479] в статье, посвященной Трите-Трайтаоне, говорит о возможности реконструкции на основе прежде всего индо-иранских источников индоевропейского мифа о некоем божественном персонаже, который принимает участие в поединке с чудовищем хтонического типа, сам же соотнесен с водой (морем) и отчасти с огнем.

В гимнах «Ригведы» неоднократно подчеркивается отношение Триты к воде, причем не только эпитетом Аптъя, но и соответствующими мотивами: «Трита уносит Варуну в море» (IX. 95. 4); «Обосновавшись в реках, как Трита» (X. 46. 6) [Ригведа, 1999в, с. 88, 173]; он прославляет в гимнах Апам Напата – «Сына Вод»: «Я прославил зародыш земного быка, / (Как) Трита – Апам Напата, прекрасным гимном» (V. 41. 10) [Ригведа, 1999б, с. 42]. Трита также имеет отношение к освобождению вод: «...Ревет Трита. / Шумят воды, движущиеся кругом по руслу» (V. 54. 2) [Ригведа, 1999б, с. 59]. В то же время Трита связан с огнем, он раздувает на небе Агни, причем его действия в этом случае уподоблены работе кузнеца: «А когда Трита на небе / Раздувает его, словно раздуватель (мехов), / Он оттачивает (пламя), как при выдувании (металла)» (V. 9. 5) [Ригведа, 1999б, с. 15].

Таким образом, угорский бог Тахыт-Котл-Торум обнаруживает наибольшее сходство не столько с древнеиндийским Индрой и иранским Вэртрагной, сколько с Тритой Аптъя / Трайтаоной Атвья, образ которого своими истоками уходит в индоевропейское прошлое.

Сопоставление угорского бога с Тритой/Трайтаоной проливает свет на еще один мотив угорской мифологической традиции. Перед схваткой с мэнквом Тахыт-Котл-Торум дважды обращается к своему отцу, богу Нуми Торуму, за помощью, признаваясь, что боится этого чудовища. В результате Нуми Торум помогает ему тем, что сообщает о единственном уязвимом месте мэнква в груди, под шеей, где есть кусочек человеческого мяса [Гондатти, 2000, с. 419]. Ведийский Трита обычно побеждает, обращаясь с просьбой о помощи к Индре: «...о Индра. / Мы хотим получать выгоду, побеждая с твоей помощью... Это для нас тогда ты отдал во власть Вишварупу, / Сына Тваштара, во власть Триты из круга (наших) друзей» (RV II. 11. 18–19) [Ригведа, 1999а, с. 248]; «О Индра-Агни, (если) какому смертному / Вы оба помогаете в боях, / (То) он проломит даже прочные / Блистательные (крепости врагов), как Трита – голоса» (V. 86. 1) [Ригведа, 1999б, с. 87]. В иранской «Авесте» Трайтаона перед своим подвигом просит поддержки у разных божеств: у Вайу (Яшт 15. 23–24), у Ардви-Суры Анахиты (Яшт 5. 33–34), у Дрваспы (Яшт 9. 13–14), у богини счастья Аши (Яшт 17. 33–34). По поводу подобного множества небесных помощников представляют интерес предположения Б. Линкольна и К. Уоткинса. Б. Линкольн считает,

что все эти божества в роли небесных «партнеров» или покровителей Триты заняли место, ставшее вакантным после того, как Заратуштра искоренил почитание древнего индо-иранского бога-воителя – драконоборца «Вритрагхны-Индры». К. Уоткинс также считает Вэртагну вдохновителем подвига Трайтаоны, обосновывая это ссылкой на Яшт 14. 38–40, где субъект молитвы просит Вэртагну дать ему такую силу, какой владел Трайтаона, когда сразил трехглавого змея. Я.В. Васильков [2010, с. 50] выражает согласие с этими обоснованными выводами. Можно высказать предположение, что Нуми Торум по отношению к Тахыт-Котл-Торуму выполнял ту же функциональную роль, что Индра по отношению к Трите и Вэртагна по отношению к Трайтаоне.

Показателем того, что Тахыт-Котл-Торум, возможно, являлся общеугорским божеством, являются его взаимоотношения с хозяином нижнего мира Куль-отыром. Тахыт-Котл-Торум в определенной мере контролировал отправление Куль-отыром людей на тот свет, а именно – сверху вниз по реке. Манси полагали, что Тахыт-Котл-Торум мог посчитать уход человека из жизни преждевременным и заставить Куль-отыра везти его обратно [Бауло, 2001, с. 137). Подобное противоборство двух богов предполагает определенное равенство их статусов, оно вряд ли было возможным, если бы Тахыт-Котл-Торум являлся одним из локальных божеств обско-угорского пантеона.

Заключение

Таким образом, вновь обращаясь к образу центрального воинственного персонажа, выгравированного на средневековых «восточных» серебряных блюдах в сопровождении мифической птицы, следует признать, что, помимо его традиционной трактовки как изображения Мир-Сусне-Хума, не лишено оснований и другое предположение. На гравировках мог быть передан образ Тахыт-Котл-Торума, который обнаруживает наибольшее сходство не столько с древнеиндийским Индрой и иранским Вэртагна, сколько с Тритой Аптыя / Трайтаоной Атвья. Рассмотренный материал демонстрирует не единичное сходство, а целую серию похожих моментов между этими образами. Эта цепочка соответствий позволяет предполагать, что Тахыт-Котл-Торум вполне мог быть древним угорским богом войны и победы. Причем нельзя исключать предположения, что истоки этого образа имели достаточно глубокие корни, уходящие в индоевропейское прошлое. Однако с усилением иранского влияния на угорское население этот древний мифологический образ, по-видимому, вытесняется на второй план и замещается «угорским митраизмом».

Птица стреловидной формы, выгравированная на средневековых серебряных блюдах рядом с центральной воинственной фигурой, может быть сопоставлена с авестийской птицей-стрелой Варагн. В «Авесте» птица Варагн выступала как еще одна форма воплощения Хварно (*Фарр*, *Фарн*), а также как одна из инкарнаций божества войны и победы Вэртагна. Авестийский Трайтаона перед совершением подвига обретает Хварно (*Фарр*) в виде птицы Варагн. Таким образом, мифическую птицу-стрелу и воинственную фигуру, которые изображены на средневековых «восточных» серебряных блюдах, следует, по-видимому, рассматривать в определенной взаимосвязи, как единый образ, передающий какое-то древнее (угорское?) божество войны и победы (наподобие Триты Аптыя / Трайтаоны Атвья), носителя Хварно/*Фарра*/*Фарна* в виде мифической птицы-стрелы.

Библиографический список

- Авеста в русских переводах (1861–1996). СПб. : «Журнал Нева» : «Летний Сад», 1998. 480 с.
- Бауло А.В. Тагт-Котиль-Торум // Мифология манси. Новосибирск : Институт археологии и этнографии СО РАН, 2001. С. 136–137.
- Брагинский И.С. Веретрагна // Мифы народов мира. М. : Советская энциклопедия, 1997. Т. 1. С. 233.
- Васильков Я.В. Миф, ритуал и история в «Махабхарате». СПб. : Европейский Дом, 2010. 400 с.
- Гондатти Н.Л. Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири // Выдающиеся губернаторы Тобольские и Сибирские. Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 2000. С. 404–443.
- Елизаренкова Т.Я. «Ригведа» – великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа. Мандалы I–IV. М. : Наука, 1999. С. 426–543.
- Ригведа. Мандалы I–IV. М. : Наука, 1999а. 767 с.
- Ригведа. Мандалы V–VIII. М. : Наука, 1999б. 744 с.
- Ригведа. Мандалы IX–X. М. : Наука, 1999в. 559 с.
- Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири: Эпоха средневековья. Новосибирск : Наука, 1987. 193 с.
- Сотникова С.В. Гравированные изображения на дисковидных предметах раннего железного века и Средневековья в свете индо-иранских параллелей (по материалам Урало-Сибирского региона) // Теория и практика археологических исследований. 2015. №1 (11). С. 41–55.
- Спицын А.А. Шаманские изображения // Записки отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. СПб., 1906. Т. VIII, вып. 1. С. 29–145.
- Топоров В.Н. Вишварупа // Мифы народов мира. М. : Советская энциклопедия, 1997а. Т. 1. С. 238.
- Топоров В.Н. Вритра // Мифы народов мира. М. : Советская энциклопедия, 1997б. Т. 1. С. 253.
- Топоров В.Н. Трита // Мифы народов мира. М. : Советская энциклопедия, 1997в. Т. 2. С. 525–526.
- Топоров В.Н. Авест. *Ōrita*, *Ōraētaona*, др.-инд. *Trita* и др. и их индоевропейские истоки // Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 2 : Индоевропейские языки и индоевропеистика. Кн. 2. М. : Языки славянских культур, 2006. С. 479–504.

S.V. Sotnikova

ENGRAVED DRAWINGS ON DISCOID METAL OBJECTS OF THE MIDDLE AGES IN THE LIGHT OF THE OB-UGRIK AND INDO-IRANIAN PARALLELS (on the materials of the Ural-Siberian region)

In the article the main attention is paid to the image of the central warlike personage, engraved on the medieval “eastern” silver platters accompanied by the mythical bird. The author concludes that the engravings could represent the images of Tahyt-Kotl-Torum, which finds the biggest similarity with the ancient Indian *Trita Aptia* and the ancient Iranian *Traytaona Atvia*. Considered material shows not a single similarity, but a whole series of similarities between them. This chain of similarities suggests that Tahyt-Kotl-Torum could well be ancient Ugric God of War and Victory. It is suggested that the origins of this images had sufficiently deep roots in the Indo-European past.

The arrow-shaped bird, engraved on the medieval silver platters, near the Central warlike figure, can be compared with Avesta bird-arrow *Varagn*. In “Avesta” *Varagn* bird performed as another form of embodiment of *Xvarno* (*Farr*, *Farn*), and as one of the incarnations of God of War and Victory *Vertragna*. Thus, the mythical bird-arrow and warlike figure, which are depicted on the medieval “oriental” silver platters, should, apparently, be considered in a certain relationship, as single image.

Key words: Western Siberia, the Middle Ages, engraved drawings, Ob-Ugric mythology, Iranian mythology, Indian mythology.

References

- Avesta v russkikh perevodakh (1861–1996) [Avesta in Russian translations]. St. Petersburg : “Zhurnal Neva” : “Letniy Sad”, 1998. 480 p.
- Baulo A.V. Tagt-Kotil-Torum. Mifologiya mansi [Tagt-Kotil-Torum. Mansis Mythology]. Novosibirsk : Institut arheologii i etnografii SO RAN, 2001. Pp. 136–137.
- Braginskiy I.S. Veretragna. Mify narodov mira [Myths of the World]. Moscow : Sovetskaya entsiklopediya, 1997. Vol. 1. 233 p.
- Elizarenkova T.Ya. “Rigveda” – velikoe nachalo indiyaskoy literatury i kul’tury [“Rigveda” – the origin of great Indian literature and culture]. Rigveda. Mandaly I–IV. Moscow : Nauka, 1999. Pp. 426–543.
- Gondatti N.L. Sledy yazychestva u inorodtsev Severo-Zapadnoy Sibiri [Traces of paganism among foreigners in North-Western Siberia]. Vydayushchiesya gubernatory Tobol’skie i Sibirskie [Outstanding governors of Tobolsk and Siberia]. Tyumen’ : Izd-vo Yu. Mandriki, 2002. Pp. 404–443.
- Rigveda. Mandaly I–IV. Moscow : Nauka, 1999a. 767 p.
- Rigveda. Mandaly IX–X. Moscow : Nauka, 1999c. 559 p.
- Rigveda. Mandaly V–VIII. Moscow : Nauka, 1999b. 744 p.
- Solov’ev A.I. Voennoe delo korennoho naseleniya Zapadnoy Sibiri: Epokha srednevekovaya [Military Science of the indigenous population of Western Siberia: the era of the Middle Ages]. Novosibirsk : Nauka, 1987. 193 p.
- Sotnikova S.V. Gravirovannye izobrazheniya na diskovidnykh predmetakh rannego zheleznogo veka i Srednevekov’ya v svete indo-iranskikh paraleley (po materialam Uralo-Sibirskogo regiona) [Engraved images on the disk-shaped objects of the Early Iron Age and the Middle Ages in the light of the Indo-Iranian parallels (based on Ural-Siberian region). Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy [The theory and practice of archaeological research], 1 (11). 2015. Pp. 41–55.
- Spitsyn A.A. Shamanskije izobrazheniya [Shamanic images]. Zapiski otdeleniya russkoy i slavyanskoy arkheologii Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva [Notes of the Department of Russian and Slavic archaeology of the Imperial Russian Archaeological Society]. St. Petersburg, 1906. Pp. 29–145.
- Toporov V.N. Trita. Mify narodov mira [Myths of the World]. Moscow : Sovetskaya entsiklopediya, 1997c. Vol. 2. Pp. 525–526.
- Toporov V.N. Vishvarupa. Mify narodov mira [Myths of the World]. Moscow : Sovetskaya entsiklopediya, 1997a. Vol. 1. 238 p.
- Toporov V.N. Vritra. Mify narodov mira [Myths of the World]. Moscow : Sovetskaya entsiklopediya, 1997b. Vol. 1. 253 p.
- Toporov V.N. Avest. Ōrita, Ōraētaona, dr.-ind. Trita i dr. i ikh indoevropeyskie istoki [Avesta. Ōrita, Ōraētaona, Old Indian. Trita, etc., and their Indo-European origins]. Toporov V.N. Issledovaniya po etimologii i semantike. T. 2 : Indoevropeyskie yazyki i indoevropeistika. Kn. 2 [Studies on the etymology and semantics. T. 2 : Indo-European languages and Indo-European study]. Moscow : Yazyki slavyanskikh kul’tur, 2006. Pp. 479–504.
- Vasil’kov Ya.V. Mif, ritual i istoriya v “Makhabkharate” [Myth, ritual and history in “Mahabharata”]. St. Petersburg : Evropeyskiy Dom, 2010. 400 p.

КОМПЛЕКС ВООРУЖЕНИЯ КЫРГЫЗОВ ЕНИСЕЯ В ПОЗДНЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И НОВОМ ВРЕМЕНИ (с учетом материалов европейских исследователей XVII–XVIII вв.)*

Анализируются сведения письменных исторических и фольклорных источников, археологические материалы из раскопок и предметы вооружения из музейных коллекций, относящиеся к военному делу енисейских кыргызов в период позднего Средневековья и Нового времени. Рассмотрены исторические свидетельства о военном деле и событиях военной истории енисейских кыргызов, собранные европейскими военными специалистами и учеными в XVII–XVIII вв. Прослежены основные события и результаты предшествующих исследований по данной теме российских археологов и историков оружия в XIX – начале XXI в. Обследованы различные виды наступательного оружия дистанционного и ближнего боя и средства индивидуальной металлической защиты енисейских кыргызских воинов в период противостояния кыргызских княжеств российским властям в долине Среднего Енисея. Реконструирован комплекс боевых средств профессиональных кыргызских воинов-дружинников. Проанализированы находки предметов вооружения, свидетельствующие об использовании кыргызскими воинами луков с костяными накладками и разнотипных железных стрел, предназначенных для поражения не защищенных металлическими доспехами противников и пробивания панцирной брони, метательных и ударных копий, сабель, кинжалов и пластинчатых панцирей и шлемов.

Ключевые слова: военное дело, наступательное и защитное вооружение, енисейские кыргызы, Минусинская котловина, позднее Средневековье, Новое время.

DOI: 10.14258/tpai(2016)1(13).-04

В истории войн и военного искусства тюркских кочевых народов Центрально-Азиатского историко-культурного региона в Средние века и начале Нового времени значительную роль играли енисейские кыргызы, населявшие степные районы Минусинской котловины в Южной Сибири.

Как показали результаты предшествующих исследований, проведенных учеными в 1-й трети XX в., периодом наивысшего подъема в развитии военного дела у средневековых кыргызов была эпоха «Кыргызского Великодержавия», наступившая после решающей победы над уйгурами и завоевания Центральной Азии, и образования Кыргызского каганата в IX–X вв. [Бартольд, 1963, с. 489]. В последующие исторические эпохи, соответствующие развитому и позднему Средневековью, две части кыргызского этноса, оказавшиеся на территории Алтае-Саянской горной страны и Тянь-Шаня, развивались вполне самостоятельно и независимо друг от друга. В процессе этого развития в эпоху позднего Средневековья и начале Нового времени вооружение и военное искусство енисейских кыргызов приобрели свои характерные отличительные особенности.

В настоящей статье исследованы особенности вооружения и военного искусства енисейских кыргызов в период позднего Средневековья и начале Нового времени на завершающем этапе развития их государственности и самостоятельного существования этноса. Особое внимание уделено сведениям о военном деле кыргызов в сочинениях европейских исследователей, внесших значительный вклад в сбор материалов по данной теме на начальном этапе формирования научных знаний.

* Работа выполнена по проекту «История военного дела древних и средневековых народов Южной Сибири и Центральной Азии» по договору с РЕЛЕРО.

Одним из первых европейцев, обративших внимание на енисейских кыргызов и их отношение к войне, был шведский капитан Альбрехт Доббин, который приехал в Сибирь в 1666 г. в составе группы европейских военных специалистов под руководством полковника И. фон Эграга для обучения российских воинов для полков «нового строя» [Дмитриев, 2008, с. 21]. Он прослужил офицером в российских войсках в Сибири 17 лет. После возвращения в Европу он составил свое сочинение, посвященное описанию Сибири (см.: [Борисенко, 2013, с. 59]). В дальнейшем его труд использовали другие европейцы. В этом сочинении говорится, что «при реке Томи» обитают «люди, называемые киргизами». Они «не имеют никакого письма, молятся своим лукам и оружию, если хотят быть здоровыми или если что-нибудь поймают». Все «они ездят верхами и очень привычны к войне». Они «живут на большом пространстве, вплоть до монголов, имеют свои жилища на скалах, которые имеются там во множестве» (цит. по: [Алексеев, 1941, с. 394]). Судя по этому описанию, А. Доббин охарактеризовал енисейских кыргызов, которые владели землями не только в верховьях Томи, но и на Среднем Енисее, вплоть до владений халха-монголов и джунгаров. Они отличались воинственностью. Согласно утверждению А. Доббина, кыргызы даже поклонялись оружию. Что касается их «жилищ на скалах и утесах», то, вероятно, он имел в виду кыргызские оборонительные сооружения «све», которые им служили убежищами на случай военной опасности [Готлиб, Бутанаев, 1990, с. 132–133, 139–140]. Помимо енисейских кыргызов, А. Доббин упомянул также тубинцев, которые составляли население одного из кыргызских княжеств на Среднем Енисее. По его словам, «...около же Красноярска живут различные язычники, которые называют себя по именам своих князьков». Среди них «...главнейшие называются тубинцы; они не знают никакого письма, очень привычны к войне». В то же время некоторые из них «...состоят в подданстве его царского величества, некоторые свободны, иные, впрочем, дают также заложников в знак того, что они с его царским величеством хотят быть в мире» (цит. по: [Алексеев, 1941, с. 394]). М.П. Алексеев [1941, с. 398] уточнил, что под названием «Туба» имеется в виду одно из княжеств енисейских кыргызов.

В изданных дневниковых записях Д.Г. Мессершмидта и Ф.И. Табберта о путешествии первой научной экспедиции по Южной Сибири в 1721–1722 гг. содержатся некоторые сведения о событиях военной истории енисейских кыргызов. В ходе поездки Ф.И. Табберта в междуречье рек Белый и Черный Июсы он зафиксировал сведения о том, что недалеко от оз. Кара-Куль стоит знаменитый идол Козен-кис, который изображает женщину. Ему в прошлом «поклонялись киргизы, но накануне их уничтожения было ужасное предзнаменование, когда упала голова, и головы теперь нет» [Мессершмидт, 2012, с. 21]. В дальнейшем Д.Г. Мессершмидт в сопровождении других участников экспедиции смог осмотреть и зарисовать это тюркское изваяние, которое изображало усатого мужчину с саблей на поясе [Messerschmidt, 1962, s. 159–160; Борисенко, Худяков, 2005, с. 71, рис. 14; Борисенко, 2012, с. 47–48]. В долине р. Сыда Д.Г. Мессершмидту удалось записать сведения о войне между войсками Алтын-хана Лочжана и енисейскими кыргызами, во время которой местные «сыдинские татары», состоявшие из «аринцев, киштимцев и тубинцев», подчинились монголам и «многие из них погибли» [Мессершмидт, 2012, с. 25].

Наиболее широкий круг русских источников о военном деле енисейских кыргызов был собран выдающимся историком Г.Ф. Миллером во время путешествия участ-

ников Великой Северной экспедиции по Минусинской котловине в 1739 г. [Вадецкая, 1973, с. 98]. События истории военного противостояния княжеств енисейских кыргызов с российскими властями на Среднем Енисее были изложены ученым в его фундаментальном научном труде по истории Сибири [Миллер, 1998, с. 319–320, 327, 342, 354–368; 1999, с. 316–319; 2000, с. 61, 66–74]. По оценке ученого, обещания военной поддержки со стороны Алтын-хана «...сделали этот народ очень дерзким» [Миллер, 2000, с. 68]. Во время поездки по Минусинской котловине участники экспедиции Г.Ф. Миллер и И.Г. Гмелин посетили некоторые городища енисейских кыргызов, которые могут относиться к периоду позднего Средневековья. Ими было осмотрено городище на г. Унюк, расположенное в приустьевой части р. Сыды при впадении в Енисей [Борисенко, 2013, с. 60]. При описании сибирских народов Г.Ф. Миллер отметил, что у «...татар в Красноярском уезде на Июсе и в верховьях Енисея почти каждый имеет ружье». Во время охоты верхом на лошадях «...лук и стрелы гораздо удобнее» [Миллер, 2009, с. 295–296]. По его сведениям, «...красноярские татары свои луки и стрелы приобретают большей частью у камасинцев и котовцев» [Миллер, 2009, с. 298]. У «красноярских татар» были разные типы стрел, среди которых «боевые», «копейчатые», «вильчатые», «долотчатые» железные наконечники и костяные стрелы, у модоров – «боевые», «кибири», «тама-ры» и костяные стрелы [Миллер, 2009, с. 306]. Другой участник Великой Северной экспедиции И.Г. Гмелин предложил в составе первой классификации древних могил Минусинской котловины «киргизские могилы», в инвентаре которых упомянул стрелы [Вадецкая, 1973, с. 99]. О «старинных татарских нагорных крепостях» на Енисее и находках «обломков стрел» в «киргизских могилах» упомянул в своем сочинении по истории Сибири еще один участник Великой Северной экспедиции И.Э. Фишер [1774, с. 512–513]. Как было установлено позднее, «киргизскими могилами» И.Г. Гмелин и И.Э. Фишер называли, вероятнее всего, погребения XVI–XVII вв. племен кыштымов, зависимых от кыргызов [Вадецкая, 1973, с. 99]. Собранные исследователями в XVII–XVIII вв. исторические сведения и описания некоторых памятников и находок предметов вооружения заложили основу дальнейшего изучения военного дела енисейских кыргызов эпохи позднего Средневековья и начала Нового времени.

События военной истории енисейских кыргызов, относящиеся к периодам раннего и развитого Средневековья, описанные в китайских источниках, были впервые проанализированы и обобщены в труде В. Шотта в 1865 г. [Schott, 1865, s. 456–461].

В дальнейшем военное дело енисейских кыргызов XVII – начала XVIII в. изучалось российскими и некоторыми европейскими исследователями. В 1863 г. В.В. Радлов изучал позднесредневековые памятники в Причулымье, в которых были обнаружены предметы вооружения. По находкам русских монет он их датировал [Радлов, 1989, с. 478–479]. Значительные коллекции археологических находок на Среднем Енисее были собраны краеведами, любителями старины и состоятельными людьми. В дальнейшем они оказались в некоторых российских и зарубежных музейных собраниях. При создании каталога предметов, хранящихся в созданном в 1870 г. Минусинском музее, Д.А. Клеменц описал большую серию железных предметов вооружения, среди которых некоторые сабли, кольчуги и панцири могут относиться к эпохе позднего Средневековья и началу Нового времени. Он указал на находки фрагментов кольчужного плетения из местонахождений Каныгино, Каптерево и Кальская, головное кольчужное покрытие из с. Медведское, полностью сохранившиеся кольчуги-юшманы в виде ру-

бахи с короткими рукавами и разрезом спереди, одна из которых была найдена в тайге в русле р. Табат, а сохранилась «...в семействе Д.К. Доможакова от предков киргизско-го происхождения». Им кратко описаны «...29 железных 4-угольных пластин, слегка выгнутых с наружной стороны, с закругленными углами и железными же заклепками» из д. Каменки [Клеменц, 1886, с. 166]. В отличие от других исследователей, обращавшихся к изучению средневековых памятников Среднего Енисея, считавших, что они принадлежат енисейским кыргызам, И.П. Кузнецов отрицал такое отождествление. Он утверждал, что кыргызы могли жить «гораздо южнее Енисейской губернии, может быть между хребтами Танну-Ола и Южным Алтаем» [Кузнецов, 1889, с. 36]. При публикации коллекции древностей, собранных в Минусинской котловине и приобретенных для музея г. Хельсингфорса у П. Товостина, А.М. Талльгрена ввел в научный оборот находку кольчуги с короткими рукавами и разрезом спереди [Tallgren, 1917, рl. XII.-1]. В книге Н.Н. Козьмина прослежены военные столкновения между енисейскими кыргызами и зависимыми от них племенами кыштымов с отрядами русских казаков и служилых людей. При этом енисейские кыргызы подвергались нападениям и со стороны восточных монголов. Он отметил поход в 1652 г. в Минусинскую котловину войска правителя халха-монголов Алтын-хана, который осадил отряд своего племянника Мерген-тайши «...в каменном городке ниже Сыды реки» [Козьмин, 1925, с. 60]. Н.Н. Козьмин высоко оценивал деятельность кыргызского князя Иренака, которому при поддержке джунгар удалось совершить несколько походов в российские владения [Козьмин, 1925, с. 63–70]. В начале XVIII в. ойраты угнали енисейских кыргызов в Джунгарию, после чего Минусинская котловина была присоединена к Российскому государству [Козьмин, 1925, с. 84–86]. В 1939 г. В.П. Левашова упомянула в своей популярной книге о военном деле кыргызских княжеств XIII–XVII вв. Она отметила, что «...во время походов, кроме постоянных военных дружин, набиралось войско из рядового населения по аймакам. Войско состояло исключительно из конницы. Основными видами оружия были лук со стрелами и кривые сабли» [Левашова, 1939, с. 64]. Ею введены в научный оборот отдельные позднесредневековые панцирные пластины «из разных мест южной части Красноярского края» [Левашова, 1939, табл. XV.-11–13]. В 1950-х гг. были введены в научный оборот сведения русских письменных источников, в которых указывается, что енисейские кыргызские воины вступали в бой верхом на конях «...с ружьем, с пищальми, и с копьём, и с сайдаки, в пансырях, и куяках, и иных доспехах» [Бахрушин, 1955, с. 182]. Проанализировав эти сведения, С.В. Бахрушин пришел к заключению, что военное дело у кыргызов достигло высокого уровня развития. Если «...в начале XVII в. бой у них был исключительно лучной, но позднее, под влиянием войн с более цивилизованными народами, появились у них не только прекрасной работы куяки, бумажники (доспехи), шишаки, наручники булатные, сулемы (сабли), но даже огнестрельное оружие» [Бахрушин, 1955, с. 182]. Кыргызские доспехи столь высоко ценились, что кыргызские панцири и куяки приобретали русские купцы, которые дорого платили за них, или обменивали на огнестрельное оружие, несмотря на категорические запреты российских властей. По оценке данного исследователя, в ходе сражений енисейские кыргызы «...как все степняки, брали всегда “первым напуском”, стремясь неприятеля “копьем смешивать”. У русских они научились и более сложным военным приемам, например, умели ходить на приступ “за щитами”» [Бахрушин, 1955, с. 182–183]. Однако брать хорошо укрепленные остроги им не удава-

лось – только небольшие острожки. Кыргызы умели сооружать временные «засеки» в лесах и горах. В статье данного автора приведен эпизод, когда в 1692 г. кыргызский отряд под командованием Ороштая успешно оборонялся в засеке в течение дня от русского отряда. Служилые люди дважды ходили на приступ, но «...воровской татарской осады не взяли». Лишь с помощью подошедшего подкрепления это удалось сделать. По мнению С.В. Бахрушина [1955, с. 183], «тяжелые войны», которые пришлось вести енисейским кыргызам с более могущественными соседями, «...способствовали развитию у них воинственности, жестокости». Не со всеми утверждениями данного автора можно согласиться. Чешуйчатые и пластинчатые панцири появились на вооружении у енисейских кыргызских воинов задолго до XVII в. – еще в раннем и развитом Средневековье [Худяков, 1980, с. 119–125]. Вряд ли прием кыргызских воинов атаковать противника, защищаясь щитами, можно приписать русскому влиянию, поскольку он известен с древности [Разин, 1955, с. 77]. В трудах по этнографии хакасов Л.П. Потапов, основываясь на анализе русских письменных источников, утверждает, что енисейские кыргызские воины применяли различные виды оружия и военные доспехи. «В качестве оружия киргизам служили лук и стрелы, копья, а во второй половине XVII в. у них появилось огнестрельное оружие от русских и западных монголов». В источниках упоминаются также «воинские железные доспехи: пацири, куяки». По мнению данного исследователя, «...оружие и воинские доспехи киргизы получали от своих киштымыв-“кузнецов” и прежде всего от шорцев» [Потапов, 1957, с. 20]. По-видимому, енисейские кыргызы недостаточно ценили попадавшие к ним в результате трофеев пушки. При нападении на Ачинский острог они захватили несколько пушек, которые князь Иренак позволил русским казакам увезти к себе [Потапов, 1957, с. 19].

В книге Я.И. Сунчугашева [1979, с. 134, табл. XVIII-1–3] выделены «поздние железные пластинки панцирных доспехов», к числу которых он отнес детали прямоугольной формы из Минусинского музея.

Существенные результаты были достигнуты исследователями в изучении вооружения и военного искусства енисейских кыргызов и кыштымыв. В 1980-х гг. В.Я. Бутанаевым [1981, с. 188–197] были привлечены для анализа военного дела енисейских кыргызов и кыштымыв позднего Средневековья и начала Нового времени хакаские фольклорные источники. В 1984 г. введены в научный оборот предметы наступательного и защитного вооружения из шаманского погребения на памятнике Ортызы-Оба в долине р. Табат в Минусинской котловине [Худяков, Скобелев, 1984, с. 108–113]. На основе изучения этих находок был реконструирован костюм шаманки, включавший защитный пластинчатый доспех и «стреляющую змею», составленную из железных стрел [Худяков, Карпекина, 1984, с. 94–104].

Некоторые предметы вооружения из раскопок В.В. Радловым позднесредневековых памятников в Причулымье введены в научный оборот Н.А. Кренке [1984, с. 137–145]. Находки панцирных пластин, относящихся к защитному вооружению енисейских кыргызов и кыштымыв в период позднего Средневековья, представлены Ю.С. Худяковым и А.И. Соловьевым [1987, с. 148–155, 159–160]. В 1991 г. были проанализированы панцири, кольчуги и шлемы позднесредневековых кыргызских и кыштымских воинов на Среднем Енисее [Худяков, 1991, с. 88–99]. В 1999 г. С.Г. Скобелевым [1999, с. 176–177] рассмотрен сложносоставной лук с костяными накладками и концевыми вкладышами из памятника Монашка в долине р. Качи в лесостепной

зоне Средней Сибири. На площади Айканского селища были найдены железные пластины от пластинчатого панциря и бригандины, секира, железные и костяные наконечники стрел [Скобелев, Мандрыка, 1999, с. 209–211]. В 2000-х гг. изучены особенности вооружения кыргызов и кыштымов в последний период существования кыргызской государственности на Енисее [Худяков, Ким, 2001, с. 70–71; Худяков, 2002, с. 65–88]. В те же годы анализировались сведения о фортификации и военном деле енисейских кыргызов, содержащиеся в трудах европейских военных специалистов и ученых XVII–XVIII вв. [Борисенко, 2007, с. 58–62; 2013, с. 59–61]. Особенности военного дела енисейских кыргызов в XVII в. рассмотрены В.Я. Бутанаевым в обобщающих очерках по истории Хакасии [Очерки..., 2008, с. 217–223]. В последние годы особое внимание было уделено эволюции вооружения енисейских кыргызов и кыштымов под влиянием контактов с русскими казаками и служилыми людьми [Худяков, 2007, с. 126–138; Бобров, Худяков, 2008, с. 635–645; Бобров, Борисенко, Худяков, 2010, с. 56–69, 71–79; Скобелев, 2007, с. 155–166].

Собранные исследователями в течение предшествующих лет сведения письменных исторических и фольклорных источников, а также археологические материалы позволяют дополнить имеющиеся представления о военном деле енисейских кыргызов в период позднего Средневековья и в начале Нового времени.

Комплекс вооружения енисейских кыргызов в рассматриваемый период включал основные традиционные виды холодного оружия дистанционного и ближнего боя и средства индивидуальной металлической защиты. В XVII в. в ходе военных контактов с русскими и джунгарами они смогли ознакомиться с действием огнестрельного оружия и научились его применять в боевых условиях. Однако отсутствие регулярных источников поступления такого оружия и боеприпасов не позволило енисейским кыргызским воинам использовать его регулярно и достаточно эффективно [Худяков, 2002, с. 73].

В течение всего периода позднего Средневековья и вплоть до Нового времени основным оружием дистанционного боя енисейских кыргызских воинов оставались луки и стрелы. Каких-либо деталей луков в позднесредневековых памятниках енисейских кыргызов не сохранилось, поэтому судить о конструктивных особенностях их кибитей этого времени можно лишь по информативным хакасским фольклорным материалам. Судя по этим данным, кыргызские луки в периоды позднего Средневековья и Нового времени были сложносоставными. Кибити кыргызских луков имели деревянную основу, которую дополняли роговые накладки. По изученным фольклорным сведениям, эти накладки изготавливались из рогов горных козлов [Бутанаев, 1981, с. 191]. Согласно имеющимся описаниям лук был «...трехсоставным с двумя длинными роговыми пластинами с внутренней стороны кибити и с короткой костяной пластиной посередине» [Очерки..., 2008, с. 218]. Полный набор костяных накладок, включая концевые вкладыши, плечевые и срединную фронтальную накладку, был обнаружен в погребении по обряду ингумации на могильнике Монашка в долине р. Качи, в районе проживания качинцев и аринцев [Скобелев, 1999, с. 175–180]. Для поражения противника использовались стрелы с железными наконечниками. Они имели плоское, зигзагообразное и ромбическое сечение пера. Стрелы с плоскими и зигзагообразными наконечниками использовались для поражения не защищенных металлическими доспехами противников. Среди плоских наконечников чаще других применялись стрелы с асимметрично-ромбической, удлинненно-ромбической, овально-крылатой

и секторной формами пера (рис. 1.-1, 4–5). Наряду с подобными стрелами, применялись также плоские наконечники с тупым и вильчатым острием и боеголовковой формой пера (рис. 1.-2–3, 6). Среди наконечников с зигзагообразным пером были стрелы овально-крылатый формы и томары (рис. 1.-10). Считается, что подобные стрелы проворачивались во время полета, поэтому летели дальше, чем плоские стрелы, и точнее попадали в цель. Для поражения воинов в панцирях или кольчугах кыргызы использовали стрелы с ромбическими в сечении наконечниками, выделенной боевой головкой и удлиненной шейкой (рис. 1.-11). Среди подобных наконечников были стрелы с асимметрично-ромбическим пером [Бобров, Борисенко, Худяков, 2010, с. 58–59]. В хакасском фольклоре упоминаются и другие различные формы стрел, которым не найдено аналогий в предметном комплексе. Некоторые из них в фольклорных источниках именуются кыргызскими стрелами – «хыргыс угь» [Бутанаев, 1981, с. 193]. Некоторые крупные наконечники снабжались костяными шариками – свистунками (рис. 1.-12). В русских источниках упоминается, что у енисейских кыргызов были «стрелы с грозами», которые кыргызские князья посылали российским воеводам в качестве символического послания, означавшего объявление войны [Бобров, Борисенко, Худяков, 2010, с. 61]. В 1669 г. в ясашные волости Ачинского и Мелетского острогов князь Иренак присылал «ясашным людям стрелы с грозами» и грозил войною [Очерки..., 2008, с. 219]. Тамга в виде лука со стрелой использовалась потомками енисейских кыргызов в составе современных хакасов вплоть до периода этнографической современности [Очерки..., 2008, с. 218]. Русские казаки и служилые люди, которым приходилось на протяжении всего XVII столетия противостоять енисейским кыргызским воинам в ходе военных столкновений, считали луки и стрелы их основным оружием. В русских источниках о кыргызских воинах говорится, что «...бой у них лучной» [Потапов, 1957, с. 18]. Кыргызские воины носили луки в специальных чехлах – «саадах», помещая их внутрь таких чехлов с надетой тетивой. Верхняя часть лука накрывалась дополнительным чехлом – «чазаа» [Бутанаев, 1981, с. 61]. Судя по фольклорным данным, у кыргызов были кожаные налучья полуовальной формы с вытянутым нижним концом, в которые лук помещался на половину своей длины. Подобные налучья получили широкое распространение у кочевых народов Центральной Азии в период позднего Средневековья [Худяков, 2002, с. 69]. Вероятно, кыргызские воины хранили и носили стрелы не только в кожаных, но и в берестяных колчанах. Изображение подобного колчана в виде полуовального чехла, внутрь которого помещены стрелы наконечниками внутрь, а оперением вверх, имеется на петроглифическом памятнике Городовая Стена в долине Енисея [Messerschmidt, 1962]. Подобные колчаны получили распространение у тюркских и монгольских кочевых народов Центральной Азии в период позднего Средневековья. Помимо луков и стрел, в хакасском фольклоре в качестве оружия дистанционного боя населения Среднего Енисея упоминаются арбалеты [Бутанаев, 1981, с. 192]. Однако никаких других свидетельств использования подобного оружия енисейскими кыргызскими воинами в других источниках не имеется.

Для поражения противника на ближних дистанциях кыргызские воины использовали метательные копья. На территории Минусинской котловины обнаружены железные наконечники метательных копий (рис. 1.-18). Они имеют плоское в сечении перо удлиненно-ромбической формы, с односторонним коротким шипом или завитками-отрожками на шейке, длинной конусовидной втулкой [Бобров, Борисенко, Худяков, 2010, с. 62].

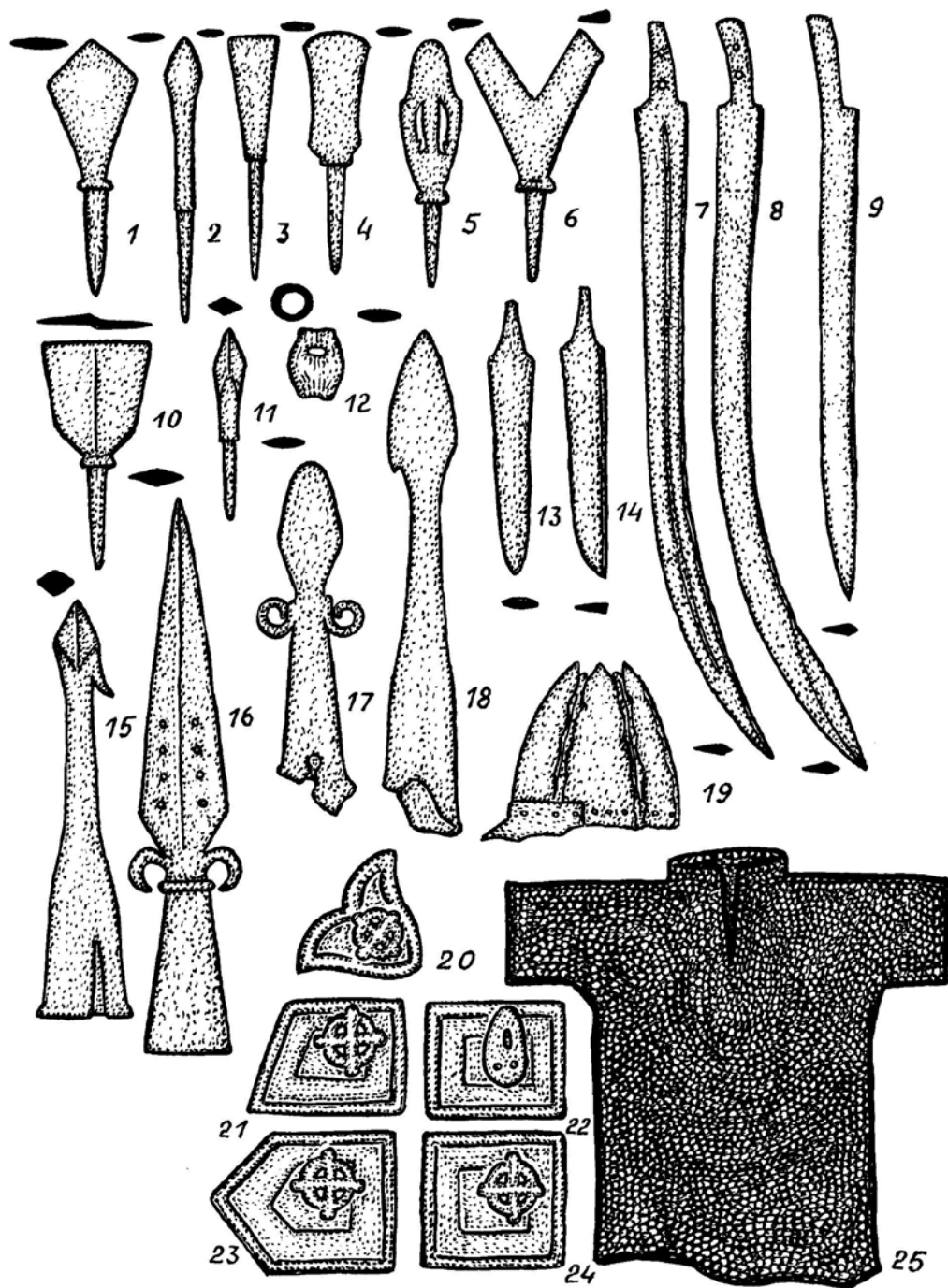

Рис. 1. Вооружение енисейских кыргызских воинов в период позднего Средневековья: 1-6, 10-11 – наконечники стрел; 7-9 – сабли; 12 – свистунка; 13, 16-18 – копья и дротики; 14 – кинжал; 15 – боевой нож; 19 – шлем; 20, 22-25 – панцирные пластины; 21 – кольчуга

В ближнем бою кыргызские воины применяли копья колющего действия с уплощенно-линзовидным или ромбическим в сечении пером удлинненно-ромбической формы (рис. 1.-13, 16–17). Среди них были укороченные наконечники с боковым шипом, длинной шейкой и короткой конусовидной несомкнутой втулкой. Массивные ударные копья с удлинненно-ромбическим пером, с рядами небольших отверстий на гранях, с завитками-отрожками и кольцом на шейке могли использоваться для пробивания панцирной или кольчужной брони [Худяков, 2002, с. 70–71]. Копья с завитками-отрожками, вероятно, могли быть заимствованы или приобретены у русских и европейских воинов, противостоявших в составе российских войск енисейским кыргызам в XVII в. [Бобров, Худяков, 2010, с. 178–179]. Ударные копья – «чыда» упоминаются в качестве оружия ближнего боя в хакасском фольклоре. Однако содержащиеся в хакасском фольклоре сведения об использовании копий для атаки с упором древка в переднюю луку седла представляются недостоверными [Бутанаев, 1981, с. 190]. На некоторых наконечниках копий имелись железные крюки, которыми противников могли стащить с седла: «...они побитые тела утаскивают крюками к себе» [Очерки..., 2008, с. 218]. В ближнем и рукопашном бою кыргызские воины атаковали противника саблями. Среди сабель, обнаруженных в разное время в Минусинской котловине, имеются длинные, плавно изогнутые клинки с елманью и долами, рукояти которых отогнуты в сторону лезвия (рис. 1.-7–8). Подобные клинки стали широко применяться в позднем Средневековье и Новое время. Среди сабель, обнаруженных на Среднем Енисее, имеются привозные клинки, изготовленные в Средней Азии [Худяков, 2002, с. 70]. У них были на вооружении и прямые клинки с отогнутой в сторону лезвия рукоятью (рис. 1.-9). Сабли использовались и в ритуальных целях. У енисейских кыргызских воинов существовала особая клятва на сабле, во время которой они облизывали «с клинка кровь разрубленной собаки, или съедая с конца острия хлеб» [Очерки..., 2008, с. 218]. В русских источниках описывается, как князцы енисейских кыргызов «шертуют по своей вере», во время клятвы рассекают собаку и проходят через нее, говоря «...его де та палма рассекет также, что ту собаку рассекет» [Потапов, 1957, с. 21]. Помимо сабель, кыргызские воины применяли для нанесения ударов по противнику в рукопашном бою кинжалы и боевые ножи (рис. 1.-14–15). В хакасском фольклоре упоминаются боевые топоры, или секиры, – «ай-палты», у которых было широкое лезвие, похожее на полумесяц [Бутанаев, 1981, с. 190]. Такая секира была обнаружена на Айканском селище под Красноярском, поселении «подгородних татар», относящемся к XVII в. [Скобелев, Мандрыка, 1999, с. 209]. Воины могли использовать в качестве боевого оружия и приобретенные у русских железные топоры [Худяков, Скобелев, 1984, с. 110]. Судя по фольклорным данным, на вооружении у кыргызских воинов были также булавы и кистени [Бутанаев, 1981, с. 190].

Енисейские кыргызские воины обладали эффективным защитным вооружением. Они имели пластинчатые панцири куяки и бригадины, кольчуги [Худяков, 1991, с. 89–95]. Панцирные доспехи для них изготавливали кыштымы – шорские оружейники [Потапов, 1957, с. 20, 53]. В хакасских фольклорных источниках упомянуты кыргызские «куяки» – панцири и кольчуги из железных пластин и колец (рис. 1.-20–25). Использовались и кожаные доспехи [Очерки..., 2008, с. 220]. Для защиты головы кыргызскими воинами применялись сфероконические шлемы с куполом, составленным из железных пластин, и козырьком (рис. 1.-19). Подобные шлемы и доспехи были у про-

фессиональных воинов-дружинников [Бобров, Борисенко, Худяков, 2010, с. 64]. В хакасских фольклорных источниках описаны шлемы с забралом, гребнями и перьями [Бутанаев, 1981, с. 188–189]. Вероятно, таким образом описывались джунгарские шлемы с высоким куполом и плюмажами из конского волоса [Бобров, Борисенко, Худяков, 2010, с. 64]. В целом комплекс вооружения енисейского кыргызского профессионального воина-дружинника включал саадак с луком и стрелами, метательное и ударное копье, саблю в ножнах, кинжал или боевой нож, шлем, внутренний панцирь – куяк или кольчугу и щит (рис. 2).

Рис. 2. Реконструкция позднесредневекового енисейского кыргызского воина

В XVII в., в результате контактов с русскими и джунгарами, у енисейских кыргызов появилось огнестрельное оружие. Кыргызские воины научились стрелять из пищалей, мушкетов и винтовок [Бобров, Борисенко, Худяков, 2010, с. 67–68]. Несмотря на запреты царских властей, некоторые служилые люди и промышленники продавали кыргызам пищали и боеприпасы или обменивали огнестрельное оружие на пушнину, защитные доспехи и нарядное конское убранство. В фольклорных источниках упоминаются в качестве оружия кыргызских воинов ружья и пушки [Бутанаев, 1981, с. 194]. В русских источниках есть упоминания о том, что бой у кыргызов был не только «лучной», но и «пищальный» [Очерки..., 2008, с. 220].

Основной ударной силой войск кыргызских княжеств были отряды панцирной конницы, составленные из самих кыргызов, а также подразделения легковооруженной кавалерии, сформированные из вассальных племен-кыштымов. Кыргызские батыры, составлявшие княжеские дружины, были профессиональными воинами, которые охраняли ставки князей и обеспечивали их властные полномочия среди подвластного населения. По сведениям русских источников, «... всегда опасно от кыргызов, которых человек с 1000, только гораздо воисты». По другим данным, всего «... садится их на лошади с копьями в куяках человек с четырехсот, да человек с пятьсот садится в саадацах и древками». Без конницы с ними «биться не можно» [Очерки..., 2008, с. 217]. Вероятно, из-за нехватки кыргызских воинов в состав отрядов панцирной кавалерии в конце XVII – начале XVIII в. стали принимать и кыштымов. Об этом может свидетельствовать находка панцирных пластин, меча и боевого опора в погребении шаманки на памятнике Ортызы-Оба [Худяков, Скобелев, 1984, с. 108–110]. В ходе военных действий военным отрядам конных копейщиков удавалось одерживать военные победы над противниками в ближних боях. По фольклорным сведениям, наиболее боеспособные отряды панцирной кавалерии размещались в центре войска, а на флангах – отряды легковооруженных лучников. Во время таранных атак панцирные всадники стремились прорвать построение противника, а конные лучники атаковали на флангах [Бутанаев, 1981, с. 195]. В ходе военных действий с отрядами русских казаков и служилых людей кыргызские панцирные всадники иногда «копьем смешивали» своих противников. Атакуя противника, кыргызские воины применяли боевой клич «хуух», который был подражанием клетоту ворона, нацеленного на падаль. По такому кличу воины должны были приходить на помощь к попавшим в беду сородичам. Преодолевая водные преграды, кыргызские воины переправлялись через реки вместе со своими лошадьми. В качестве оберегов воины носили бараньи астрагалы, коленные чашечки или плюсны [Очерки..., 2008, с. 220–221].

При хорошем знании местности енисейские кыргызы стремились заманивать противника в засады. В качестве укрытий на случай военной опасности и для долговременной обороны кыргызы сооружали нагорные крепости – «све», а также длинные каменно-земляные валы и рвы – «хыргыс оранмары» [Бобров, Борисенко, Худяков, 2010, с. 68]. В случае необходимости использовались для обороны и временные укрепления из бревен – засеки.

В течение XVII в. княжества енисейских кыргызов находились в вассальной зависимости от халха-монгольских алтын-ханов и правителей Джунгарии. Они были вынуждены принимать участие в войнах в составе войск западных и восточных монголов. Алтын-ханы считали енисейских кыргызов своими «вечными кыштымами», ко-

торых, в случае необходимости, они могли «всех забрать с собой» в Монголию, о чем заявляли российским послам. В середине XVII в. Ирден-тайша потребовал у киргизских князей для реализации своих военных планов «1000 человек на конях и в сбруях и с ружьем», что составляло почти половину всех воинских сил киргизских княжеств [Бутанаев, Худяков, 2000, с. 171]. Еще более суровой была зависимость от правителей Джунгарии. Некоторым киргизским князьям приходилось нести службу в ставке джунгарских хунтайджи. Известный киргизский князь Иренак и его сын Шап с отрядом в три сотни воинов воевали в составе джунгарской армии на Алтае и погибли в битве на р. Чулышмане у Телецкого озера в 1687 г. В конце XVII в. киргизский князь Даин-Ирка в течение года нес службу в ставке хунтайджи Галдан-Бошукту-хана [Бутанаев, Худяков, 2000, с. 173].

В начале XVIII в. по повелению джунгарского хунтайджи Цевэн-Рабдана енисейских киргизов и часть подвластных племен кыштымов угнали из Минусинской котловины в Джунгарию. Небольшие группы киргизов и кыштымов смогли вернуться на Средний Енисей, однако не сумели сохранить свою этническую идентичность. После угона енисейские киргизы уже не могли играть никакой самостоятельной роли в военной истории Центральной Азии.

Библиографический список

- Алексеев М.П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Введение, тексты и комментарий. XIII–XVIII вв. Иркутск : ОГИЗ. Иркут. обл. изд-во, 1941. 610 с.
- Бартольд В.В. Киргизы. Исторический очерк // Бартольд В.В. Сочинения. Т. II. Ч. 1 : Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. М. : Изд-во вост. лит-ры, 1963. С. 471–543.
- Бахрушин С.В. Научные труды. М. : Изд-во АН СССР, 1955. Т. III, ч. 2. С. 176–224.
- Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб. : СПбГУ, 2008. 776 с.
- Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Копья с завитками-отрожками как пример взаимовлияния русских, тюркских и монгольских военно-культурных традиций на территории Южной Сибири в XVII–XVIII веках // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2010. Т. 9, вып. 3. С. 174–181.
- Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в позднее Средневековье и Новое время : учебное пособие. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2010. 288 с.
- Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Изучение древностей Южной Сибири немецкими учеными XVIII–XIX вв. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2005. 270 с.
- Борисенко А.Ю. Немецкие исследователи XVIII века о военном деле и военных столкновениях енисейских киргизов с русскими в позднем Средневековье // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2007. Т. 6, вып. 3. С. 58–62.
- Борисенко А.Ю. Изучение «татарских древностей» Д.Г. Мессершмидтом и Ф.И. Таббертом на пути из Тобольска до Абаканска (по материалам полевого дневника Д.Г. Мессершмидта за 1721 год) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 3. С. 42–49.
- Борисенко А.Ю. Оборонительные сооружения тюркоязычного населения Западной и Южной Сибири по сведениям западноевропейцев второй половины XVII – первой половины XVIII века // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, вып. 7. С. 57–63.
- Бутанаев В.Я. Вооружение и военное дело хакасов в позднем средневековье (по материалам фольклора) // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : Наука, 1981. С. 188–197.

Бутанаев В.Я., Худяков Ю.С. История енисейских кыргызов. Абакан : Изд-во Хакас. ун-та, 2000. 272 с.

Вадецкая Э.Б. К истории археологического изучения Минусинских котловин // Известия лаборатории археологических исследований. Вып. VI. Кемерово : Кем. гос. пед. ин-т, 1973. С. 91–159.

Готлиб А.И., Бутанаев В.Я. Историческая основа хакасского фольклора о крепостных сооружениях – све // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. Новосибирск : ИИФФ СОАН СССР, 1990. С. 132–145.

Дмитриев А.В. Войска «Нового строя» в Сибири во второй половине XVII века. Новосибирск : Новосибир. гос. ун-т, 2008. 240 с.

Клеменц Д.А. Древности Минусинского музея. Памятники металлических эпох. Томск : Изд-во И. Кузнецова, 1886. 185 с.

Козьмин Н.Н. Хакасы. Историко-этнографический и хозяйственный очерк Минусинского края. Иркутск : Изд-во Иркут. секции науч. работ. Рабпроса, 1925. 184 с.

Кренке Н.А. Коллекция В.В. Радлова из раскопок курганов XVII в. в Сибири // Западная Сибирь в эпоху Средневековья. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. С. 137–145.

Кузнецов И.П. Древние могилы Минусинского округа. Томск : Типограф. В.В. Михайлова и П.И. Макушина, 1989. 36 с.

Левашова В.П. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск, 1939. 68 с.

Мессершмидт Д.Г. Дневники. Томск – Абакан – Красноярск. 1721–1722. Абакан : ООО «Кооператив «Журналист», 2012. 160 с.

Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена. М. : Либерия, 1998. 416 с.

Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. Изд. 2-е, дополн. М. : Вост. лит-ра, 1999. 630 с.

Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. II. Изд. 2-е, дополн. М. : Вост. лит-ра, 2000. 796 с.

Миллер Г.Ф. Описание сибирских народов. М. : Памятники исторической мысли, 2009. 456 с.

Очерки истории Хакасии (с древнейших времен до современности). Абакан : Изд-во Хакас. ун-та, 2008. 672 с.

Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан : Хакас. книжн. изд-во, 1957. 307 с.

Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. М. : Наука, 1989. 749 с.

Разин Е.А. История военного искусства. М. : Военное изд-во Мин. обороны СССР, 1955. Т. I. 559 с.

Скобелев С.Г. Позднесредневековый лук редкой формы с Енисея // Российская археология. 1999. №3. С. 175–180.

Скобелев С.Г., Мандрыка П.В. Проблемы хронологии некоторых предметов из археологических памятников Евразии русского времени (на материалах Саянского острога и Айканского селища) // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2 : Горизонты Евразии. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 1999. С. 208–214.

Скобелев С.Г. Характеристика комплекса вооружения коренного и русского населения Приенисейского края в XVII–XVIII веках, имеющего общее происхождение // Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2007. С. 155–169.

Сунчугашев Я.И. Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа. Новосибирск : Наука, 1979. 192 с.

Фишер И.Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1774. 632 с.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск : Наука, 1980. 176 с.

Худяков Ю.С., Карпекина М.В. Реконструкция шаманского костюма из могильника Ортызы-Оба // Проблемы реконструкций в археологии. Новосибирск : ИИФФ СОАН СССР, 1984. С. 94–104.

Худяков Ю.С., Скобелев С.Г. Позднесредневековое шаманское погребение в могильнике Ортызы-Оба // Этнография народов Сибири. Новосибирск : Наука, 1984. С. 105–119.

Худяков Ю.С., Соловьев А.И. Из истории защитного доспеха в Северной и Центральной Азии // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск : Наука, 1987. С. 135–163.

Худяков Ю.С. Защитное вооружение кыргызского воина в позднем Средневековье // Проблемы средневековой археологии Южной Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 1991. С. 87–100.

Худяков Ю.С., Ким С.А. Вооружение кыргызских кыштымов // Вопросы военного дела и демографии Сибири в эпоху средневековья. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 2001. С. 50–75.

Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien 1721–1727. Berlin : Akademie Verlag, 1962. Theil 1. 379 s.

Schott W. Über die achten Kirgisen // Abhandlungen die Koniglichen Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. 1865.

Tallgren A.V. Collection Tovostine des antiquites prehistoriques de Minoussinsk conserves chez le DR. Karl Hedman a Vasa. Helsingfors : K.F. Puromiehen kirjapaino o.-y., 1917. 93 p.

Y.S. Khudyakov, A.Y. Borisenko

**THE COMPLEX OF EQUIPMENT OF THE YENISEI KYRGYZ PEOPLE
IN THE LATE MIDDLE AGES AND MODERN ERA
(taking into account materials of the European
explorers of the 17–18 centuries)**

The article analyses the data from written historical and folklore sources, archaeological materials from excavations and objects of equipment from museum collections, related to the military science of the Yenisei Kyrgyz people in the Late Middle Ages and Modern era. Consideration is given to the historical evidences about military science and events of military history of the Yenisei Kyrgyz, gathered by the European military experts and scientists in the 17–18 centuries. Observation is given to the main events and research made by Russian archaeologists and historians of weapon in the 19 – the beginning of the 21 century. Research was made of the various kinds of offensive weapon of long-range and close combat and individual protective metal devices of the Yenisei Kyrgyz warriors in the period of confrontation between Kyrgyz princedoms and the Russian authorities in the Valley of the Middle Yenisei River. The reconstruction was made of the complex of war equipment of the professional Kyrgyz warriors.

An analysis is given to the pieces of equipment, indicating about the use by the Kyrgyz warriors of the bows with bone side plates and polytypic iron arrows aimed at damaging of the unprotected by metal armour adversaries and at piercing tank armour, plate armour and helmets.

Key words: military science, offensive and protective weapon, Yenisei Kyrgyz, Minusinsk Hollow, Late Middle Ages, Modern era.

References

Alekseev M.P. Sibir v izvestiyakh zapadno-evropeyskikh puteshestvennikov i pisateley. Vvedenie, teksty i komentarii. XIII–XVIII vv. [Siberia in the notes of Western travelers and writers. Introduction, texts and commentary. XIII–XVIII centuries]. Irkutsk : OGIZ. Irkut. obl. izd-vo, 1941. 610 p.

Bakhrushin S.V. Nauchnye trudy [Scientific works]. Moscow : Izd-vo AN SSSR, T. III, part 2, 1955. Pp. 176–224.

Bartold V.V. Kirgizy. Istoricheskiy ocherk [The Kyrgys people. Historical Review]. Bartold V.V., Sochineniya. T. II. Ch. 1: Obschie raboty po istorii Sredney Azii. Raboty po istorii Kavkaza i Vostochnoy Evropy [Works. T. II. Part 1: General works on the history of Central Asia. Works on the history of the Caucasus and Eastern European]. Moscow : Izd-vo vost. lit-ry, 1963. Pp. 471–543.

Bobrov L.A., Khudyakov Yu.S. Vooruzhenie i taktika kochevnikov Tsentralnoy Azii i Yuzhnoy Sibiri v epokhu pozdnego srednevekoviya i rannego Novogo vremeni (XV – pervaya polovina XVIII v.) [Armament and tactics of the nomads of Central Asia and Southern Siberia in the late Middle Ages and early modern period (XV – first half of XVIII century)]. St Petersburg : SPbGU, 2008. 776 p.

Bobrov L.A., Borisenko A.Yu., Khudyakov Yu.S. Vzaimodeystvie tyurkskikh i mongolskikh narodov s russkimi v Sibiri v voennom dele v pozdnee Srednevekove i Novoe vremya: uchebnoe posobie [Interaction between Turkic and Mongolian peoples in Siberia and the Russians in the military in the late Middle Ages and modern time: a textbook]. Novosibirsk : Novosib. gos. un-t, 2010. 288 p.

Bobrov L.A., Khudyakov Yu.S. Kopya s zavitkami-otrozhkami kak primer vzaimovliyaniya russkikh, tyurkskikh i mongolskikh voenno-kulturnykh traditsiy na territorii Yuzhnoy Sibiri v XVII–XVIII vekakh [Spears with swirls-horns as an example of interference of Russian, Turkic and Mongol military and cultural traditions in South Siberia in the XVII–XVIII centuries]. Vestnik Novosib. gos. un-ta. Seriya: Istoriya, filologiya [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. Vol. 9, 3. 2010. Pp. 174–181.

Bobrov L.A., Khudyakov Yu.S. Vooruzhenie i taktika kochevnikov Tsentralnoy Azii i Yuzhnoy Sibiri v epokhu pozdnego srednevekovya i rannego Novogo vremeni (XV – pervaya polovina XVIII v.). St. Petersburg : SPbGU, 2008. 776 p.

Borisenko A.Yu. Izuchenie “tatarskikh drevnostey” D.G. Messerschmidtom i F.I. Tabbertom na puti iz Tobolska do Abakanska (po materialam polevogo dnevnika D.G. Messerschmidta za 1721 god) [The study of “Tatar Antiques” by D.G. Messerschmidt and F.I. Tabbert on the way from Tobolsk to the Abakan (based on field diary of D.G. Messerschmidt DG for 1721)]. Vestnik Novosib. gos. un-ta. Seriya: Istoriya, filologiya [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. Vol. 11, 3. 2012. Pp. 42–46.

Borisenko A.Yu. Nemetskie issledovateli XVIII veka o voennom dele i voennykh stolkoveniyakh eniseyskikh kyrgyzov s russkimi v pozdnem Srednevekov'e [German researchers of the XVIII century of warfare and military clashes between the Yenisei Kyrgyz and the Russians in the late Middle Ages]. Vestnik Novosib. gos. un-ta. Seriya: Istoriya, filologiya [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. Vol. 6, 3. 2007. Pp. 58–62.

Borisenko A.Yu. Oboronitelnye sooruzheniya tyurkoyazychnogo naseleniya Zapadnoy i Yuzhnoy Sibiri po svedeniyam zapadnoevropeytshev vtoroy poloviny XVII – pervoy poloviny XVIII veka [Defensive constructions of Turkic-speaking population of Western and Southern Siberia, according to the information of Western Europeans of the second half of XVII – the first half of the XVIII century]. Vestnik Novosib. gos. un-ta. Seriya: Istoriya, filologiya [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. Vol. 12, 7, 2013. Pp. 57–63.

Borisenko A.Yu., Khudyakov Yu.S. Izuchenie drevnostey Yuzhnoy Sibiri nemetskimi uchenymi XVIII–XIX vv. [The study of South Siberia Antiquities by German scientists in the XVIII–XIX centuries]. Novosibirsk : Novosib. gos. un-t, 2005. 270 p.

Butanaev V.Ya. Vooruzhenie i voennoe delo khakasov v pozdnem srednevekov'e (po materialam folkloru) [Weapons and military affairs of the Khakases in the late Middle Ages (based on folklore)]. Voennoe delo drevnikh plemen Sibiri i Tsentralnoy Azii [Military Science of the ancient tribes of Siberia and Central Asia]. Novosibirsk: Nauka, 1981. Pp. 188–197.

Butanaev V.Ya., Khudyakov Yu.S. Istoriya eniseyskikh kyrgyzov [History of the Yenisei Kyrgyz]. Abakan : Izd-vo Khakas. un-ta, 2000. 272 p.

Dmitriev A.V. Voyska “Novogo stroya” v Sibiri vo vtoroy polovine XVII veka [The troops of the “New order” in Siberia in the second half of the XVII century]. Novosibirsk : Novosib. gos. un-t, 2008. 240 p.

Fisher I.E. Sibirskaya istoriya s samogo otkrytiya Sibiri do zavoevaniya sey zemli rossiyskim oruzhiem [Siberian history from the opening of Siberia to the conquest of the land by Russian weapons]. St. Petersburg : Tip. Imp. Akad. nauk, 1774. 632 p.

Gotlib A.I., Butanaev V.Ya. Istoricheskaya osnova khakasskogo folkloru o krepostnykh sooruzheniyakh – sve [The historical basis of the Khakass folklore of fortifications – sve]. Pamyatniki kyrgyzskoy kul'tury v Severnoy i Tsentralnoy Azii [Monuments of Kyrgyz culture in North and Central Asia]. Novosibirsk : IFF SOAN SSSR, 1990. Pp. 132–145.

Khudyakov Yu.S. Vooruzhenie eniseyskikh kyrgyzov VI–XII vv. [The armament of the Yenisei Kyrgyz in the VI–XII centuries]. Novosibirsk : Nauka, 1980. 176 p.

Khudyakov Yu.S., Karpekina M.V. Rekonstruktsiya shamanskogo kostyuma iz mogilnika Ortyzy-Oba [Reconstruction of the shamanic costume from the Ortyzy-Oba burial]. Problemy rekonstruktsiy v arkhologii [Problems of reconstruction in archaeology]. Novosibirsk : IFF SOAN SSSR, 1984. Pp. 94–104.

Khudyakov Yu.S., Kim S.A. Vooruzhenie kyrgyzskikh kyshtymov [Armament of the Kyrgyz Kyshtyms]. Voprosy voennogo dela i demografii Sibiri v epokhu srednevekovya [Questions of military affairs and demography of Siberia in the Middle Ages]. Novosibirsk : Izd-vo Novosib. un-ta, 2. Pp. 50–75.

Khudyakov Yu.S., Skobelev S.G. Pozdnesrednevekovoe shamanskoe pogrebenie v mogil' nike Ortyzy-Oba [Shamanic late Medieval burial in the Ortyzy-Oba mound]. Etnografiya narodov Sibiri [Ethnography of Siberian peoples]. Novosibirsk : Nauka, 1984. Pp. 105–119.

Khudyakov Yu.S., Solovov A.I. Iz istorii zaschitnogo dospekha v Severnoy i Tsentralnoy Azii [From the history of protective armor in North and Central Asia]. Voennoe delo drevnego naseleniya Severnoy Azii [Military science of the ancient population of North Asia]. Novosibirsk : Nauka, 1987. Pp. 135–163.

Khudyakov Yu.S. Zaschitnoe vooruzhenie kyrgyzskogo voina v pozdnem Srednevekov'e [Protective weapons of Kyrgyz warriors in the late Middle Ages]. Problemy srednevekovoy arkhologii Yuzhnoy Sibiri i sopredelnykh territoriy [Problems of medieval archaeology of South Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk : Novosib. gos. un-t, 1991. Pp. 87–100.

Klements D.A. Drevnosti Minusinskogo muzeya. Pamyatniki metallicheskih epoch [Antiquities of the Minusinsk museum. Monuments of metal eras]. Tomsk : Izd. I. Kuznetsova, 1886. 185 p.

Kozmin N.N. Khakasy. Istoriko-etnograficheskiy i khozyaystvennyy ocherk Minusinskogo kraya [Khakassia. Historical, ethnographic and economic outline of the Minusinsk krai]. Irkutsk : Izd-vo Irkut. sektsii nauch. rabot. Rabprosa, 1925. 184 p.

Krenke N.A., Kolleksiya V.V. Radlova iz raskopok kurganov XVII v. v Sibiri [Collection of V.V. Radloff from the mounds of XVII century in Siberia]. Zapadnaya Sibir v epokhu Srednevekovya [Western Siberia in the Middle Ages]. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1984. Pp. 137–145.

Kuznetsov I.P. Drevnie mogily Minusinskogo okruga [Ancient graves of the Minusinsk District]. Tomsk : Tipograf. V.V. Mikhaylova i P.I. Makushina, 1989. 36 p.

Levashova V.P. Iz dalekogo proshlogo yuzhnoy chasti Krasnoyarskogo kraya [From the distant past of the southern part of the Krasnoyarsk krai]. Krasnoyarsk, 1939. 68 p.

Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien 1721–1727. Berlin : Akademie Verlag, Theil 1. 1962. 379 p.

Messerschmidt D.G. Dnevnik. Tomsk – Abakan – Krasnoyarsk. 1721–1722 [Diaries. Tomsk – Abakan – Krasnoyarsk. 1721–1722. Abakan : OOO “Kooperativ “Zhurnalist”, 2012. 160 p.

Miller G.F. Istoriya Sibiri [History of Siberia]. Vol. I. Izd. 2-e, dopoln. Moscow : Vost. lit-ra, 1999. 630 p.

Miller G.F. Istoriya Sibiri [History of Siberia]. Vol. II. Izd. 2-e, dopoln. Moscow : Vost. lit-ra, 2000. 796 p.

Miller G.F. Opisanie sibirskikh narodov [The description of the Siberian people]. Moscow : Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2009. 456 p.

Miller G.F. Opisanie Sibirskogo tsarstva i vseh proisshedsikh v nem del ot nachala, a osoblivo ot pokoreniya ego Rossiyskoy derzhave po sii vremena [Description of the Siberian kingdom, and everything that occurred there from the beginning, and especially from its conquest by the Russian state up to the present time]. Moscow : Libereya, 1998. 416 p.

Ocherki istorii Khakasii (s drevneyshikh vremen do sovremennosti) [Essays on the history of Khakassia (from ancient to modern times)]. Abakan : Izd-vo Khakas. un-ta, 2008. 672 p.

Potapov L.P. Proiskhozhdenie i formirovanie khakasskoy narodnosti [The origin and formation of the Khakass nation]. Abakan : Khakas. knizhn. izd-vo, 1957. 307 p.

Radlov V.V. Iz Sibiri. Stranitsy dnevnika [Pages from the diary]. Moscow : Nauka, 1989. 749 p.

Razin E.A. Istoriya voennogo iskusstva [The history of military art]. Moscow : Voennoe izd-vo Min. oborony SSSR. Vol. I, 1955. 559 p.

Schott W. Uber die achten Kirgisen // Abhandlungen die Koniglichen Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, 1865.

Skobelev S.G. Kharakteristika kompleksa vooruzheniya korennoy i russkoy naseleniya Prieniyskogo kraya v XVII–XVIII vekakh, imeyushchego obshchee proiskhozhdenie [Features of the weapons of the native and indigenous Russian population in the Yenisei region in the XVII–XVIII centuries which have a common origin]. Vooruzhenie i voennoe delo kochevnikov Sibiri i Tsentralnoy Azii [Weapons and military affairs of the nomads of Siberia and Central Asia]. Novosibirsk : Novosib. gos. un-t, 2007. Pp. 155–169.

Skobelev S.G. Pozdnesrednevekovyy luk redkoy formy s Eniseya [Late Medieval bow of a rare form from of the Yenisei]. Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology], 3, 1999. Pp. 175–180.

Skobelev S.G., Mandryka P.V. Problemy khronologii nekotorykh predmetov iz arkheologicheskikh pamyatnikov Evrazii russkogo vremeni (na materialakh Sayanskogo ostroga i Aykanskogo selischa) [Problems of chronology of some items from the archaeological sites of Eurasia of Russian time (on the materials of the Sayan fortress and Aykansky Village)]. Evraziya: kulturnoe nasledie drevnikh tsivilizatsiy. Vyp. 2 : Gorizonty Evrazii [Eurasia: the cultural heritage of ancient civilizations. Vol. 2 : Horizons of Eurasia]. Novosibirsk : Novosib. gos. un-t, 1999. Pp. 208–214.

Sunchugashev Ya.I. Drevnyaya metallurgiya Khakasii. Epokha zheleza [Ancient metallurgy of Khakassia. The age of Iron]. Novosibirsk : Nauka, 1979. 192 p.

Tallgren A.V. Collection Tovostine des antiquites prehistoriques de Minoussinsk conserves chez le DR. Karl Hedman a Vasa. Helsingfors : K.F. Puromiehen kirjapaino o.-y., 1917. 93 p.

Vadetskaya E.B. K istorii arkheologicheskogo izucheniya Minusinskikh kotlovin [On the history of archaeological study of the Minusinsk Basin]. Izvestiya laboratorii arkheologicheskikh issledovaniy [Proceedings of the laboratory of archaeological research]. Kemerovo : Kem. gos. ped. in-t, VI, 1973. Pp. 91–159.

СОСУДЫ – «ПОЧТОВЫЕ ЯЩИКИ» В ОБРЯДАХ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ

Рассматриваются погребения срубной культуры, где внутри сосудов находились различные предметы: костяные трубки, астрагалы мелких копытных, остатки деревянных чаш с металлическими накладками, бронзовые украшения, зубы животных, путовые кости лошади, раковины моллюсков, кремневый нуклеус, костяной наконечник стрелы, фрагменты флейты, кусочки медной руды и др. Автор учел 32 таких погребения. Данные комплексы встречаются почти по всей территории срубной культурно-исторической общности от Южного Урала на востоке до Степного Поднепровья на западе. Помещенные в сосудах вещи могли встречаться в погребениях лиц обоих полов, разного возраста и ранга. Более трети этих людей при жизни являлись служителями культа. Проанализировав комплексы, в состав которых входили сосуды с положенными в них вещами, автор выдвинул предположение, что в данном случае мы сталкиваемся с проявлениями так называемого «предметного письма». Сосуды выступали в качестве «почтовых ящиков» для общения с представителями высших сил. Помещенные в них предметы призваны были уточнить, какие блага люди хотят получить от богов, предков и пр.

Ключевые слова: поздний бронзовый век, срубная культура, погребения, поселения, жертвоприношения, семантика.

DOI: 10.14258/tpai(2016)1(13).-05

В погребениях срубной культуры, как правило, присутствуют керамические сосуды. В контексте погребального обряда они чаще всего являлись емкостями для напутственной пищи, которая помещалась в могилы, чтобы облегчить умершим переправу в потусторонний мир. Такая трактовка посуды из срубных захоронений подтверждается, в частности, результатами химико-аналитических исследований. Они свидетельствуют, что в большинстве сосудов на момент похорон находились пища растительного происхождения, мясо-молочные продукты, вода, а иногда и наркотические вещества [Демкин и др., 1992, с. 47–48; Демкин, 1999, табл. 1; Михайлов, Васильев, 2003, с. 178–179; Борисов и др., 2006, с. 377]. Нередко сосуды выступали и в качестве урн для останков кремированных покойников [Отрощенко и др., 1977, с. 24; Березанская, Гершкович, 1983, с. 107; Буйнов, Михеев, 1989, с. 92; Супруненко, 1991, с. 43; Халыпин, 1998, с. 58, 59, 64]. Наконец, порой в сосудах из погребений срубной культуры обнаруживаются предметы, не являющиеся ни следами пищи, ни останками умерших. Рассмотрению этих комплексов и посвящена предлагаемая работа. Их нами учтено 32.

Чаще всего в сосудах оказывались **костяные трубки** (восемь комплексов). В частности, в сосуде из Никольского-III, 1/5 (Астраханская обл., РФ) находилась трубка длиной 9,5 см [Дворниченко, Федорова-Давыдова, 1989, с. 97–98]. В сосуде из Линево, 7/2 (Волгоградская обл., РФ) была трубка длиной 17,4 см [Сергацков и др., 2006, с. 41–42, 44]. В сосуде из Озерков, 21/8 (Ростовская обл., РФ) выявлена трубка из берцовой кости мелкого рогатого скота длиной 14,4 см [Труды..., 1999, с. 17]. Трубка лежала также в сосуде из Сокола, 1/3 (Донецкая обл., Украина). Ее поверхность заполирована. Один конец изделия отломан (сохранившаяся длина – 7,3 см) [Кульбака, Качур, 2002, с. 53–54]. Трубки с отломанными концами были выявлены еще в двух захоронениях (Шахаевская-II, 1/3 (Ростовская обл., РФ) [Федорова-Давыдова, 1983, с. 36]; Орловское, 1/9 (Донецкая обл., Украина) [Забавин, 2010, с. 180]). Уточним, что

сохранившаяся часть трубки из Орловского имела в длину 7,5 см, а в сосуде кроме нее находился **кремневый нуклеус**. Фрагменты трубки были обнаружены в сосуде из погребения-11 кургана №4–8 могильника Гать-II (Ростовская обл., РФ) [Труды..., 1999, с. 6]. В сосуде из Кривой Луки-IV, 1/3 (Астраханская обл., РФ), помимо мелких костей барана, лежала трубчатая кость с обструганным концом [Дворниченко и др., 1977, с. 44–45]. Возможно, и в этом случае мы имеем дело с трубкой.

На втором месте по частоте встречаемости стоят **астрагалы (таранные кости) мелких копытных** (пять погребений). При этом в сосуде из Спасского-I, 2/2 (Челябинская обл., РФ) находились 35 астрагалов и **костяной наконечник стрелы** [Стоколос, 1972, с. 162]. В сосуде из Ступок, 5/3 (Донецкая обл., Украина) выявлены два астрагала [Городцов, 1907, с. 320]. По одному астрагалу помещалось в сосудах из Новоселок, 1/3 (Татарстан, РФ) [Иванов, Скарбовенко, 1993, табл.] и Куйбышево, 1/7 (Донецкая обл., Украина) [Моруженко и др., 1988]. Наконец, астрагалы были в сосуде из Ясиноватого-II, 12/13 (Запорожская обл., Украина) [Ляшко и др., 2004, с. 30]. Количество их авторы публикации не уточнили.

В четырех случаях в сосудах обнаружены остатки **деревянных чаш с бронзовыми накладками**. Это имело место в захоронениях из Рясных Могилах, 6/5* [Отрощенко и др., 1977, с. 56–57], Малой Белозерки, разрушенный курган [Отрощенко, 1984, с. 88], 5/3 [Отрощенко, 1984, с. 88], Михайловки, 3/1 [Отрощенко, 1984, с. 87]. Все четыре комплекса исследованы на территории Днепровско-Молочанского междуречья в пределах Запорожской области.

В сосудах из трех погребений лежали **бронзовые украшения**. В частности, в захоронении из Лузановки, 11/20 (Самарская обл., РФ) это был фрагментированный браслет [Васильев, 1977, с. 25], в захоронении из Новопавловки, 2/2 (Самарская обл., РФ) – височная подвеска [Скарбовенко, 1981, с. 9], в погребении из Новолиповки, 27/1 (Саратовская обл., РФ) – фрагмент «серьги» (вероятно, височной подвески. – В.Ц.) [Деревягин, 1973, с. 99].

В трех случаях в сосудах помещались **зубы животных**. Они представлены клыком хищника с отверстием (Новый Урень, Ульяновская обл., РФ [Буров, 1972, с. 200]), резцом нижней челюсти быка (Шевцов-I, 1/7, Ростовская обл., РФ [Потапов, Шеф, 2011, с. 176]), зубами лошади (Рясные Могилах, курган №3, Донецкая обл., Украина [Усачук и др., 2004, с. 34]).

Дважды в сосудах оказывалось по одной **путовой кости (I фаланге) лошади** (Николаевка, 1/13, Башкортостан, РФ [Исмагил и др., 2009, с. 21–22]; Рассвет-I, 1/7, Самарская обл., РФ [Васильева и др., 2011, с. 126–127]).

В двух случаях в сосудах находились **раковины моллюсков**. При этом в захоронении из Акназарово, 2/8 (Башкортостан, РФ) в сосуде оказались 100 раковин брюхоногого прудовика [Обыденнова и др., 1985, с. 44], а в захоронении из Системы-4, 2/5 (Челябинская обл., РФ) – створка раковины с отверстием [Костюков, Алаева, 2004, с. 34, 36].

Помимо перечисленных артефактов, в сосудах обнаруживались также **бронзовая игла** (Хрящевка, 1/4, Самарская обл., РФ [Мерперт, 1954, с. 80]), **фрагменты флейты Пана** в виде шести костяных трубочек (Николаевка, 4/6, Донецкая обл., РФ [Привалова, 1999, с. 90]), **кусочки медной руды** (рудник Чэвонэ Озеро-IV, п. 1, Луганская обл., Украина [Бровендер, 2005, с. 16–17]) и два **бронзовых изделия**, фрагментированных

* В сосуде были также остатки пищи.

до такой степени, что их функциональное назначение определить не удалось (Графская, 15/7, Тамбовская обл., РФ [Моисеев, 1998, с. 49, 51]; Бабенково, 1/27, Херсонская обл., Украина [Щепинский, Черепанова, 1969, с. 89–91]*).

Очевидно, что практика помещения в погребальные сосуды разнообразных предметов спорадически проявлялась почти на всей территории срубной общности от Южного Урала на востоке до Степного Поднепровья на западе. Вместе с тем она не имела значительных масштабов. Нами учтены 8624 срубных погребения, и лишь только в 32 из них (0,4%) выявлены сосуды, где лежали интересующие нас артефакты. Максимальная частота встречаемости захоронений со следами рассматриваемой практики наблюдается в Днепровско-Молочанском междуречье (1,5% учтенных срубных погребений). Однако в некоторых регионах подобных захоронений нам вообще не известно (Предкавказье, Украинская лесостепь, Орельско-Самарское междуречье, Днепровское Правобережье, Крым). Все это свидетельствует о том, что вещи клались в погребальные сосуды лишь в каких-то экстраординарных случаях.

Применительно к 29 из рассматриваемых нами захоронений имеются данные о возрасте умерших. При этом девять погребенных являлись детьми и подростками (в том числе 5–7, 6 и 12 лет). Пол одного подростка, вероятно, был женским. Взрослыми были 20 умерших. Среди них четыре женщины (в том числе 18–25 лет и «средних лет»). В семи случаях пол определен как мужской (в том числе мужчины 25–30, 35–45, 40, 45–50 лет и «старик»). Пол еще девяти взрослых не известен. Таким образом, помещение вещей в сосуды могло иметь место во время похорон лиц разного возраста и пола. Однако часть артефактов, оказывавшихся в сосудах, демонстрируют более или менее устойчивую корреляцию с лицами возрастной группы взрослых. В частности, только в захоронениях взрослых (в том числе мужчин 25–30 лет и преклонного возраста) зафиксирован такой «текст», как «деревянная чаша с накладкой в сосуде». То же справедливо и применительно к костяным трубкам. Среди восьми лиц, в могилах которых они находились в сосудах, – семь взрослых (в том числе мужчины 40, 45–50 лет и неопределенного возраста). Возраст восьмого погребенного – 5–7 лет. Со взрослыми коррелировались также медная руда и металлические изделия. Последние лежали в сосудах из девяти захоронений, и при этом восемь умерших являлись взрослыми (в том числе мужчины 25–30 лет и старческого возраста, женщина средних лет и две женщины неопределенного возраста). Только в одном случае отмеченная закономерность оказалась нарушенной: бронзовая височная подвеска выявлена в сосуде из захоронения подростка.

Некоторые из помещавшихся в сосуды предметов, похоже, не коррелировались с определенной возрастной группой. Так, астрагалы лежали в сосудах из погребений двух детей, двух подростков и двух взрослых. Зубы животных обнаружены в сосудах из погребений ребенка (клык хищника), мужчины 35–45 лет (резец быка) и взрослого неопределенного пола (зубы лошади). Путовые кости лошади находились в сосудах из захоронений ребенка 6 лет и женщины 18–25 лет. Сосуд с раковинами прудовика обнаружен в захоронении подростка, а сосуд, где лежала раковина с отверстием, – в разрушенном комплексе, применительно к которому данных о возрасте и поле погребенного

* В.В. Отрошенко [1984, с. 88] предположил, что разложившийся бронзовый предмет, лежавший в сосуде из данного захоронения, являлся остатками накладки от чаши, но, строго говоря, это недоказуемо.

нет (то есть умерший вполне мог являться и взрослым). Сосуд с флейтой Пана стоял в захоронении, где возраст погребенного не определен (судя по параметрам костей, усопший являлся или подростком, или взрослым).

Стоит вкратце остановиться на общественном положении погребенных. В захоронении из Никольского-III, 1/5 присутствовала булава, что маркирует принадлежность умершего к носителям власти [Цимиданов, 2004б, с. 56]. Тринадцать погребенных могут быть трактованы как служители культа. Об этом свидетельствуют разнообразные знаки, присутствовавшие в данных комплексах: деревянные чаши [Цимиданов, 2004б, с. 75–77], сосуды с иррегулярным орнаментом и так называемыми «письменами», или «знаками» [Цимиданов, 2004б, с. 51–52], астрагалы* [Цимиданов, 2004б, с. 56], кремация покойника [Цимиданов, 2004б, с. 59–61]. Восемнадцать оставшихся умерших, на наш взгляд, происходили из статусной группы носителей производственной функции. При этом, однако, некоторые из них явно обладали какими-то качествами, отличавшими их от соплеменников, похороненных в тех же курганах. Так, у погребенного из Лузановки, 11/20 были отчленены стопы. Данный обряд в срубной культуре встречается весьма редко [Горбов, Усачук, 2011, с. 53–54]. Скорее всего, он преследовал цель обезвредить покойника, считавшегося магически опасным [Усачук и др., 2010, с. 196]. Расчленение умершего, вероятно, имело место и в случае с погребением из Орловского, 1/10. Здесь отсутствовали часть таза, позвонки, кости грудной клетки и левой руки [Забавин, 2010, с. 180]. В кургане из Нового Уреня интересующее нас погребение демонстрировало ингумацию на правом боку, тогда как остальные умершие были положены в могилы на левом боку [Буров, 1972, с. 200].

Люди, в захоронениях которых обнаружены сосуды с находившимися внутри них вещами, занимали при жизни различные ранговые позиции (о ранговой градации срубного общества см.: [Цимиданов, 2004б, с. 37–38, 69]). Здесь можно заметить следующее. Ни одно из 13 погребений нашей сводки, происходящих с восточной территории срубной общности (Южный Урал, Среднее и Нижнее Поволжье), не демонстрировало знаков высокого ранга. Ситуация на западной территории (Подонье, Предкавказье и более западные регионы вплоть до бассейна р. Ингул) принципиально иная: из 19 умерших два обладали при жизни высшим рангом, 11 – повышенным, а лишь шесть умерших (около трети) имели низкий ранг.

Сосуды с лежавшими в них артефактами обнаруживаются и в поселенческих культовых комплексах срубной культуры. Так, на поселении Байтерьяковское-III (Татарстан, РФ) в жилище был выявлен сосуд, врытый в пол. В нем находился **развал верхней части другого сосуда** [Бугрова, 1999, с. 199]. Аналогичный комплекс исследован на поселении Янохино (Харьковская обл., Украина). Там в землянке, близ очага, находился сосуд, в котором помещался еще один **сосуд** [Митрофанова, 1960, с. 63]. В ряде случаев в сосудах лежали **кости животных**. Это зафиксировано, например, на поселении Зайчишминское-I (Башкортостан, РФ) [Рафикова, 2003, с. 217]. На поселении Исмагилово (Башкортостан, РФ) в сосуде, помимо костей животных (некоторые из них были обожжены), обнаружены также **угольки** [Морозов, 1985, с. 57]. На поселении Усово Озеро (Донецкая обл., Украина) в сосуде находились кости животных

* В данном случае к статусной группе служителей культа причислялись лишь те из погребенных, в могилах которых, помимо астрагалов, лежавших в сосудах, были и астрагалы, находившиеся вне сосудов.

и **чешуя рыбы** [Березанская, 1990, с. 18]. На поселении Зимогорье (Луганская обл., Украина) в сосуде обнаружены кости животных и **кремневые отщепы** [Пробейголова, Красильников, 2010, с. 345].

Иногда в сосудах оказывались **камни**. Это, в частности, имело место на поселениях Чапаевка-2 (Саратовская обл., РФ)* [Лопатин, 2002, с. 49] и Раздольное (Донецкая обл., Украина) [Горбов, Усачук, 2001, с. 167]. На поселении Широкая Балка II (Донецкая обл., Украина) в сосуде тоже лежал камень, но его дополняли пять **костяных заготовок для проколов** [Горбов, Мимоход, 1999, с. 29]. На том же поселении выявлен и еще один аналогичный комплекс: в придонной части сосуда находились камень, **10 заготовок проколов и клык кабана** [Горбов, Мимоход, 1999, с. 28].

На поселении Мосоловка (Воронежская обл., РФ) в одной из ям постройки №6 обнаружен сосуд, в котором лежал **каменный молот** [Пряхин, 1993, с. 50]. В котловане №34 того же поселения у юго-восточной стенки стоял небольшой сосудик, внутри которого оказалась глиняная **модель молотка** [Пряхин, 1993, с. 48]. Очевидно, здесь мы имеем дело с двумя тождественными «текстами», различающимися тем, что во втором случае вместо орудия использовалось его изображение. Стоит отметить, что подобная практика имела место в обрядах многих народов. Например, древние греки часто жертвовали не настоящее оружие, а его уменьшенные макеты, сделанные из бронзы или глины [Кузьмина, 2011, с. 36, 37].

В сосудах из культовых комплексов срубных поселений оказывались и другие артефакты: **наконечники стрел и их заготовки** (Успенка, Саратовская обл., РФ [Лопатин, 1993, с. 72]), **костяные «спицы» и кусочек охры** (Шелыган-1, Волгоградская обл., РФ [Усачук, Литвиненко, 1999, с. 205]), **костяное орудие** (Катериновка-2, Луганская обл., Украина [Бритюк, Теліженко, 2007, с. 48]), **бронзовая пластинка** (накладка от чаши?) (Мокрая Песковатка, Саратовская обл., РФ [Лопатин, 2006, с. 411; Лопатин, Четвериков, 2006, с. 117]).

В погребальных сосудах, с одной стороны, и сосудах поселенческих культовых комплексов – с другой, выявлены в основном разные предметы. Схождений лишь три, причем третье не бесспорно: 1) костяные наконечники стрел (погребение из Спасского-I и поселение Успенка); 2) кремни (погребение из Орловского и поселение Зимогорье); 3) бронзовые накладки от чаш (погребения из Днепровско-Молочанского междуречья и поселение Мокрая Песковатка). Незначительность числа сходств не должна нас смущать, так как мы имеем дело с разными сферами обрядовой деятельности. Важен сам факт того, что сосуды с помещенными в них вещами включались не только в погребальные, но и в поселенческие обрядовые «тексты».

Применительно к рассматриваемым сосудам с поселений срубной культуры высказано довольно убедительное предположение, что они являлись «емкостными жертвенниками» [Мимоход, 2000, с. 87]. Совершая жертвоприношения, люди могут преследовать весьма разнообразные цели. Основными из них, на наш взгляд, являются следующие:

- а) желание упорядочить мир [Бэшем, 1977, с. 260; Байбурин, 1993, с. 188–189];
- б) стремление вымолить у «адресата» (божества, предка и др.) какие-то милости – изобилие, здоровье, детей, удачу в начинаниях и т.д. [Вяткина, 1968, с. 119; Борозна, 1969, с. 85; Кисляков, 1970, с. 7, 9; Мухиддинов, 1982, с. 77, 79; Миллер, 1992, с. 442];

* Выявленный в сосуде камень носит следы пребывания в огне.

в) намерение поблагодарить «адресата» за дарованные блага [Анохин, 1924; Токарев, 1982, с. 108; Квилинкова, 2015, с. 183];

г) желание обновить убывающую силу божества, которую оно растрчивает, помогая людям [Криничная, 2011, с. 20–21];

д) стремление умиловить «адресата», чтобы избежать неприятностей, опасностей [Анохин, 1924, с. 1–2; Санаров, 1968, с. 34–35; Бойс, 1987, с. 25];

е) намерение добиться прощения за нарушение каких-то религиозных или социальных норм [Златковская, 1978, с. 51; Галданова, 1980, с. 100];

ж) желание накликать неблагополучие на врагов [Косарев, 2010, с. 36].

Добавим, что лица, которые обеспечивали жертвоприношения всем необходимым, нередко преследовали еще и «попутную» цель – повысить свой престиж и приобрести сторонников [Хансен, 2013, с. 289].

Носители срубной культуры, судя по поселенческим комплексам, включавшим кости животных, использовали различные способы принесения жертв.

1. Сожжение (см., например: [Ромашко, 1983, с. 87; Пробейголова, Красильников, 2010, с. 34]). Заметим в данной связи, что передача жертвы «адресату» путем сожжения известна у многих народов – индоариев, древних греков, бурят, китайцев, алгонкинов и др. [Тайлор, 1985, с. 470–471].

2. Помещение в углубленные объекты, в том числе ямы [Горбов, Мимоход, 1999, с. 29; Ромашко, 2007, с. 212], рвы [Ромашко, 1983, с. 85], колодцы [Горбунов, 1989, с. 64–65].

3. Укладывание в каменные цоколи построек [Горбов, Мимоход, 1999, с. 26].

4. Оставление на полах покинутых построек (см., например: [Шаповалов, 1976, с. 155; Горбов, Мимоход, 1999, с. 28]).

Разнообразие локализации остатков жертвоприношений, вероятно, обусловлено тем, что жертвователи преследовали различные цели и взывали к разным «адресатам»*. Применительно к случаям, когда жертвы были сожжены, можно предположить, что данные жертвы предназначались «адресатам» из «верхнего мира», ибо именно туда поднимались дым и запах сжигаемого мяса. Жертвы, закопанные в землю и помещенные в колодцы, скорее всего, направлялись обитателям «нижнего мира» (возможно, предкам). То же правомерно допускать относительно жертв, оставленных на полах покинутых построек, так как последние у многих народов считались обителями привидений, местами, где появляются мертвецы и демоны [Подобед и др., 2015, с. 434–435]. Менее ясна ситуация с жертвами, помещенными во рвы и стенки построек. Но в любом случае данные объекты рассматривались во многих традициях как границы между миром людей и «чужим» миром, нередко враждебным.

Очевидно, носители срубной культуры выбирали для принесения жертв те места, где, как они полагали, возможен контакт с представителями высших сил (по современной терминологии – медиативные локусы). Выше мы уже перечислили те локусы, в которых на срубных поселениях обнаруживались кости принесенных в жертву животных. Теперь стоит отметить, что сосуды из поселенческих комплексов, содержавшие какие-либо предметы, были приурочены к таким же локусам. В частности, на

* Некоторые авторы полагают, что жертвоприношение не всегда имеет «адресата» (см., например: [Дмитриева, 2012, с. 35–37]), но в нашей работе не стоит углубляться в эту крайне дискуссионную проблему.

поселении Широкая Балка-II сосуд с заготовками проколок и камнем выявлен в яме, вырытой в полу постройки [Горбов, Мимоход, 1999, с. 29]. На этом же поселении придонная часть сосуда с заготовками проколок, камнем и клыком кабана также была помещена в яму, причем яма эта находилась в южной части поселения [Горбов, Мимоход, 1999, с. 28], а направление на юг у носителей срубной культуры, похоже, ассоциировалось с потусторонним миром [Цимиданов, 2004а, с. 236–237]. Был вкопан в землю и сосуд с костяным орудием, обнаруженный на поселении Катериновка-2 [Бритюк, Теліженко, 2007, с. 48]. Сосуд с бронзовой пластинкой с поселения Мокрая Песковатка находился возле колодца [Лопатин, Четвериков, 2006, с. 117]. На поселении Зимогорье сосуд с костями животных и кремневыми отщепами выявлен под кладкой цоколя постройки [Пробейголова, Красильников, 2010, с. 345]. Добавим, что на поселении Зайчишминское-I сосуд с костями животных локализовался близ входа в постройку [Рафикова, 2003, с. 217], т.е. вновь на границе миров. Некоторые сосуды с вещами размещались близ очагов [Митрофанова, 1960, с. 63; Березанская, 1990, с. 18; Лопатин, 1993, с. 72; Мимоход, 1996, с. 32], а последние правомерно причислять к медиативным локусам [Подобед и др., 2014, с. 107].

Итак, «срубники» в ходе поселенческих обрядов порой использовали сосуды в качестве своего рода «почтовых ящиков» для отправки «посланий» в иной мир. Очевидно, и сосуды из погребений, в которые клались вещи, призваны были выполнять ту же функцию. Покойники при этом могли выступать в роли посредников, призванных вручить данные «послания» богам или предкам. Подобное использование умерших было весьма распространено в древности. Оно имело место, в частности, у шумеров, индийцев, фракийцев [Антонова, Раевский, 1984, с. 165]. Его отголоском, вероятно, является существовавшая у народов Нового и Новейшего времени (а кое-где сохранившаяся до сих пор) вера в то, что с помощью усопшего можно передать близким, умершим ранее, какие-нибудь вещи. Например, это зафиксировано у хантов и манси [Соколова, 1980, с. 138], хакасов [Бурнаков, 2008, с. 255], украинцев [Боряк, 2012, с. 82].

Но здесь возникает вопрос о семантике вещей, находившихся в сосудах из срубных погребений. На наш взгляд, ключ к ответу на него мы найдем, если вспомним о широко распространенной практике обрядовых действий с предметами, призванными уточнить, что хотят получить люди от божеств. Очень яркая зарисовка на эту тему присутствует в записках французского священника Луайе, который в начале XVIII в. посетил Западную Африку: «Если неграм нужен дождь, они ставят у алтаря пустые кружки. Если они воюют, они бросают сюда мечи и копья, чтобы выпросить себе победу. Если они нуждаются в мясе или в рыбе, они кладут сюда кости. Если им нужен пальмовый сок, они бросают к подножию алтаря маленький нож, которым делаются надрезы в дереве» (цит. по: [Шарль де Брос..., 1973, с. 22]).

Заметим, что действия, семантически тождественные описанным, совершались и за пределами Африки. Например, древние греки жертвовали храмам восковые, глиняные и металлические изображения того, что они просили у богов [Лыганова, 2011, с. 95]. В некоторых регионах России, чтобы вызвать дождь, в колодцы бросали пустые горшки и кувшины [Черная, 2005, с. 124]. В Средние века и более позднее время в странах Европы люди возлагали на алтари и подвешивали к иконам изображения больных органов, надеясь на исцеление [Дурасов, 1977, с. 111–113; Гармаш, Горбова, 1995, с. 27–28; Лыганова, 2011, с. 83, 85, 92–93; Вотуми..., 2012, с. 5, 7]. Украинцы,

начиная возводить стены дома, под будущий «святой угол», а то и под все четыре угла клали монеты или пучки шерсти, чтобы дом был богат*. Перед тем, как поднять матицу, к ней привязывали тулуп. Предполагалось, что поскольку матица – «не голая», то и жизнь в доме будет «не голая», т.е. не бедная [Вихрова, 2013, с. 216, 219]. Таджикские женщины, приходившие на мазары, чтобы вымолить потомство, вешали на кустах и деревьях игрушечные колыбельки, иногда с положенной в них щепочкой, изображавшей младенца [Терлецкий, 2007, с. 119]. Бездетные бурятские семьи с аналогичной целью отправлялись к священной горе Хүүэйн-хада. Там они приносили в жертву духам детскую одежду [Содномпилова, 2009, с. 79]. Манипуляции, подобные упомянутым выше, совершались турками в ходе праздника Хыдыреллез: «Тот, кто хотел в будущем году иметь дом, строил из дерева или бумаги макет дома; тот, кто желал получить больше пашни, рыл землю в саду и клал туда зеленые листья и траву. Девушки, рассчитывавшие выйти замуж, вешали на дерево свадебную фату, а женщины, не имевшие детей, привязывали к ветвям игрушечную колыбельку» [Тенишева, 1991, с. 77]. Люди верили, что святой Хызыр, проходя на рассвете через сады, ниспошлет на все, находящееся там, благодать [Тенишева, 1991, с. 77] и, соответственно, «закодированные» просьбы будут удовлетворены.

Обобщая приведенные факты, правомерно сделать вывод, что описанная практика «намеков» обусловлена общечеловеческими особенностями психики. В подобных случаях мы, по сути, сталкиваемся с отголосками так называемого предметного письма, широко бытовавшего у многих народов до появления собственно письменности. Суть предметного письма заключается в передаче информации с помощью вещей или их изображений [Фридрих, 1979, с. 32–35]. Нелишне отметить, что проявления предметного письма дожили до современности. Так, в различных странах периодически проходят «марши пустых кастрюль». Участники этих акций создают шум, ударяя в пустую посуду, которая символизирует бедность. Или другой пример из этой серии. В начале 2014 г. в центре Киева активисты Майдана водрузили на постамент позолоченный унитаз как символ коррупции и расточительности власть имущих.

Рассматриваемый прием передачи информации вполне мог существовать и у древних народов юга Восточной Европы. Во всяком случае, типичное предметное письмо описывается в излагаемой Геродотом истории о «дарах» в виде птицы, мыши, лягушки и стрел, которые, согласно Геродоту, прислали скифы персидскому царю Дарию [Добльхофер, 1963, с. 29; Фридрих, 1979, с. 34].

Таким образом, есть основания трактовать вещи, помещенные в сосуды, как послания, предназначавшиеся представителям высших сил, уточнявшие, какие блага хотели получить люди. Но у предметного письма имеется существенный недостаток. Оно весьма двусмысленно, т.е. понять его содержание представителю иного общества бывает трудно [Добльхофер, 1963, с. 29]. Тем не менее попытаемся высказать свои соображения по поводу «писем» срубной культуры.

Как отмечено выше, чаще всего в сосудах из погребений оказывались **костяные трубки**. В свое время Л.Л. Галкин [1975], отталкиваясь от этнографических параллелей, предположил, что трубки подобного рода могли использоваться для доения. В.К. Кульбака выдвинул более оригинальную идею: часть трубок применялась при возлиянии сомы [Кульбака, Качур, 2002, с. 6–8]. Проблема функционального назначения

* Был и другой вариант данного обряда: монеты или шерсть клали под углами крыши дома.

рассматриваемых вещей, вероятно, еще долго будет служить предметом дискуссий, тем более, что, как любезно сообщил нам А.Н. Усачук, трасологически обработавший некоторые из данных изделий, имеющиеся на них следы не позволяют однозначно атрибутировать загадочные артефакты. Однако, если все-таки прав Л.Л. Галкин, то помещение приспособлений для доения в погребальные сосуды могло преследовать цель выпросить у божеств (или предков) обилие молока. Напомним в данной связи, что разнообразные молочные продукты широко употреблялись в пищу скотоводами Евразии [Гаврилюк, 1989, с. 37–38].

Астрагалы в обрядности племен срубной культуры являлись, очевидно, полисемантическими. Однако в некоторых контекстах, судя по этнографическим параллелям, они могли ассоциироваться с благополучием [Цимиданов, Чаур, 1997, с. 58–59]. Поэтому не исключено, что, будучи помещенными в сосуды, таранные кости символизировали просьбу об изобилии и богатстве. Возможно, аналогичную символику имели и другие кости животных из сосудов, в том числе **путовые кости лошади, зубы лошади и быка**. По принципу *pars pro toto* они вполне могли символизировать соответствующих животных.

Намеком на желание получить изобилие пищи, вероятно, являлись **деревянные чаши с бронзовыми накладками и глиняные сосуды**, вложенные в сосуды – «почтовые ящики». Дело в том, что деревянная чаша в афганской сказке выступает в качестве источника изобилия [Афганские народные сказки, 1989, с. 6]*. В сказках других индоевропейских народов также фигурируют сосуды, из которых появляются различные материальные блага (см., например: [Чарівна квітка, 1986, с. 137; Персидские народные сказки, 1987, с. 170–171]). Поскольку тот же мотив можно найти и в сказках народов Африки [Волшебная калебаса, 1968, с. 104–105], правомерно предположить, что ассоциация сосудов с изобилием является порождением архетипов.

Благополучие степного населения во многом зависело от вовремя выпадавших дождей. Не исключено, что именно о ниспослании небесной влаги просили носители срубной культуры, помещая в сосуды **раковины моллюсков** – данные предметы у многих народов ассоциировались с водной стихией [Синюк, 1996, с. 309; Цимиданов, 2009, с. 63–64].

Возможно, в ряде срубных «посланий» излагались просьбы о защите от враждебных сил. Такие просьбы могли кодироваться путем помещения в сосуды острых предметов – **иглы, наконечника стрелы, заготовки проколки**. Подобные предметы во многих культурах считались оберегами, отпугивающими как врагов из плоти, так и демонов. Это, в частности, зафиксировано у осетин [Уарзиаты, 1995, с. 39]. Впрочем, что касается наконечника стрелы из Спасского-I, то он мог выступать и в качестве медиатора, призванного связать мир живых и мир мертвых (см.: [Цимиданов, 2007, с. 25–27]).

Кремни из сосудов также могли быть намеком на необходимость обезопасить жертвователей от врагов, поскольку данные вещи, как мы полагаем, выступали в срубной культуре в качестве предметов, способных создать преграду против злых сил [Цимиданов, 1995].

* Уточним, что в интересующей нас сказке не говорится, из какого материала сделана чаша. Но там речь идет о чаше дервиша, а данные сосуды изготавливались из деревянной оболочки кокосовых орехов [Тайжанов, Исмаилов, 1986, с. 122].

Выявленные в сосудах **молот и модель молоточка** (Мосоловское поселение металлургов и кузнецов) и **кусочки медной руды** (рудник Червонэ Озеро-IV), очевидно, попали в данные емкости в результате обрядов, имевших цель обеспечить успешный ход технологических процессов.

Что касается прочих артефактов, лежавших в сосудах срубной культуры, то выяснение их семантики – дело будущего. Пока же стоит подвести итог. Рассмотренные археологические материалы позволяют предполагать, что носители срубной культуры время от времени испытывали необходимость заручиться помощью высших сил. С этой целью они приносили жертвы и отправляли сверхъестественным «адресатам» послания, в которых конкретизировали свои просьбы. Свообразными «почтовыми ящичками» для данных посланий порой служили керамические сосуды.

Библиографический список

- Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествия по Алтаю 1910–1912 гг. по поручению Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии // Сборник Музея антропологии и этнографии при Российской академии наук. Т. IV, 2. Л. : МАЭ РАН, 1924. 248 с.
- Антонова Е.В., Раевский Д.С. «Богатство» древних захоронений (к вопросу о роли идеологического фактора в формировании облика погребального комплекса) // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. Киев : Наукова думка, 1984. С. 153–169.
- Афганские народные сказки. Баку : Гянджлик, 1989. 192 с.
- Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семиотический анализ восточнославянских обрядов. СПб. : Наука, 1993. 240 с.
- Березанская С.С. Усово Озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце. Киев : Наукова думка, 1990. 150 с.
- Березанская С.С., Гершкович Я.П. Андроновские элементы в срубной культуре на Украине // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Уфа : Изд-во Башкир. ун-та (подготовлено Челябинским ун-том), 1983. С. 100–110.
- Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. М. : Наука, 1987. 304 с.
- Борисов А.В., Демкин В.А., Ганчак Т.В., Ельцов М.В. Исследование содержимого сосудов из курганных захоронений эпохи поздней бронзы могильника Неткачево-I // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 3. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2006. С. 376–387.
- Боровская Н.В. Особенности традиционной донской казачьей свадьбы (по материалам Станицы Луганской) // Традиційно-побутова культура Луганщини кінця ХІХ – початку ХХ століття / Краєзнавчі записки. Вип. VI. Луганськ : Прес-експрес, 2013. С. 377–390.
- Борозна Г.Н. Некоторые черты традиционной свадебной обрядности узбеков-дурменов южных районов Таджикистана и Узбекистана // Советская этнография. 1969. №2. С. 80–86.
- Боряк О. «Там живуть такі, як я...»: сільське кладовище як простір потойбічного життя (за матеріалами польових досліджень Полісся) // Народна творчість та етнологія. 2012. №4. С. 76–88.
- Бритюк О.О., Теліженко С.А. Поселення доби пізньої бронзи Катеринівка-2 в басейні р. Лугані // Археологічні відкриття на сході України в 2007 р. Луганськ : Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2007. С. 46–49.
- Бровендер Ю.М. Картамышский производственный комплекс Донецкого горно-металлургического центра эпохи бронзы (некоторые итоги исследований) // Проблеми гірничої археології (матеріали II Міжнародного Картамиського польового сеінару). Алчевськ : ДонДТУ, 2005. С. 11–23.
- Бугрова Н.А. Разведки в Чистопольском районе Татарстана // Археологические открытия 1997 года. М. : Эдиториал УРСС, 1999. С. 199.
- Буйнов Ю.В., Михеев В.К. Курган срубной культуры у с. Сухая Гомольша на Харьковщине // Вестник Харьковского государственного университета. История. Вып. 23. Харьков : Изд-во Харьк. ун-та, 1989. С. 87–95.

Бурнаков В.А. К вопросу о традиционной поминальной обрядности у хакасов // *Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения*. Вып. 2. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. С. 254–258.

Буров Г.М. Исследования в Ульяновском Поволжье // *Археологические открытия 1971 года*. М. : Наука, 1972. С. 200–201.

Бэшем А. Чудо, которым была Индия. М. : Наука, 1976. 616 с.

Васильев И.Б. Лузановский курганный могильник // *Средневожская археологическая экспедиция. Куйбышев* : Изд-во Куйбыш. пед. ин-та, 1977. С. 5–43.

Васильева И.Н., Салугина Н.П., Кулакова Л.С. Одиночный курган Рассвет I // *Археологические памятники Оренбуржья*. Вып. 9. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2011. С. 118–136.

Віхрова Т.В. Житло та господарчі споруди // *Традиційно-побутова культура Луганщини кінця XIX – початку XX століття / Краєзнавчі записки*. Вип. VI. Луганськ : Прес-експрес, 2013. С. 203–221.

Волшебная калейбаса (Сказки старого Муссы). М. : Советская Россия, 1968. 144 с.

Вотуми у зібранні Дніпропетровського національного історичного музею імені Д.Я. Яворницького : каталог / Укладач Н.О. Степаненко. Дніпропетровськ : Арт-прес, 2012. 39 с.

Вяткина К.В. Культ коня у монгольских народов // *Советская этнография*. 1968. №6. С. 117–122.

Гаврилюк Н.А. Домашнее производство и быт степных скифов. Киев : Наукова думка, 1989. 112 с.

Галданова Г.Р. Культ огня у монголоязычных народов и его отражение в ламаизме // *Советская этнография*. 1980. №3. С. 94–100.

Галкин Л.Л. Одно из древнейших практических приспособлений скотоводов // *Советская археология*. 1975. №3. 186–192.

Гармаш Л.Н., Горбова М.Н. Греческие вотивы в собрании Донецкого областного краеведческого музея // *Летопись Донбасса*. Вып. 3. Донецк : Донецкий обл. краеведческий музей, 1995. С. 26–30.

Горбов В.Н., Мимоход Р.А. Культовые комплексы на поселениях срубной культуры Северо-Восточного Приазовья // *Древности Северо-Восточного Приазовья*. Донецк : Український культурологічний центр, 1999. С. 24–69.

Горбов В.Н., Усачук А.Н. Раннесрубно-многоваликовый горизонт поселения Раздольное в Приазовье // *Археологический альманах*. №10. Донецк : ООО «Лебедь», 2001. С. 155–196.

Горбов В.Н., Усачук А.Н. Курган бронзового века в Северо-Восточном Приазовье // *Археологический альманах*. № 25. Донецк : Донбасс, 2011. С. 46–70.

Горбунов В.С. Поселенческие памятники бронзового века в Лесостепном Приуралье. Куйбышев : Изд-во Куйбыш. пед. ин-та, 1989. 135 с.

Городцов В.А. Дневник археологических исследований в Бахмутском уезде, Екатеринославской губернии, 1903 года // *Труды XIII археологического съезда в Екатеринославе 1905*. Т. I. М. : Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1907. С. 286–365.

Дворниченко В.В., Малиновская Н.В., Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки курганов в урочище Кривая Лука в 1973 г. // *Древности Астраханского края*. М. : Наука, 1977. С. 3–77.

Дворниченко В.В., Федорова-Давыдова В.А. Раскопки курганов в зоне строительства Калмыцко-Астраханской и Никопольской рисовых оросительных систем // *Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья*. М. : Наука, 1989. С. 14–132.

Демкин В.А. Реконструкция содержимого глиняных сосудов из курганных захоронений // *Вопросы археологии Поволжья*. Вып. 1. Самара : Самарский гос. пед. ун-т, 1999. С. 243–248.

Демкин В.А., Лукашов А.В., Ковалевская И.С. Новые аспекты проблемы палеопочвенного изучения памятников археологии // *Российская археология*. 1992. №4. С. 43–49.

Деревягин Ю.В. Памятники эпохи бронзы в Саратовском Заволжье // *Краткие сообщения Института археологии*. 1973. Вып. 134. С. 96–100.

Дмитриева Т.Н. О неоднозначности понятия «жертвоприношения» // *Жертвоприношение в археологии: атрибуция, назначение, цель*. Вып. V. СПб. : МАЭ РАН, 2012. С. 33–42.

Добльхофер Э. Знаки и чудеса. М. : Изд-во восточной литературы, 1963. 388 с.

Дурасов Г.П. Каргопольское «заветное шитье» // *Советская этнография*. 1977. №1. С. 110–113.

Забавин В.О. Погребения срубной культуры длинного кургана у села Орловское (из раскопок В.К. Кульбаки) // Донецкий археологичний збірник. 2009/2010. №13/14. Донецьк : Вид-во ДонНУ, 2010. С. 174–184.

Златковская Т.Д. К проблеме античного наследства у южных славян и восточных романцев // Советская этнография. 1978. №3. С. 47–58.

Иванов А.Ю., Скарбовенко В.А. Могильник эпохи бронзы у д. Новоселки на р. Цильне // Археологические исследования в Поволжье. Самара : Изд-во Самар. ун-та, 1993. С. 78–128.

Исмагил Р., Морозов Ю.А., Чаплыгин М.С. Николаевские курганы («Елена») на реке Стерля в Башкортостане. Уфа : ДизайнПолиграфСервис, 2009. 240 с.

Кисляков Н.А. Вотивные предметы горных таджиков (по коллекциям МАЭ) // Традиционная культура народов Передней и Средней Азии : сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XXVI. Л. : Наука, 1970. С. 5–15.

Косарев М.Ф. Мировоззренческие аспекты традиционной погребальной обрядности (по сибирским материалам) // Краткие сообщения Института археологии. 2010. Вып. 224. С. 33–51.

Костюков В.П., Алаева И.П. Курганы эпохи бронзы у станции Система // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Серия 1 : Исторические науки. 2004. №2. С. 5–56.

Криничная Н.А. Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера. М. : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011. 632 с.

Кульбака В., Качур В. Давні індоєвропейці України в світлі новітніх археологічних досліджень. Маріуполь : МГІ, 2002. 96 с.

Кузьмина Ю.Н. О критериях идентификации античных святилищ // Российская археология. 2011. №3. С. 33–41.

Лопатин В.А. Поселения // Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1993. С. 66–99. (САИ. Вып. В1-10).

Лопатин В.А. Срубные поселения степного Волго-Уралья. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2002. 135 с.

Лопатин В.А. Песковатское поселение и могильник срубной культуры (к вопросу о «комплексах памятников») // Современные проблемы археологии России. Т. I. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. С. 411–413.

Лопатин В.А., Четвериков С.И. Родовой некрополь Песковатского поселения // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 4. Саратов : Научная книга, 2006. С. 107–131.

Лыганова Л.А. Традиция вотивных подношений у мариупольских греков // Літопис Донбасу. №19. Донецьк : Донбас, 2011. С. 83–99.

Ляшко С.Н., Попандопуло З.Х., Дровосекова О.В. Курганные могильники Днепровского Надпорожья (Ясиноватое, Днепровка, Петро-Михайловка). Запорожье : Дикое Поле, 2004. 178 с.

Мерперт Н.Я. Материалы по археологии Среднего Заволжья // Материалы и исследования по археологии СССР. №42. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1954. С. 39–156.

Мимоход Р.А. Некоторые вопросы семиотической организации пространства жилища срубной культуры по материалам культовых комплексов // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). Ч. II. Донецк : Изд-во Донец. ун-та, 1996. С. 27–33.

Миллер В. Осетинские этюды. Владикавказ : Северо-Осетинский ин-т гум. исслед., 1992. 716 с.

Мимоход Р.А. Жертвенники на срубных поселениях: вопросы классификации, происхождения и культурной специфики // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. Донецк : Східний видавничий дім, 2000. С. 86–93.

Митрофанова В.И. Янохинское поселение срубной культуры // Краткие сообщения Института археологии Академии наук Украинской ССР. 1960. №9. С. 63–66.

Михайлов Л.Н., Васильев О.А. Ретроспективный анализ содержимого сосудов курганных могильников Самарской области на основе агрохимических методов исследований // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары : Чувашский гос. ин-т гум. наук, 2003. С. 177–180.

Моисеев Н.Б. Курганы Окско-Донской равнины. Памятники Тамбовской области. Тамбов : Изд-во Тамбов. ун-та, 1998. 63 с.

Морозов Ю.А. Срубные памятники западных районов Башкирского Приуралья // *Бронзовый век Южного Приуралья*. Уфа : Изд-во Башкир. пед. ин-та, 1985. С. 62–66.

Моруженко А.А., Кравец Д.П., Посредников В.А., Шаповалов Т.А., Евглевский А.В., Литвиненко Р.А. Археологические исследования курганов в Донецкой области // *Научный архив Института археологии НАНУ*. 1988/63.

Мухиддинов И. Обычаи и обряды памирских таджиков, связанные с жилищем. XIX – начало XX в. (Материалы к историко-этнографическому атласу народов Средней Азии и Казахстана) // *Советская этнография*. 1982. №2. С. 76–83.

Обыденнова Г.Т., Рутто Н.Г., Исмагилов Р.Б. Акназаровский курганный могильник срубной культуры // *Бронзовый век Южного Приуралья*. Уфа : Изд-во Башкир. пед. ин-та, 1985. С. 40–53.

Отрошенко В.В. Деревянная посуда в срубных погребениях Поднепровья // *Проблемы археологии Поднепровья*. Днепропетровск : Изд-во Днепропетров. ун-та, 1984. С. 84–96.

Отрошенко В.В., Савовский И.П., Томашевский В.А. Курганный группа Рясные Могилы у с. Балки // *Курганные могильники Рясные Могилы и Носаки*. Киев : Наукова думка, 1977. С. 16–60.

Персидские народные сказки. М. : Наука, 1987. 504 с.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Очаги и кострища на поселениях эпохи бронзы Центральной Азии и Сибири как ритуальные объекты // *Археологияның шыңына шыккан: К.А. Ақышевтың туғанына 90 жыл толуына арналған «Қазақстан территориясындағы ежелгі және ортағасырлық мемлекеттер» атты халықаралық ғылыми конференция материалдарының жинағы*. Алматы : ҚР БҒМ ҒК Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, 2014. С. 101–115.

Подобед В.А., Усачук В.Н., Цимиданов В.В. Бобр в обрядовой практике степных и лесостепных племен Евразии эпохи бронзы // *Ежелгі Торғай – Ұлы дала тесіндегі асыл алқа*. Виктор Николаевич Логвинның 70 жылдық мерейтойына арналған ғылыми мақалалар жинағы. Қостанай ; Алматы : ҚР БҒМ ҒК Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, 2015. С. 431–443.

Потапов В.В., Шеф А.В. Курганы эпохи поздней бронзы в нижнем течении реки Чир // *Донецкий археологический сборник*. №15. Донецк : Вид-во ДонНУ, 2011. С. 171–183.

Привалова О.Я. Срубные погребения Николаевского могильника в бассейне Кальмиуса // *Древности Северо-Восточного Приазовья*. Донецк : Український культурологічний центр, 1999. С. 88–97.

Пробейголова А.С., Красильников К.И. Раскопки поселения поздней бронзы возле г. Зимогорье на р. Лугань // *Археологічні дослідження в Україні*. Київ; Луцьк : ІА НАНУ, 2010. С. 343–345.

Пряхин А.Д. Мосоловское поселение эпохи поздней бронзы. Кн. 1. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1993. 108 с.

Рафикова Р.З. К вопросу о месте жилища в системе идеологических представлений носителей срубной культуры // *Международное (XVI Уральское) археологическое совещание*. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2003. С. 216–217.

Ромашко В.А. Святилища и жертвенники на поселениях срубной культуры Украины // *Проблемы археологии Поднепровья*. Днепропетровск : Изд-во Днепропетров. ун-та, 1993. С. 79–91.

Ромашко В.А. Результаты исследования поселения позднего бронзового века в окрестностях местонахождения Лобойковского клада // *Матеріали та дослідження з археології Східної України*. №7. Луганськ : Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2007. С. 209–216.

Санаров В.И. Элементы древних верований в религии цыган // *Советская этнография*. 1968. №1. С. 32–45.

Сергачков И.В., Скрипкин А.С., Клепиков В.М., Дьяченко А.Н. Курганы у поселка Линево // *Материалы по археологии Волго-Донских степей*. Вып. 3. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2006. С. 37–80.

Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж : Изд-во Воронеж. пед. ун-та, 1996. 350 с.

Скарбовенко В.А. Погребения эпохи бронзы Новопавловского курганного могильника // *Древние и средневековые культуры Поволжья*. Куйбышев : Изд-во Куйбыш. ун-та, 1981. С. 5–26.

Содномпилова М.М. Путь в иной мир в мифоритуальной традиции монгольских народов // *Сибирский сборник – 1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий*. Кн. I. СПб. : МАЭ РАН, 2009. С. 73–80.

- Соколова З.П. Ханты и манси // Семейная обрядность народов Сибири. Опыт сравнительного изучения. М. : Наука, 1980. С. 125–143.
- Стоколос В.С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья (хронология и периодизация). М. : Наука, 1972. 168 с.
- Супруненко А.Б. Материалы срубной культуры в исследованиях И.А. Зарецкого // 100-річчя Полтавського краєзнавчого музею. Ч. II. Полтава : Полтавський краєзн. музей, 1991. С. 43–45.
- Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М. : Политиздат, 1989. 573 с.
- Тенишева А.Э. Празднование Невруза и Хыдыреллеза в Турции (конец XIX – середина XX в.) // Советская этнография. 1991. №6. С. 71–80.
- Терлецкий Н.С. К вопросу о роли лоскутов ткани (латта-банд) на мазарах Центральной Азии // Лавровский сборник: Материалы Среднеазиатско-Кавказских исследований. Этнология, история, археология, культурология. 2006–2007. СПб. : МАЭ РАН, 2007. С. 118–122.
- Токарев С.А. О культе гор и его месте в истории религии // Советская этнография. 1982. №3. С. 107–113.
- Труды Новочеркасской археологической экспедиции / сост. И.Н. Парусимов. Вып. 4. Азов : Новочеркасская археологическая экспедиция, 1999. 85 с.
- Уарзиаты В. Праздничный мир осетин. Владикавказ : Северо-Осетинский ин-т гум. исследований, 1995. 233 с.
- Усачук А.Н., Литвиненко Р.А. Орудия прядения и ткачества в памятниках срубной общности // Текстиль эпохи бронзы Евразийских степей / Труды ГИМ. Вып. 109. М. : ГИМ, 1999. С. 204–216.
- Усачук А.Н., Подобед В.А., Полидович Ю.Б., Цимиданов В.В. Раскопки кургана срубной культуры на территории аэропорта города Донецка // Донецький археологічний збірник. 2009/2010. №13/14. Донецьк : Вид-во ДонНУ, 2010. С. 185–202.
- Усачук А.Н., Полидович Ю.Б., Колесник А.В. Курганы Донбасса в народном восприятии и научной практике (до начала XX века): мифы и реальность // Археологический альманах. №14. Донецк : ООО «Лебедь», 2003. С. 13–55.
- Федорова-Давыдова Э.А. Раскопки курганной группы Шахаевская-II на р. Маныче // Древности Дона. М. : Наука, 1983. С. 35–87.
- Фридрих И. История письма. М. : Наука, 1979. С. 464.
- Халяпин М.В. Курганы срубной культуры у с. Свердловло // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 2. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 1998. С. 57–86.
- Хансен С. Клады в Европе в эпоху бронзы // Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое – первое тысячелетия до н.э. Каталог выставки СПб. : Чистый лист, 2013. С. 279–289.
- Цимиданов В.В. «Магічна втеча» та деякі категорії поховального інвентаря зрубної культури // Історія релігій в Україні. Ч. 5. Київ; Львів : Музей історії релігії, 1995. С. 486–488.
- Цимиданов В.В. З'єднувальні досипки у курганній архітектурі зрубної культури: проблема семантики // Матеріали та дослідження з археології Східної України. №3. Луганськ : Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2004а. С. 229–248.
- Цимиданов В.В. Социальная структура срубного общества. Донецк : Ин-т археологии НАНУ, 2004б. 204 с.
- Цимиданов В.В. Нартовский эпос осетин и срубная культура: поиск сходжений // Известия СОИГСИ. Вып. 1 (40). Владикавказ : СОИГСИ, 2007. С. 17–36.
- Цимиданов В.В. Погребения с раковинами моллюсков в срубной культуре // Теория и практика археологических исследований. Вып. 5. Барнаул : Азбука, 2009. С. 61–67.
- Цимиданов В.В., Чаур Н.А. Погребения с астрагалами срубной культурно-исторической общности // Древности Подонцовья. Луганск : Осирис, 1997. С. 50–61.
- Чарівна квітка. Українські народні казки з-над Дністра. Ужгород : Карпати, 1986. 304 с.
- Черная М.П. Колодец как культурная реалия: контексты бытия // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий : материалы XIII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 119–125.

Шаповалов Т.А. Поселение срубной культуры у с. Ильичевка на Северском Донце // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев : Наукова думка, 1976. С.150–172.

Шарль де Брос о фетишизме. М. : Мысль, 1973. 208 с.

Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л. : Наука, 1975. 208 с.

Щепинский А.А., Черепанова Е.И. Северное Присивашье в V–I тыс. до н.э. Симферополь : Крым, 1969. 237 с.

V.V. Tsimidanov

VESSELS-“MAILBOXES” IN CEREMONIES OF THE TIMBER-GRAVE CULTURE

The article discusses the Timber-Grave culture burial, with vessels containing various items – bone pipes, astragals small ungulates, remains of wooden bowls with metal plates, bronze adornments, animal teeth, horse pasterns, mollusk shells, flint core, bone arrowheads, fragments of flute, pieces of copper ore etc. The author took into account 32 such burial. These complexes are found almost all over the Timber-grave cultural and historical community from the Southern Urals in the East to the Steppe territory of Dnieper region in the West. The things in the vessels could be found at the burials of people of both sexes, different ages and ranks. More than a third of these people during their life were priests. After analyzing complexes, comprised of vessels with things inside, the author suggested that in this case we deal with the manifestations of the so-called “subject writing”. Vessels acted as “mailboxes” for communication with representatives of the higher forces. The items placed in them, specify what the good people want to obtain from the gods, ancestors, etc.

Key words: Late Bronze Age, Timber-Grave Culture, burials, settlements, sacrifice, semantics.

References

Anokhin A.V. Materialy po shamanstvu u altaytsev, sobrannye vo vremya puteshestviya po Altayu 1910–1912 gg. po porucheniuyu Russkogo Komiteta dlya izucheniya Sredney i Vostochnoy Azii [Materials on shamanism in Altai, collected during a trip to Altai in 1910–1912 on behalf of the Russian Committee for the Study of Central and East Asia]. Sbornik Muzeya antropologii i etnografii pri Rossiyskoy akademii nauk. T. IV, 2 [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences. Vol. IV, 2]. 1924. Leningrad : MAE RAN. 248 p.

Antonova E.V., Raevskiy D.S. “Bogatstvo” drevnikh zakhoroneniy (k voprosu o roli ideologicheskogo faktora v formirovaniy oblika pogrebalnogo kompleksa) [“Wealth” of the ancient tombs (to the role of the ideological factor in shaping of the image of the funeral complex)]. Fridrikh Engels i problemy istorii drevnikh obschestv [Friedrich Engels and the problems of the history of ancient societies]. Kiev : Naukova dumka, 1984. Pp. 153–169.

Bayburin A.K. Ritual v traditsionnoy kul'ture. Strukturno-semioticheskiy analiz vostochnoslavnyanskikh obryadov [The ritual in the traditional culture. Structural and semantic analyses of the East Slavic rites]. St. Petersburg : Nauka, 1993. 240 p.

Berezanskaya S.S. Usovo Ozero. Poselenie srubnoy kul'tury na Severskom Dontse [Usovo Lake. Settlement of the carcass culture on the Seversky Donets]. Kiev : Naukova dumka, 1990. 150 p.

Berezanskaya S.S., Gershkovich Ya.P. Andronovskie elementy v srubnoy kul'ture na Ukraine [Andronovo elements in the carcass culture in Ukraine]. Bronzovyy vek stepnoy polosy Uralo-Irtyshskogo mezhdurechya [Bronze Age of the steppe zone of the Ural-Irtysh interfluvium]. Ufa : Izd-vo Bashkir. un-ta (podgotovleno Chelyabinskim un-tom), 1983. Pp. 100–110.

Beshem A. Chudo, kotorym byla Indiya [The miracle which was India]. Moscow : Nauka, 1976. 616 p.

Borisov A.V., Demkin V.A., Ganchak T.V., Eltsov M.V. Issledovanie sodержimogo sosudov iz kurgannykh zakhoroneniy epokhi pozdney bronzy mogil'nika Netkachevo-I [The study of the contents of the vessels from the Late Bronze Age burial Netkachev-I]. Materialy po arkheologii Volgo-Donskikh stepey [Materials on the archaeology of the Volga-Don steppes], 3. Volgograd : Izd-vo VolGU, 2006. Pp. 376–387.

Borovskaya N.V. Osobennosti traditsionnoy donskey kazachey svad'by (po materialam Stanitsy Luganskoy) [Features of the traditional Don Cossack wedding (on the materials of the Luhansk village)]. Traditsiynno-pobutova kul'tura Luganshini kintsya KHIKH – pochatku KHKH stolittya / Kraeznavchi za-

piski [Traditional culture of Luhansk at the end of the XIX – beginning of the XX century]. Vip. VI. Lugansk : Pres-ekspres, 2013. Pp. 377–390.

Borozna G.N. Nekotorye cherty traditsionnoy svadebnoy obryadnosti uzbekov-durmenov yuzhnykh rayonov Tadzhikestana i Uzbekistana [Some of the features of the traditional wedding rites of Uzbeks-Durmen from the southern regions of Tajikistan and Uzbekistan]. Sovetskaya etnografiya [Soviet ethnography], 1969. Pp. 80–86.

Boryak O. “Tam zhivut taki, yak ya...”: silske kladovische yak prostir potoybichnogo zhittya (za materialami polovikh doslidzhen Polissya). Narodna tvorchist ta etnologiya [Folklore and ethnography], 4, 2012. Pp. 76–88.

Boys M. Zoroastriytsy. Verovaniya i obychai [Zoroastrians. Beliefs and practices]. Moscow : Nauka, 1987. 304 p.

Brityuk O.O., Telizhenko S.A. Poselennya dobi piznoï bronzi Katerinivka-2 v baseyni r. Lugani [The late Bronzr settlement Katerinivka-2 in the luhansk basin]. Arkheologichni vidkryttya na skhodi Ukraïni v 2007. Lugansk : Vid-vo SNU im. V. Dalya, 2007. Pp. 46–49.

Brovender Yu.M. Kartamyshskiy proizvodstvennyy kompleks Donetskogo gorno-metallurgicheskogo tsentra epokhi bronzy (nekotorye itogi issledovaniy) [Kartamyshsky industrial complex of the Donetsk mining and metallurgical center of the Bronze Age (research results)]. Problemi girnichoi arkheologii (materiali II-go mizhnarodnogo Kartamiskogo polovogo seiinaru) [The problems of archaeology (materials of the international Kartamisk conference)]. Alchevsk : DonDTU, 2005. Pp. 11–23.

Bugrova N.A. Razvedki v Chistopolskom rayone Tatarstana [Exploration in the Chistopol region of Tatarstan]. Arkheologicheskie otkrytiya 1997 goda [Archaeological discoveries in 1997]. Moscow : Editorial URSS, 1999. 199 p.

Burnakov V.A. K voprosu o traditsionnoy pominalnoy obryadnosti u khakasov [On the issue of the traditional memorial ceremonies of the Khakases]. Kultury i narody Severnoy Azii i sopredelnykh territoriy v kontekste mezhdistisciplinarnogo izucheniya [The cultures and peoples of North Asia and neighboring territories in the context of interdisciplinary studies], 2. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2008. Pp. 254–258.

Burov G.M. Issledovaniya v Ulyanovskom Povolzhe [Research in the Ulyanovsk Volga region]. Arkheologicheskie otkrytiya 1971 goda [Archaeological discoveries in 1971]. Moscow : Nauka, 1972. Pp. 200–201.

Buynov Yu.V., Mikheev V.K. Kurgan srubnoy kultury u s. Sukhaya Gomolsha na Kharkovschine [The mound of the carcass cilture in the Dry Gomolsha village in the Kharkiv region]. Vestnik Kharkovskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya [Bulletin of Kharkov State University. History], 23. Kharkov : Izd-vo Khark. un-ta, 1989. Pp. 87–95.

Charivna kvitka. Ukraïnski narodni kazki z-nad Dnistra. Uzhgorod : Karpati, 1986. 304 p.

Chernaya M.P. Kolodets kak kulturnaya realiya: konteksty bytiya [The well as a cultural reality: the contexts of life]. Problemy istoriko-kulturnogo razvitiya drevnikh i traditsionnykh obschestv Zapadnoy Sibiri i sopredelnykh territoriy : materialy XIII Zapadno-Sibirskoy arkheologo-etnograficheskoy konferentsii [Problems of historical and cultural development of ancient and traditional societies of Western Siberia and adjacent territories : Materials of the XIII West Siberian archaeological and ethnographic conference]. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2005. Pp. 119–125.

Demkin V.A. Rekonstruktsiya soderzhimogo glinyanykh sosudov iz kurgannykh zakhoroneniya [Reconstruction of the contents of clay vessels from burial mounds]. Voprosy arkheologii Povolzh'a [Issues of archaeology of the Volga region], 1. Samara : Samarskiy gos. ped. un-t, 1999. Pp. 243–248.

Demkin V.A., Lukashov A.V., Kovalevskaya I.S. Novye aspekty problemy paleopochvennogo izucheniya pamyatnikov arkheologii [New aspects of the paleosol study of archaeological monuments]. Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology], 4. 1992. Pp. 43–49.

Derevyagin Yu.V. Pamyatniki epokhi bronzy v Saratovskom Zavolzh'e [The monuments of the Bronze Age in the Saratov-Volga region]. Kratkie soobscheniya Instituta arkheologii [Brief reports of the Institute of Archaeology], 134. 1973. Pp. 96–100.

Dmitrieva T.N. O neodnoznachnosti ponyatiya “zhertvoprinosheniya” [About ambiguity of the concept of “sacrifice”]. Zhertvoprinoshenie v arkhaike: atributsiya, naznachenie, tsel [Sacrifice in Archaic: attribution, purpose, goal], 5. St. Petersburg : MAE RAN, 2012. Pp. 33–42.

Dobkhofer E. Znaki i chudesa [Signs and wonders]. Moscow : Izd-vo vostochnoy literatury, 1963. 388 p.

Durasov G.P. Kargopolskoe “zavetnoe shit’e” [Kargopolsk “cherished sewing”]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography], 1, 1977. Pp. 110–113.

Dvornichenko V.V., Fedorova-Davydova V.A. Raskopki kurganov v zone stroitelstva Kalmytsko-Astrakhanskoj i Nikopolskoj risovykh orositelnykh system [Excavations of burial mounds in the area of construction of the Kalmyk-Astrakhan and Nikopol rice irrigation systems]. *Sokrovishcha sarmatskikh vzhdey i drevnie goroda Povolzh’ya* [Treasures of Sarmatian chiefs and the ancient cities of the Volga region]. Moscow : Nauka, 1989. Pp. 14–132.

Dvornichenko V.V., Malinovskaya N.V., Fedorov-Davydov G.A. Raskopki kurganov v urochische Krivaya Luka v 1973 g. [Excavations of burial mounds in the tract Krivaya Luka in 1973]. *Drevnosti Astrakhanskogo kraja* [Antiquities of the Astrakhan region]. Moscow : Nauka, 1977. Pp. 3–77.

Fedorova-Davydova E.A. Raskopki kurgannoj grupy Shakhaevskaya-II na r. Manyche [Excavation of barrow group Shahaevskaya-II at the river Manycha]. *Drevnosti Dona* [Antiquities of the Don]. Moscow : Nauka, 1983. Pp. 35–87.

Fridrikh I. *Istoriya pis’ma* [History of writing]. Moscow : Nauka, 1979. 464 p.

Galdanova G.R. Kul’t ognia u mongolozazychnykh narodov i ego otrazhenie v lamaizme [The cult of fire in Mongolian peoples and its reflection in Lamaism]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography], 3, 1980. Pp. 94–100.

Galkin L.L. Odno iz drevneyshikh prakticheskikh prispособleniy skotovodov [One of the earliest practical tools of cattlemen]. *Sovetskaya arkhеologiya* [Soviet Archaeology], 3, 1975. Pp. 186–192.

Garmash L.N., Gorbova M.N. Grecheskie votivy v sobranii Donetskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeja [Greek motifs in the collection of the Donetsk regional museum]. *Letopis Donbassa* [Chronicles of Donbass], 3. Donetsk : Donetskij obl. kraevedcheskij muzej, 1995. Pp. 26–30.

Gavrilyuk N.A. Domashnee proizvodstvo i byt stepnykh skifov [Domestic production and life of the steppe Scythians]. Kiev : Naukova dumka, 1989. 112 p.

Gorbov V.N., Mimokhod R.A. Kul’tovyje komplekсы na poseleniyakh sрубnoy kultury Severo-Vostochnogo Priazov’a [Religious facilities in the settlements of the carcass culture of the North-Eastern Azov]. *Drevnosti Severo-Vostochnogo Priazov’a* [Antiquities of North-Eastern Azov]. Donetsk : Ukrainskij kulturologichnij tsentr, 1999. Pp. 24–69.

Gorbov V.N., Usachuk A.N. Kurgan bronzovogo veka v Severo-Vostochnom Priazove [The barrow of the Bronze Age in the North-East Sea of Azov]. *Arkheologicheskij almanakh* [Archaeological almanac], 25. Donetsk : Donbass, 2011. Pp. 46–70.

Gorbov V.N., Usachuk A.N. Rannesrubno-mnogovalikovy gorizont poseleniya Razdolnoe v Priazove [Early-framed, multi-tollers horizon of the Razdolnoe settlement in the Azov Sea region]. *Arkheologicheskij almanakh* [Archaeological almanac], 10. Donetsk : OOO “Lebed”, 2001. Pp. 155–196.

Gorbunov V.S. Poselencheskie pamyatniki bronzovogo veka v lesostepnom priural’e [Settlers’ monuments of the Bronze Age in the forest-steppe Urals]. Kuybyshev : Izd-vo Kuybysh. ped. in-ta, 1989. 135 p.

Gorodtsov V.A. Dnevnik arkhеologicheskikh issledovaniy v Bakhmutskom uezde, Ekaterinoslavskoj gubernii, 1903 goda [The diary of archaeological research in the Bakhmut district of the Ekaterinoslav province, 1903]. *Trudy XIII arkhеologicheskogo s’ezda v Ekaterinoslave 1905* [Proceedings of the XIII Archaeological Congress in 1905, Ekaterinoslav], vol. I. Moscow : Tipografiya G. Lissnera i D. Sobko, 1907. Pp. 286–365.

Ismagil R., Morozov Iu.A., Chaplygin M.S. Nikolaevskie kurgany («Elena») na reke Sterlia v Bashkortostane [Nikolaev mounds (“Elena”) on the Sterlya river in Bashkortostan]. Ufa : DizanPoligrafServis, 2009. 240 p.

Ivanov A.Iu., Skarbovenko V.A. Mogil’nik epohi bronzы u d. Novoselki na r. Cilne [The Bronze Age burial ground near the village Novoselki on the Cilnius river]. *Arheologicheskije issledovaniia v Povol’je* [Archaeological research in the Volga region]. Samara : Izd-vo Samar. un-ta, 1993. Pp. 78–128.

Khalyapin M.V. Kurgany sрубnoy kultury u s. Sverdlovo [Mounds of the carcass culture near the Sverdlovo village]. *Arkheologicheskije pamyatniki Orenburzhya* [Archaeological monuments of the Orenburg region], 2. Orenburg : Izd-vo OGPU, 1998. Pp. 57–86.

Khansen S. Klady v Evrope v epokhu bronzы [Treasures in Europe in the Bronze Age]. *Bronzovyy vek. Evropa bez granits. Chetvertoe – pervoe tysyacheletiya do n.e. Katalog vystavki* [Bronze Age. Europe without borders. The fourth – the first millennium BC. The exhibition catalog]. St. Petersburg : Chisty list, 2013. Pp. 279–289.

Kisliakov N.A. Votivnye predmety gorynh tadjikov (po kollektsiiam MAE) [Votive objects of the mountainous Tajiks (the collections MAE)]. Tradicionnaia kul'tura narodov Peredney i Sredney Azii: sbornik Muzeia antropologii i etnografii [The traditional culture of the peoples of the Near East and Central Asia: a collection of the Museum of Anthropology and Ethnography], vol. XXVI. L.: Nauka, 1970. Pp. 5–15.

Kosarev M.F. Mirovozzrencheskie aspekty tradicionnoy pogrebal'noy obriadnosti (po sibirskim materialam) [Ideological aspects of traditional funeral rites (on the Siberian materials)]. Kratkie soobsheniia Instituta arheologii [Brief reports of the Institute of Archaeology], 224, 2010. Pp. 33–51.

Kostiukov V.P., Alaeva I.P. Kurgany epohi bronzы u stancii Sistema [Burial mounds of the Bronze Age at the Sistema station]. Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya 1: Istoricheskie nauki [Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University. Series 1: Historical Sciences], 2004. Pp. 5–56.

Krinichnaya N.A. Krestyanin i prirodnyaya sreda v svete mifologii. Bylichki, byvalschiny i pover'а Russkogo Severa [The farmer and the natural environment in the light of mythology. The tales and the beliefs of the Russian North]. Moscow : Russkiy Fond Sodeystviya Obrazovaniyu i Nauke, 2011. 632 p.

Kulbaka V., Kachur V. Davni indoevropeyski Ukraїni u svitli novitnikh arkheologichnikh doslidzhen. Mariupol : MGI, 2002. 96 p.

Kuz'mina Yu.N. O kriteriyakh identifikatsii antichnykh svyatilish [On the criteria for the identification of ancient sanctuaries]. Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology], 3, 2011. Pp. 33–41.

Lopatin V.A. Peskovatskoe poselenie i mogil'nik srubnoy kul'tury (k voprosu o "komplektakh pamyatnikov") [Peskovatskoe settlement and burial of the carcass culture (to the question of the "sets of monuments")]. Sovremennyye problemy arkheologii Rossii [Modern problems of Russian archaeology], vol. 1. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 2006. Pp. 411–413.

Lopatin V.A. Poseleniya [Settlements]. Pamyatniki srubnoy kul'tury. Volgo-Uralskoe mezhdurech'e [Monuments of the carcass culture. The Volga-Ural interfluvium], V1-10. Saratov : Izd-vo Sarat. un-ta, 1993. Pp. 66–99.

Lopatin V.A. Srubnye poseleniya stepnogo Volgo-Ural'a [Carcass settlements of the steppe in the Volga-Urals region]. Saratov : Izd-vo Sarat. un-ta, 2002. 135 p.

Lopatin V.A., Chetverikov S.I. Rodovoy nekropol' Peskovatskogo poseleniya [Ancestral necropolis of the Peski settlement]. Arkheologiya Vostochno-Evropeyskoy stepi [Archaeology of the East European steppes], 4. Saratov : Nauchnaya kniga, 2006. Pp. 107–131.

Lyashko S.N., Popandopulo Z.Kh., Drovosekova O.V. Kurgannye mogil'niki Dneprovskogo Nadporozh'a (Yasinovatoe, Dneprovka, Petro-Mikhaylovka) [Burial mounds of the Dnieper Podporozh'e (Yasinovata, Dneprovka, Petro-Mikhaylovka)]. Zaporozh'e : Dikoe Pole, 2004. 178 p.

Lyganova L.A. Traditsiya votivnykh podnosheniy u mariupolskikh grekov [The tradition of votive offerings of the Mariupol Greeks]. Litopis Donbasu [Donbas chronicle], 19. Donetsk : Donbas, 2011. Pp. 83–99.

Merpert N.Ya. Materialy po arkheologii Srednego Zavolzhya [Materials on the archaeology of the Middle Zavolzhje]. Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and research on the archaeology of the USSR], 42. Moscow : Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1954. Pp. 39–156.

Mikhaylov L.N., Vasil'ev O.A. Retrospektivnyy analiz sodержimogo sosudov kurgannykh mogil'nikov Samarskoy oblasti na osnove agrokhimicheskikh metodov issledovaniy [Retrospective analysis of the contents of the vessels from the burial mounds of the Samara region on the basis of agro-chemical research methods]. Abashevskaya kulturno-istoricheskaya obschnost': istoki, razvitie, nasledie [Abashevskaya cultural-historical community: origins, development, heritage]. Cheboksary : Chuvashskiy gos. in-t gum. nauk, 2003. Pp. 177–180.

Miller V. Osetinskie etyudy [Ossetian etudes]. Vladikavkaz : Severo-Osetinskiy in-t gum. issled., 1992. 716 p.

Mimokhod R.A. Nekotorye voprosy semioticheskoy organizatsii prostranstva zhilisha srubnoy kul'tury po materialam kul'tovnykh kompleksov [Some questions of semiotic organization of dwelling space in carcass culture based on religious complexes]. Severo-Vostochnoe Priazov'e v sisteme evraziyskikh drevnostey (eneolit – bronzovyy vek) [Northeast Sea of the Azov region in the system of Eurasian Antiquities (Chalcolithic – Bronze Age)], part II. Donetsk : Izd-vo Donets. un-ta, 1996. Pp. 27–33.

Mimokhod R.A. Zhertvenniki na srubnykh poseleniyakh: voprosy klassifikatsii, proiskhozhdeniya i kul'turnoy spetsifiki [Altars on the carcass settlements: classification issues, origin and cultural identity]. Arkheologiya i drevnyaya arkhitektura Levoberezhnoy Ukraїny i smezhnykh territoriy [Archaeology and ancient architecture of Left-Bank Ukraine and adjacent territories]. Donetsk : Skhidnyy vidavnychiy dim, 2000. Pp. 86–93.

Mitrofanova V.I. Yanokhinskoe poselenie srubnoy kul'tury [Anokhin settlement of the carcass culture]. Kratkie soobscheniya Instituta arkheologii Akademii nauk Ukrainской SSR [Brief reports of Institute of Archaeology of the Ukrainian Academy of Sciences], 9, 1960. Pp. 63–66.

Moiseev N.B. Kurgany Oksko-Donskoy ravniny. Pamyatniki Tambovskoy oblasti [Mounds of the Oka-Don plain. Monuments of the Tambov region]. Tambov : Izd-vo Tambov. un-ta, 1998. 63 p.

Morozov Yu.A. Srubnye pamyatniki zapadnykh rayonov Bashkirskogo Priuralya [Carcass monuments of western regions of the Bashkir Urals]. Bronzovyy vek Yuzhnogo Priural'a [Bronze Age of the Southern Urals]. Ufa : Izd-vo Bashkir. ped. in-ta, 1985. Pp. 62–66.

Moruzhenko A.A., Kravets D.P., Posrednikov V.A., Shapovalov T.A., Evglevskiy A.V., Litvinenko R.A. Arkheologicheskie issledovaniya kurganov v Donetskoy oblasti [Archaeological research of burial mounds in the Donetsk region]. Nauchnyy arkhiv Instituta arkheologii NANU [Scientific archive of the Institute of Archaeology of National Academy of Sciences], 63, 1988.

Mukhiddinov I. Obychai i obryady pamirskikh tadjikov, svyazannyye s zhilischem. XIX – nachalo XX v. (Materialy k istoriko-etnograficheskomu atlasu narodov Sredney Azii i Kazakhstana) [Customs and rites of the Pamir Tajiks related to housing. XIX – early XX centuries. (Materials for the Historical and Ethnographic Atlas of the peoples of Central Asia and Kazakhstan)]. Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography], 2, 1982. Pp. 76–83.

Obydenova G.T., Rutto N.G., Ismagilov R.B. Aknazarovskiy kurgannyi mogil'nik srubnoy kul'tury [Aknazarovsky barrow of the carcass culture]. Bronzovyy vek Yuzhnogo Priuralya [Bronze Age of the Southern Urals]. Ufa : Izd-vo Bashkir. ped. in-ta, 1985. Pp. 40–53.

Otroshchenko V.V. Derevyannaya posuda v sрубnykh pogrebeniyakh Podneprov'a [Wooden utensils in carcass burials of the Dnieper region]. Problemy arkheologii Podneprov'a [Problems of archaeology of the Dnieper region]. Dnepropetrovsk : Izd-vo Dnepropetrov. un-ta, 1984. Pp. 84–96.

Otroshchenko V.V., Savovskiy I.P., Tomashevskiy V.A. Kurgannaya gruppa Ryasnye Mogily u s. Balki [The mound group of the Ryasnya Graves near the Balka village]. Kurgannyye mogilniki Ryasnye Mogily i Nosaki [Burial mounds. Ryasnya Graves and Nosaki]. Kiev : Naukova dumka, 1977. Pp. 16–60.

Persidskie narodnye skazki [Persian folk tales]. Moscow : Nauka, 1987 504 p.

Podobed V.A., Usachuk A.N., Tsimidanov V.V. Ochagi i kostrischa na poseleniyakh epokhi bronzy Tsentralnoy Azii i Sibiri kak ritualnye ob'ekty [Homes and hearths in the settlements of Central Asia and Siberia of the Bronze age as ritual objects]. Arkheologiyanyң shuңuna shyqqan: K.A. Aqyshevtyn turanyна 90 zhyly toluyna arnalran «Қазақстан territoriyasyndary ezhelgi zhone ortaraslyk memleketter» atty khalykaralyk rylymi konferentsiya materialdarynyң zhinary. Almaty: ҚР БҒМ ҒК Ә.К. Марғылан атындары Археология институты, 2014. Pp. 101–115.

Podobed V.A., Usachuk V.N., Tsimidanov V.V. Bobr v obryadovoy praktike stepnykh i lesostepnykh plemen Evrazii epokhi bronzy [The Beaver in ritual practice of steppe and forest tribes of Eurasia in Bronze Age]. Ezhelgi Torray – Yly dala tesindegi asyl alka. Viktor Nikolaevich Logvinnyң 70 zhyldyk mereytoyyna arnalran rylymi maқalalar zhinary. Қостанай ; Almaty : ҚР БҒМ ҒК Ә.К. Марғылан атындары Археология институты, 2015. Pp. 431–443.

Potapov V.V., Shef A.V. Kurgan epokhi pozdney bronzy v nizhnem techenii reki Chir [Mound of the Late Bronze Age in the lower stream of the river Chir]. Donetskyy arkheologichnyy zbirnik [Donetsk archaeological collection], 15. Donetsk : Vid-vo DonNU, 2011. Pp. 171–183.

Privalova O.Ya. Srubnye pogrebeniya Nikolaevskogo mogil'nika v bassejne Kal'miusa [Carcass burials in the Nikolaevsk mound of the Kalmius basin]. Drevnosti Severo-Vostochnogo Priazov'a [Antiquities of North-Eastern Azov]. Donetsk : Ukraїnskiy kul'turologichnyy tsentr, 1999. Pp. 88–97.

Probeygolova A.S., Krasil'nikov K.I. Raskopki poseleniya pozdney bronzy vozle g. Zimogore na r. Lugan [Excavations near the settlement of the Late Bronze Age near the town Zymohiria on the Lugan river]. Arkheologichni doslidzhennya v Ukraїni [Archaeological achievements of Ukrain]. Kiiv ; Lutsk : IA NANU, 2010. Pp. 343–345.

Pryakhin A.D. Mosolovskoe poselenie epokhi pozdney bronzy. Kn. Pervaya [Mosolovskoe settlement of the Late Bronze Age. Book 1]. Voronezh : Izd-vo Voronezh. un-ta, 1993. 108 p.

Rafikova R.Z. K voprosu o meste zhilischa v sisteme ideologicheskikh predstavleniy nositeley sрубnoy kul'tury [To the question about the place of the home in the system of ideological representations of the carcass culture people]. Mezhdunarodnoe (XVI Uralskoe) arkheologicheskoe soveshanie [International (XVI Ural) archaeological conference]. Perm : Izd-vo Perm. un-ta, 2003. Pp. 216–217.

Romashko V.A. Rezultaty issledovaniya poseleniya pozdnego bronzovogo veka v okrestnostyakh mestonakhozhdeniya Loboykovskogo klada [Results of the study of the late Bronze Age population in the vicinity of the location of the Loboykovsky treasure]. *Materiali ta doslidzhennya z arkeologii Shkhidnoi Ukraïni*, 7. Lugansk : Vid-vo SNU im. V. Dal'ya, 2007. Pp. 209–216.

Romashko V.A. Svyatilischa i zhertvenniki na poseleniyakh srubnoy kul'tury Ukrainy [Sanctuaries and altars in the settlements of the carcass culture of Ukraine]. *Problemy arkeologii Podneprov'ya* [Problems of the Dnieper region archeology]. Dnepropetrovsk : Izd-vo Dnepropetrov. un-ta, 1993. Pp. 79–91.

Sanarov V.I. Elementy drevnikh verovaniy v religii tsygan [Elements of ancient beliefs in the religion of the gypsy people]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1, 1968. Pp. 32–45.

Sergatskov I.V., Skripkin A.S., Klepikov V.M., D'yachenko A.N. Kurgany u poselka Linevo [The mounds near the Linevo village]. *Materialy po arkeologii Volgo-Donskikh stepey* [Materials on the archaeology of the Volga-Don steppes], 3. Volgograd : Izd-vo VolGU, 2006. Pp. 37–80.

Shapovalov T.A. Poselenie srubnoy kul'tury u s. Ilichevka na Severskom Dontse [Settlement of the carcass culture near the Ilichevka village on the Seversky Donets]. *Eneolit i bronzovyy vek Ukrainy* [Chalcolithic and Bronze Age in Ukraine]. Kiev : Naukova dumka, 1976. Pp. 150–172.

Sharl de Bros o fetishizme [Charles de Brosses about fetishism]. Moscow : Mysl, 1973. 208 p.

Shchepinskiy A.A., Cherepanova E.I. Severnoe Prisivash'e v V–I tys. do n.e. [North Sivash region in V – I thousand BC]. Simferopol : Krym, 1969. 237 p.

Shilov V.P. Ocherki po istorii drevnikh plemen Nizhnego Povolzh'ya [Essays on the history of the ancient tribes of the Lower Volga region]. Leningrad : Nauka, 1975. 208 p.

Sinyuk A.T. Bronzovyy vek basseyna Dona [The Bronze Age of the Don basin]. Voronezh : Izd-vo Voronezhskogo ped. un-ta, 1996. 350 p.

Skarbovenko V.A. Pogrebeniya epokhi bronzy Novopavlovskogo kurgannogo mogil'nika [The Bronze Age burials of the Novopavlovsk mound]. *Drevnie i srednevekoveye kul'tury Povolzh'ya* [Ancient and medieval culture of the Volga]. Kuybyshev : Izd-vo Kuybyshev. un-ta, 1981. Pp. 5–26.

Sodnompilova M.M. Put' v inoy mir v miforitual'noy traditsii mongol'skikh narodov [The way to another world in myth-ritual traditions of the Mongolian peoples]. *Sibirskiy sbornik – 1: Pogrebalnyy obryad narodov Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Siberian Collection – 1: Burial rites of Siberia and adjacent territories], book 1. St. Petersburg : MAE RAN, 2009. Pp. 73–80.

Sokolova Z.P. Khanty i mansi [Khanty and Mansi]. *Semeynaya obryadnost' narodov Sibiri. Opyt sravnitel'nogo izucheniya* [Family rites of Siberian peoples. The experience of comparative study]. Moscow : Nauka, 1980. Pp. 125–143.

Stokolos V.S. Kul'tura naseleniya bronzovogo veka Yuzhnogo Zaural'a (khronologiya i periodizatsiya) [Culture of the Bronze Age population of the South Urals (chronology and periodization)]. Moscow : Nauka, 1972. 168 p.

Suprunenko A.B. Materialy srubnoy kul'tury v issledovaniyakh I.A. Zaretskogo [Materials of the carcass culture in the research of I.A. Zaretsky]. 100-richchya Poltavskogo kraeznavchogo muzeyu. Part II. Poltava : Poltavskiy kraezn. muzey, 1991. Pp. 43–45.

Taylor E.B. *Pervobytnaya kul'tura* [Primitive Culture]. Moscow : Politizdat, 1989. 573 p.

Tenisheva A.E. Prazdnovanie Nevruza i Khydyrelleza v Turtsii (konets XIX – seredina XX v.) [The celebration of Navruz and Hydyrleza in Turkey (end of XIX – mid XX century)]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 6, 1991. Pp. 71–80.

Terletskiy N.S. K voprosu o roli loskutov tkani (latta-band) na mazarakh Tsentralnoy Azii [The role of patchwork fabric (latte gangs) on mazarans in Central Asia]. *Lavrovskiy sbornik: Materialy Sredneaziatsko-Kavkazskikh issledovaniy. Etnologiya, istoriya, arkeologiya, kul'turologiya* [Lavrovskii collection: Proceedings of the Central Asian and Caucasian Studies. Ethnology, history, archaeology, cultural studies]. St. Petersburg : MAE RAN, 2006–2007. Pp. 118–122.

Tokarev S.A. O kul'te gor i ego meste v istorii religii [About the cult of mountains and its place in the history of religion]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 3, 1982. Pp. 107–113.

Trudy Novoчеркасской археологической экспедиции [The results of the Novoчеркасска archaeological expedition], 4. Parusimov I.D. ed. comp. Azov : Novoчеркасская археологическая экспедиция, 1999. 85 p.

Tsimidanov V.V. Nartovskiy epos osetin i srubnaya kul'tura: poisk skhozheniy [The nart epic of the Ossetians and carcass culture: search of similarities]. *Izvestiya SOIGSI*, 1 (40). Vladikavkaz : SOIGSI, 2007. Pp. 17–36.

Tsimidanov V.V. Pogrebeniya s rakovinami mollyuskov v srubnoy cul'ture [Burials with shells of shellfish in the carcass culture]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* [Theory and practice of archaeological research], 5. Barnaul : Azbuka, 2009. Pp. 61–67.

Tsimidanov V.V. Sotsial'naya struktura srubnogo obschestva [The social structure of the carcass society]. Donetsk : In-t arkheologii NANU, 2004b. 204 p.

Tsimidanov V.V., Chaur N.A. Pogrebeniya s astragalami srubnoy kulturno-istoricheskoy obschnosti [Burials with astragalus of the carcass culture]. *Drevnosti Podontsovyia* [Antiquities of the Podontsovye]. Lugansk : Osiris, 1997. Pp. 50–61.

Tsimidanov V.V. "Magichna vtecha" ta deyaki kategorii pokhovalnogo inventarya zrubnoï kul'turi. *Istoriya religiy v Ukraini. Part 5. Kiïv ; Lviv : Muzei istorii religii*, 1995. Pp. 486–488.

Tsimidanov V.V. Z'ednuvalni dosipki u kurganniy arkhitekturi zrubnoï kulturi: problema semantiki. *Materiali ta doslidzhennya z arkheologii Skhidnoï Ukraïni*, 3. Lugansk : Vid-vo SNU im. V. Dalya, 2004a. Pp. 229–248.

Uarziaty V. Prazdnichnyy mir osetin [Holiday World of the Ossetians]. Vladikavkaz : Severo-Osetinskiy in-t gum. issledovaniy, 1995. 233 p.

Usachuk A.N., Litvinenko R.A. Orudiya pryadeniya i tkachestva v pamyatnikakh srubnoy obschnosti [Spinning and weaving tools in the monuments of the carcass community]. *Tekstil' epokhi bronzy Evraziyskikh stepey / Trudy GIM* [Textiles of the Bronze Age of the Eurasian Steppe / SHM Proceedings], 109. Moscow : GIM, 1999. Pp. 204–216.

Usachuk A.N., Podobed V.A., Polidovich Yu.B., Tsimidanov V.V. Raskopki kurgana srubnoy kul'tury na territorii aeroporta goroda Donetska [Excavation of the barrow of the carcass culture on the territory of Donetsk airport]. *Donetskiy arkheologichniy zbirnik* [Donetsk archaeological collection], 13/14. Donetsk : Vid-vo DonNU, 2010. Pp. 185–202.

Usachuk A.N., Polidovich Yu.B., Kolesnik A.V. Kurgany Donbassa v narodnom vospriyatii i nauchnoy praktike (do nachala XX veka): mify i realnost [Mounds of Donbass in the national perception and scientific practice (before the start of XX century): Myths and Reality]. *Arkheologicheskii almanakh* [Archaeological Almanac], 14. Donetsk : OOO «Lebed», 2003. Pp. 13–55.

Vasil'ev I.B. Luzanovskiy kurgannyy mogil'nik [Luzanovsky burial mound]. *Srednevolzhskaya arkheologicheskaya ekspeditsiya* [Srednevolzhsk archaeological expedition]. Kuybyshev : Izd-vo Kuybyshev. ped. in-ta, 1977. Pp. 5–43.

Vasil'eva I.N., Salugina N.P., Kulakova L.S. Odinochnyy kurgan Rassvet I [Single mound Dawn I]. *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya* [Archaeological sites of the Orenburg region], 9. Orenburg : Izd-vo OGPU, 2011. Pp. 118–136.

Volshebnaya kalebasa (Skazki starogo Mussy) [Magic Calabash (old Moussas Tales)]. Moscow : Sovetskaya Rossiya, 1968. 144 p.

Votumi u zibranni Dnipropetrovskogo natsional'nogo istorichnogo muzeyu imeni D.Ya. Yavornitskogo: katalog. Ukladach N.O. Stepanenko. Dnipropetrovsk : Art-press, 2012. 39 p.

Vyatkina K.V. Kul't konya u mongol'skikh narodov [The cult of the horse among the Mongolian peoples]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography], 6, 1968. Pp. 117–122.

Vikhrova T.V. Zhitlo ta gospodarchi sporudi. Traditsiyno-pobutova kul'tura Luganshchiny kintsya XIX – pochatku XX stolittya. *Kraeznavchi zapiski*, VI. Lugansk : Pres-ekspres, 2013. Pp. 203–221.

Zabavin V.O. Pogrebeniya srubnoy kul'tury dlinnogo kurgana u sela Orlovskoe (iz raskopok V.K. Kulbaki) [Carcass culture burials of the long barrow near the village of Orel (from the excavations of Kullback V.K.)]. *Donetskiy arkheologichniy zbirnik* [Archaeological collection of Donetsk], 13/14. Donetsk : Vid-vo DonNU, 2010. Pp. 174–184.

Zlatkovskaya T.D. K probleme antichnogo nasledstva u yuzhnykh slavyan i vostochnykh romantsev [On the problem of the ancient heritage in the southern and eastern Slavic and Roman peoples]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography], 3, 1978. Pp. 47–58.

ДЕТАЛИ ПЛАСТИНЧАТОГО ПАНЦИРЯ МОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ХОВДСКОГО МУЗЕЯ*

Рассматриваются немногочисленные защитные детали железного панциря в виде наплечника и фрагмента нарукавья, имеющие важное значение для изучения оборонительного вооружения на рубеже развитого и позднего Средневековья. Публикуемые предметы хранятся в музее г. Ховда (Ховдский аймак, Монголия). Место их обнаружения и обстоятельства поступления в музей авторам не известны. В статье приводятся подробные описания формы, конструкции и параметров изделий с демонстрацией необходимых иллюстративных материалов. Очерчивается круг аналогий, которые позволяют выделить общие и особенные признаки однотипных экземпляров, а также определить происхождение, время бытования и этнокультурную принадлежность этих редких находок. Появление рассматриваемых изделий связано с дальнейшим развитием монгольской традиции изготовления пластинчато-нашивных панцирей с изнанки мягкой основы, обогатившейся во 2-й половине XIV в. новыми образцами для защиты рук воина. Реконструируются расположение и крепление защитных деталей из Ховдского музея в составе панциря. Предполагаются отнесение их к доспеху латной конницы и наибольшая эффективность в ближнем бою на саблях. В археологической коллекции Ховдского музея имеются экспонаты других периодов истории, требующие детального изучения.

Ключевые слова: Монгольский Алтай, музей, оборонительное вооружение, панцирь, наплечник, нарукавье, реконструкция, рубеж развитого и позднего Средневековья, латная конница.

DOI: 10.14258/tpai(2016)1(13).-06

Введение

В г. Ховде (Монголия) имеется краеведческий музей (рис. 1), в котором демонстрируется небольшое собрание археологических предметов. Часть экспонатов уже известна специалистам. Отдельные находки публиковались монгольскими исследователями, а также частично отражены в русскоязычной научной литературе [Батмунх, 2008; Тишкин, Мунхбаяр, 2011; Худяков, Эрдэнэ-Очир, 2011; и др.]. Не так давно был выпущен альбом с цветными изображениями наиболее ярких предметов из музейного фонда [Ховд..., 2010]. Однако целостного и всестороннего изучения археологической коллекции еще не осуществлялось. В 2012 г. сотрудники Алтайского государственного университета (г. Барнаул, Россия) и Ховдского государственного университета (г. Ховд, Монголия) совместно с работниками музея приступили к реализации проекта, направленного на подготовку каталога имеющихся древнейших, древних и средневековых артефактов. Для этого был осуществлен комплекс традиционного документирования археологических предметов: графическая зарисовка, фотофиксация, описание, замеры. Кроме этого, осуществлялось тестирование изделий из цветных металлов с помощью портативного рентгенофлюоресцентного спектрометра ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США), который был специально привезен для работы в Мон-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ – МинОКН Монголии (проект №13-21-03003 «Систематизация, анализ и комплексное изучение археологических памятников Монгольского Алтая»), а также в рамках реализации гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», проект №2013-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

голии. Полученные результаты вводятся в научный оборот [Тишкин, Мунхбаяр, 2014; Кунгуров, Мунхбаяр, Тишкин, 2015; Мунхбаяр, Тишкин, Бямбасурен, 2015; и др.].

Рис. 1. Ховдский музей (фотоснимок А.А. Тишкина)

Среди материалов Ховдского музея оказались редкие предметы оборонительного вооружения эпохи Средневековья: изогнутая железная пластина с пряжкой и семь железных пластин, наклепанных короткими сторонами на кожаные полоски. Данные вещи экспонируются в деревянном лотке, выстланном синим бархатом вместе с другими изделиями из железа, чугуна, рога и дерева (рис. 2). Среди них можно указать лопату, лемех, кольчатый распределитель с тремя лопастями-зажимами. Некоторые предметы снабжены этикетками с надписями на монгольском языке (иногда они дублируются на английском).

Рис. 2. Часть экспозиции Ховдского музея (фотоснимок А.А. Тишкина)

Описание деталей панциря

Публикуемые изделия также имели этикетки на монгольском языке. У пластины с пряжкой указано, что это «передняя часть шлема древнего солдата». На ее лицевой стороне (сбоку) тушью нанесен инвентарный номер – 62.02. Возле полосы пластин лежала этикетка, где написано: «Орудия труда». Поскольку рядом с ней есть и другие вещи явно производственного назначения, то, видимо, это обозначение относится к целой группе предметов. В любом случае определения, сделанные сотрудниками музея, требуют конкретных уточнений. Судя по имеющимся аналогиям, представляемые в статье предметы могут быть уверенно атрибутированы как детали панциря – наплечник и фрагмент нарукавья. К сожалению, выяснить у сотрудников, откуда эти вещи попали в музей, не удалось. Следует полагать, что подробная публикация данных панцирных деталей увеличит источниковую базу исследований и расширит возможности сравнительного анализа оборонительного вооружения.

Наплечник представляет собой кованую пластину, которая в продольной плоскости имеет общую прямоугольную форму (рис. 3–4). Ее длинные стороны прямые, короткие стороны выпуклые (рис. 5.-1). Наибольшая длина наплечника (в средней части) доходит до 14 см, ширина – 9 см. В поперечной плоскости изделие выгнуто и имеет общую С-видную форму, где основание образуют короткие стороны. Максимальное расстояние от основания до вершины составляет 3,7 см, но центральная часть вершины немного вогнута, что создает своеобразную «ложбину» для помещения пряжки (рис. 5.-2). Края наплечника оформлены наружными валиками. В этих местах толщина пластины – 2 мм. Основная часть пластины толщиной 1,5 мм, а на вершине ее толщина снова увеличивается до 2 мм, местами – до 2,5 мм.

На лицевой стороне наплечника по центру приклепана пряжка из рамки, язычка и щитка (рис. 3; рис. 5.-1). Ее общая длина – 9,8 см. Рамка пряжки пятиугольной формы с боковыми сторонами, сужающимися к основанию, так что внутренний вырез рамки имеет трапецевидную форму. Дужка рамки широкая, треугольного абриса. Длина рамки – 2,1 см, наибольшая ширина – 1,8 см, наибольшая толщина – 3,5 мм. На основание рамки надет подвижный язычок, стержень которого загнут вокруг него посередине. Свободное окончание язычка немного приострено, а его тело слегка профилировано, образуя «S-видную» фигуру. Длина язычка – 1,7 см, ширина – 2–3 мм, толщина – до 3 мм. Щиток пряжки вытянутый, фигурной формы. Его длина – 8,2 см, средняя ширина – 0,9 см, толщина – 0,8 см. Окончание щитка, примыкающее к рамке, расковано в пластину, которая загнута вокруг основания рамки, с вырезом под язычок. На тыльной стороне наплечника эта пластина приклепана приваренным шпеньком (рис. 4; рис. 5.-3). Основная часть тела щитка – овалный стержень, разделенный на девять выпуклых «позвонков» десятью валиками. Свободное окончание щитка оформлено в виде «трилистника». По центру его находится сквозной шпенек, крепящий пряжку к наплечнику. Шляпка шпенька с лицевой стороны придает этой части щитка дополнительный декор (рис. 3). Основная часть щитка возвышается над наплечником на 0,6 см (рис. 5.-1).

Тыльная сторона наплечника снабжена девятью приваренными шпеньками (рис. 4). По четыре шпенька равномерно расположены вдоль коротких сторон наплечника, а один шпенек находится по центру длинной стороны, на одной линии со шпеньками, крепящими пряжку (рис. 5.-3). Диаметр шляпок у шпеньков наплечника – 0,4 см, у шляпок пряжки – 0,3 см. Под шляпками шпеньков наблюдаются следы органики, свидетельствующие о прикреплении наплечника на кожаную основу.

Рис. 3. Железный наплечник с пряжкой.
Вид с лицевой стороны (фотоснимок А.А. Тишкина)

Рис. 4. Железный наплечник с пряжкой.
Вид с тыльной стороны (фотоснимок А.А. Тишкина)

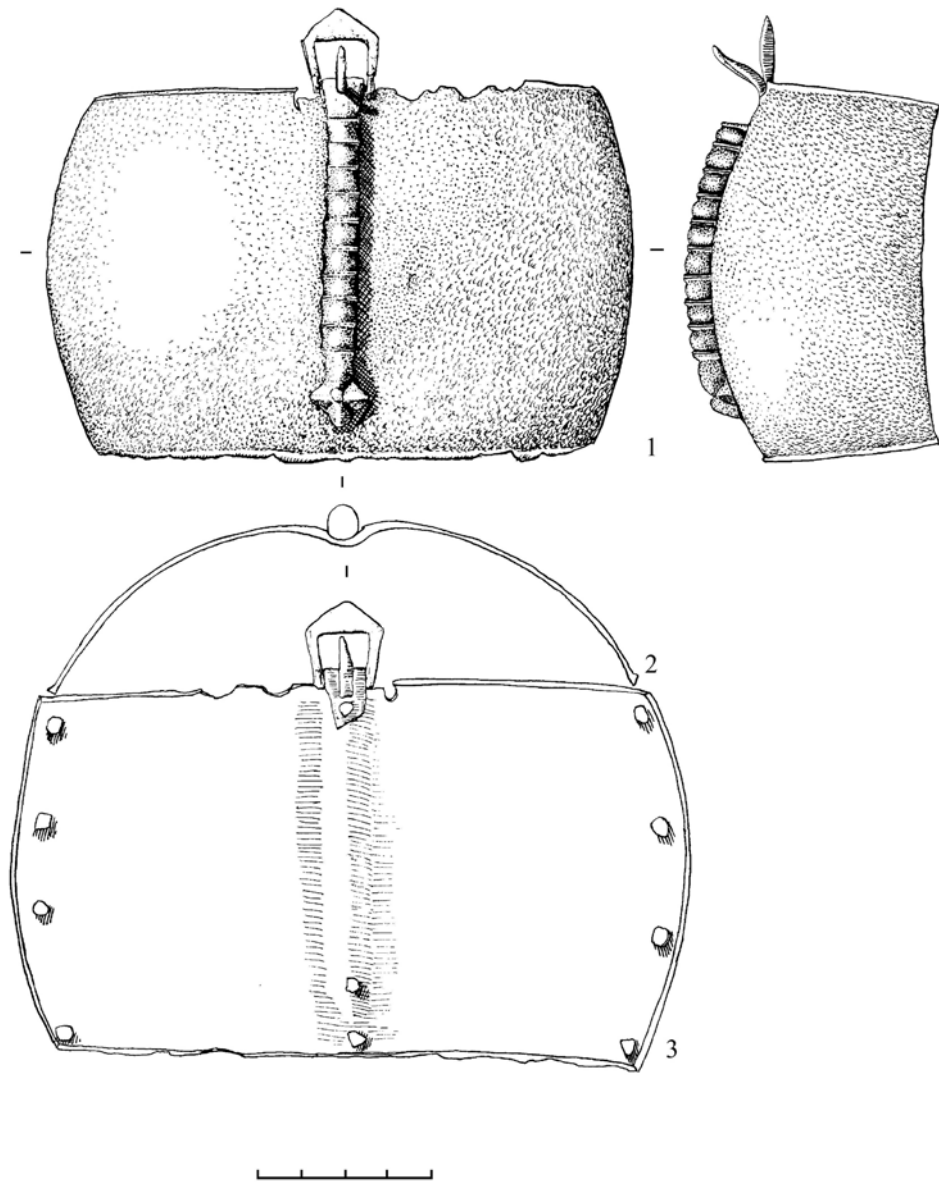

Рис. 5. Железный наплечник с пряжкой: 1 – лицевая сторона сверху и сбоку; 2 – поперечный разрез; 3 – тыльная сторона (рисунок выполнен А.Л. Кунгуровым)

Несмотря на коррозию, в целом наплечник имеет хорошую сохранность без искажения параметров. На его длинных сторонах есть сколы и трещины, более значительные там, где выступает пряжка. Они свидетельствуют о длительной эксплуатации изделия и, возможно, о боевых повреждениях.

Фрагмент нарукавья включает семь кованых пластин прямоугольной формы (рис. 6.-1). Длина пластин – 5–5,2 см, ширина – 1,5 см, толщина – 0,1 см. Продольное

сечение пластин выпуклое, дуговидной формы. Поперечное сечение также выпуклое, дуговидное, с немного отогнутым в противоположную сторону одним окончанием. Этот отгиб идет по краю одной длинной стороны каждой пластины и обращен на лицевую часть нарукавья (рис. 6.-2). Все пластины имеют по два «умбона» – полусферические выступы диаметром 2 мм, высотой 1,5 мм. Они расположены посередине изделия, ближе к ее коротким сторонам. Кроме этого, все пластины снабжены двумя сквозными шпеньками по углам, с длинной неотгнутой стороны. Длина шпеньков – 3–4 мм, толщина – 1 мм. Снаружи и внутри окончания шпеньков раскованы в шляпки. На лицевую сторону приходится малая шляпка диаметром 2–2,5 мм, на тыльную сторону – более крупная шляпка диаметром 4 мм (рис. 6.-3).

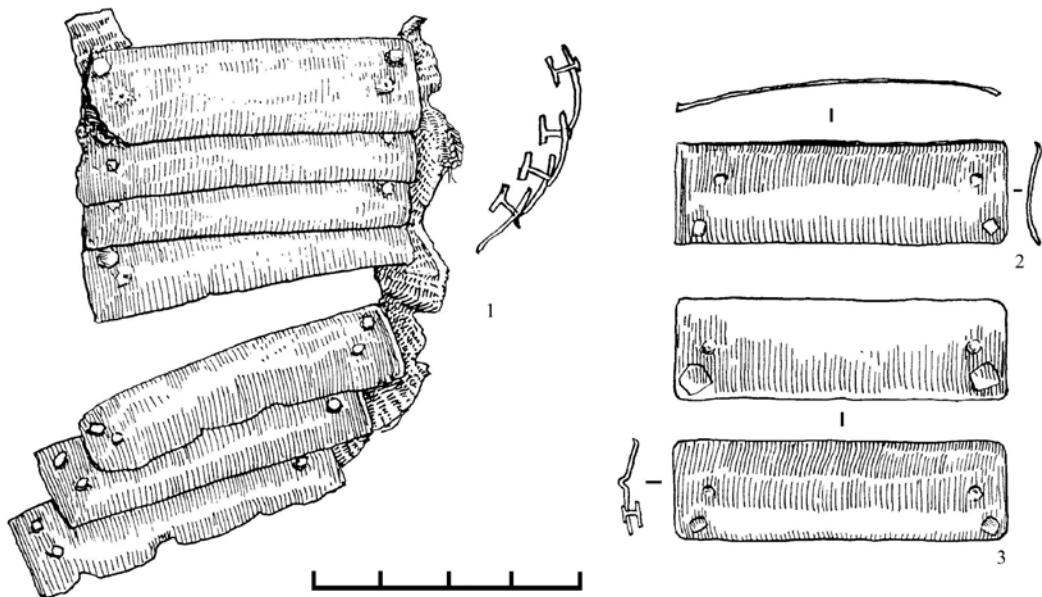

Рис. 6. Фрагмент нарукавья: 1 – лицевая сторона железных пластин и кожаных полосок; 2 – лицевая сторона пластины с продольным и поперечным разрезами; 3 – лицевая и тыльная стороны пластины с поперечным разрезом по «умбону» и шпеньку (рисунок выполнен А.Л. Кунгуровым)

Пластины приклепаны к двум параллельным кожаным полоскам шириной в расправленном виде до 1,5 см. С одной стороны полоска кожи сохранилась вдоль всех пластин, с другой – только на двух пластинах (рис. 7). В составе нарукавья пластины располагались длинной стороной по горизонтали и были набраны в вертикальную полосу. Они перекрывали друг друга по принципу «сверху вниз», о чем свидетельствует отогнутый длинный край пластин, который упирается в «умбоны». При обратном расположении пластины отходят друг от друга, открывая заметные щели. В целом такую структуру бронирования можно назвать ламинарной, хотя она и отличается от классического варианта, когда сплошные пластины-полосы связываются между собой через сквозные отверстия при помощи ремешков [Новгородова, Горелик, 1980, с. 107, рис. 9.-4; Горелик, 2003, с. 112; Горбунов, 2003, с. 55].

Рис. 7. Фрагмент нарукавья из железных пластин и кожаных полосок.
Вид с тыльной стороны (фотоснимок А.А. Тишкина)

Все пластины нарукавья слабо коррозированы, по их сторонам и углам есть сколы, более значительные с лицевой стороны. В полосе они составляют две группы по четыре и три пластины, между которыми есть разрыв в одну недостающую пластину (рис. 6–7). По степени коррозии и ее цветности пластины нарукавья абсолютно сходны с наплечником (рис. 3–4; рис. 7), что свидетельствует об их нахождении в одних условиях, а следовательно, и принадлежности к одному панцирю.

Хронологическая и этнокультурная идентификация

Ближайшей аналогией наплечнику из Ховдского музея являются два наплечника из воинскогоклада, обнаруженного на северном склоне горы Ийи-Кулак (16 км к северо-западу от пос. Аржан) в Пий-Хемском районе Тувы. Там под скальным навесом были найдены «миниатюрные» удила, два наконечника копий и комплекты защитных пластин хорошей сохранности [Монгуш, Грач, 1977, с. 227]. Они входили в состав двух полных панцирей пластинчато-клепаной структуры бронирования с изнанки мягкой основы [Горелик, 1983, с. 251, табл. IV]. Металлографический анализ показал, что пластины изготовлены из стали [Матвеев, 1998, с. 232]. Ховдский и тувинские наплечники имеют сходные параметры и профилировку, сближает их и наличие пряжки с подвижным язычком, а также число крепежных элементов вдоль коротких сторон (рис. 8.-1). Отличие наблюдается в том, что тувинские изделия снабжены «латунными»

накладками с выступающим ребром, высотой 6 мм, приклепанными там, где у ховдского экземпляра находится щиток пряжки, большим количеством мелких шпеньков [Горелик, 1983, табл. IV.-2ж; Матвеев, 1998, с. 235]. Не исключено, что эти накладки также являются своеобразными щитками пряжек, особенно если учитывать их одинаковую высоту со щитком ховдского изделия.

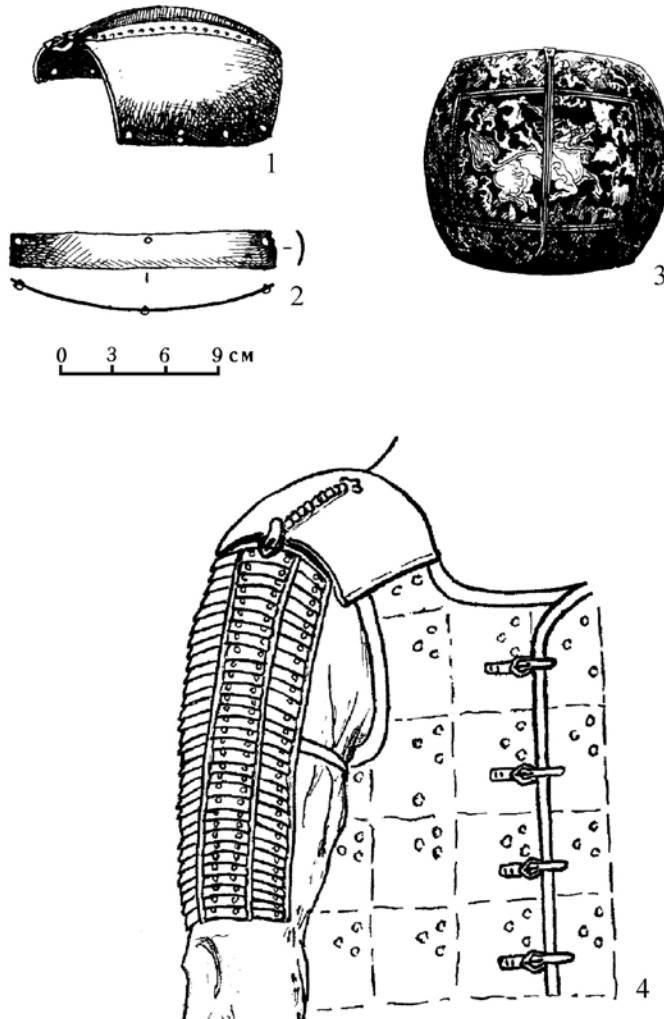

Рис. 8. Аналогии защитным деталям из Ховдского музея и их реконструкция: 1 – наплечник из тайника на Ийи-Кулак; 2 – пластина нарукавья из тайника на Ийи-Кулак; 3 – наплечник из музея Метрополитен; 4 – реконструкция расположения и крепления ховдского наплечника и нарукавья в составе панциря (1–2 – по: [Горелик, 1983, табл. IV.-2е, ж]; 3 – по: [Бобров, Худяков, 2008, рис. 201.-8]; 4 – рисунок О.С. Лихачевой)

Еще одна аналогия публикуемому наплечнику хранится в музее Метрополитен. Исследователи указывают Северный Китай как место его происхождения или изготовления [Бобров, Худяков, 2008, с. 727]. Данное изделие представляет собой выгнутую

пластину из вороненого железа прямоугольной формы с выпуклыми краями. На лицевой поверхности пластины золотой и серебряной насечкой выполнены изображения растений (в основном стебли и листья) и мифического существа с телом коня и головой дракона, заключенного в двойную прямоугольную рамку. На вершине изделия имеется узкая накладка с выступающим ребром [Бобров, Худяков, 2008, с. 494, рис. 201.-8]. Одно ее окончание слегка расширяется, и там видна шляпка шпенька. Возможно, в этом месте раньше была пряжка, впоследствии обломанная (рис. 8.-3).

Таким образом, ховдский наплечник дополняет небольшую серию защитных деталей, относящихся к одному типу, но разным вариантам.

Фрагмент нарукавья из Ховдского музея находит аналогию из того же клада на горе Ийи-Кулак. Это 37 железных пластин прямоугольной формы, дуговидных профилей, с тремя сквозными шпеньками по одной длинной стороне (рис. 8.-2). Они крупнее ховдских пластин (длина 12–15 см, ширина 2 см) и не имеют «умбонов» [Горелик, 1983, с. 253, табл. IV.-2е; Матвеев, 1998, с. 325]. Эти пластины входили в один комплект с наплечниками и составляли два коротких нарукавья (от плеча до локтя) по 18 и 19 экземпляров. Тувинские детали нарукавий должны были также располагаться длинной стороной по горизонтали и приклепываться на вертикальные кожаные полоски-ремешки [Бобров, Худяков, 2008, с. 494, рис. 201.-7]. Правда, существует мнение, что данные пластины из-за слабой профилированности относятся не к нарукавьям, а к бармице шлема [Матвеев, 1998, с. 235]. Однако оно не может быть принято, как и предложенные А.С. Матвеевым [1998, с. 233–235, рис. 1] реконструкции самих панцирей с Ийи-Кулак. Натуральные копии тувинских панцирей, сделанные по реконструкциям М.В. Горелика [1983, табл. V.-3], наглядно доказали принадлежность узких пластин нарукавьям, где их профилировка оптимальна для закрытия площади руки. Сочетание в одном панцире из Тувы наплечников с пряжками и ламинарно-клепаных нарукавий дает и нам дополнительный аргумент для отнесения ховдского наплечника и фрагмента нарукавья к одному комплекту.

Обращаясь к датировке рассмотренных защитных деталей, отметим, что мнения исследователей по этому вопросу различны, но в основном речь идет о периодах раннего и позднего Средневековья.

Находчики тувинских панцирей отнесли их ко времени не ранее 1207 г. и не позднее XVI–XVII вв. [Монгуш, Грач, 1977, с. 227]. М.В. Горелик датировал панцирные наборы с Ийи-Кулак концом XIV в., указывая, что аналогичные панцири изображены в Тебризской миниатюре 70–80-х гг. того столетия. Он также считал, что система защиты рук из наплечной выпуклой пластины и связанной с ней полосы из узких горизонтальных пластин формируется во 2-й половине XIV в. [Горелик, 1983, с. 251, 253, 256].

А.С. Матвеев [1998, с. 235] полагает, что тувинские панцири относятся ко 2-й половине XIII в. Для обоснования датировки им привлекаются наконечники копий из клада, которые близки образцам тюркского времени. О наконечниках написано, что они имеют длину 21–29 см, вытянуто-листовидное перо ромбовидного сечения, разной ширины: одно более широкое – 4,5 см, второе очень узкое [Матвеев, 1998, с. 235]. Видимо, речь идет о рогатине и пике. Есть типы наконечников пик и рогатин, которые возникли в сяньбийское время и прекратили свое развитие в XIII в. [Горбунов, 2006, с. 51]. Однако рисунки или фотографии наконечников с Ийи-Кулак не опубликованы, а судить об их типологии только по описанию сложно.

Л.А. Бобров и Ю.С. Худяков [2008, с. 711, 727] датируют тувинский панцирь с наплечниками концом XIV – 1-й половиной XV в., а наплечник из музея Метрополитен – концом династии Юань – династией Мин. Вместе эти наплечники относятся ими к концу XIV – началу XVI в. [Бобров, Худяков, 2008, с. 494].

На наш взгляд, защитные детали из Ховдского музея и их аналогии из Тувы и музея Метрополитен можно датировать 2-й половиной XIV – концом XV в. Наиболее ранние изображения выпуклых наплечников, сочетающихся с короткими нарукавьями ламинарной и ламинарно-ламеллярной структуры, створчатыми наручами, ламеллярной, ламинарной, пластинчато-клепаной с изнанки мягкой основы, а также комбинированной защитой корпуса – это действительно Тебризские миниатюры 1370–1380-х гг. [Горелик, 1983, табл. II.-1–3, 6]. Но реальные комплекты такой защиты рук должны были появиться раньше времени создания указанных иллюстраций. То, что подобная защита еще не встречается на изображениях 1-й половины XIV в., и дает исходную нижнюю границу [Горелик, 1983, с. 256].

Прототипом рассматриваемой системы защиты рук М.В. Горелик [1983, с. 256, табл. VI.-1] считал двойные пластины, прикрывавшие плечо и предплечье, изображенные на Ширазской миниатюре 1330–1340 гг. По нашему мнению, реальным прототипом здесь выступает выгнутая пластина-наплечник прямоугольной формы от панциря из Абазы 2-й половины XIII – середины XIV в. [Горелик, 1983, табл. II.-1; Горелик, 1987, с. 167, рис. 3.-23].

Верхняя граница бытования ховдских изделий и их аналогий определяется ламинарно-клепаной структурой бронирования нарукавий. Последние изображения такой структуры встречаются на Гератской миниатюре 1490-х гг. [Бобров, Худяков, 2002, с. 113; Бобров, Худяков, 2008, с. 495, рис. 201.-1]. Исследователи-оружиеведы отмечают, что система защиты рук из наплечников и ламинарных нарукавий на востоке Азии была вытеснена пластинчато-нашивными рукавами, а на западе Азии – кольчато-пластинчатой защитой предплечий [Бобров, Худяков, 2008, с. 495].

Говоря об этнокультурной принадлежности рассмотренных защитных деталей, следует отметить, что большинство исследователей считают их монгольскими [Монгуш, Грач, 1977, с. 227; Горелик, 1983, с. 251; Матвеев, 1998, с. 236]. По мнению Ю.С. Худякова [1997, с. 52], панцири с горы Ийи-Кулак могли быть изготовлены по монгольским образцам, но применялись кочевниками Тувы, поскольку традиция оставления оружейных кладов характерна для населения Алтае-Саянской горной страны. Действительно, данные комплекты вооружения могли использоваться (и быть спрятаны) местными воинами, но их монгольское происхождение представляется нам приоритетным. Ховдские изделия, видимо, еще в большей степени могут претендовать на такую принадлежность.

Заключение

Наплечник и фрагмент нарукавья из Ховдского музея позволяют реконструировать расположение и крепление этих деталей в составе панциря. Наплечник приклепывался на кожаную основу панциря, пряжкой к руке. Сам панцирь при этом должен был застегиваться спереди на груди или с небольшим смещением к одному из боков. Можно предположить и застегивание со спины. Это более надежно, но неудобно и, наверняка, требовало посторонней помощи. Пластины нарукавья наклепывались на две вертикальные кожаные полосы сверху вниз, перекрывая друг друга на 6–7 мм

до выступающих «умбонов», закрывая шляпки шпеньков, кроме самой верхней пластины. Края кожаных полосок немного выступали за края пластин. Для защиты руки от наплечника до локтя нужно не менее 32 пластин. Одна такая полоса, учитывая, что длина ховдских пластин в три раза меньше тувинских (5 см против 15 см), не может обеспечить полного прикрытия. Для этого необходимы еще две полосы. Вероятно, такое нарукавье и включало три полосы, где центральная полоса могла перекрывать две боковые. В верхней части эти полосы сшивались с горизонтальной кожаной полоской, по центру которой должен был пришиваться ремешок, пристегивавший нарукавье к наплечнику (рис. 8.-4). Впрочем, и вариант с одной полосой нарукавья мог существовать, если под панцирь поддевалась кольчуга.

Исследователи, анализировавшие пластины из Тувы и музея Метрополитен, считают, «... что подобные наплечники получили известное распространение, как среди простых латников, так и среди высшей аристократии» [Бобров, Худяков, с. 494]. Конечно, богато украшенный образец из Метрополитен принадлежал командиру высокого ранга, тогда как ховдский и тувинские экземпляры могли входить в состав панцирей и рядовых воинов, но, вероятно, из отборных подразделений латной конницы. Их основной задачей был копейный удар, о чем свидетельствуют тувинские находки, но развитая система защиты рук была более необходима в ближнем сабельном бою.

Таким образом, проанализированные экспонаты из Ховдского музея дополняют имеющиеся сведения о защитном вооружении кочевников Центральной Азии развитого и позднего Средневековья.

Библиографический список

- Батмөнх Б. Монгол Алтайн нурууны төв хэсгийн археологийн дурсгалууд. Улаанбаатар : БИТПРЕСС, 2008. 141 т. (на монг. яз.).
- Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Защитное вооружение среднеазиатского воина периода позднего средневековья // Военное дело номадов Северной и Центральной Азии. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2002. С. 106–168.
- Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб. : СПбГУ, 2008. 776 с.
- Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I : Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. 174 с.
- Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II : Наступательное вооружение (оружие). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.
- Горелик М.В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1983. С. 244–269.
- Горелик М.В. Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск : Наука, 1987. С. 163–208.
- Горелик М.В. Оружие Древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н.э.). СПб. : Атлант, 2003. 336 с.
- Кунгуров А.Л., Мунхбаяр Ч., Тишкин А.А. Артефакты эпохи камня из Ховдского музея // Тухийн товчоон. Улаанбаатар : Соембо принтинг, 2015. Т. VIII. С. 115–121.
- Матвеев А.С. Комплекс монгольских доспехов XIII в. из Тувы (общая характеристика) // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб. : Культ-информ-пресс, 1998. С. 232–236.
- Монгуш В.Т., Грач А.Д. Обследование тайника в Пий-Хемском районе Тувы // Археологические открытия 1976 года. М. : Наука, 1977. С. 227.
- Мунхбаяр Ч., Тишкин А.А., Бямбасурен Х. Ховд аймгийн (монгол улсын) музей дахь өнгөт төмөрлөг хутганы солонгон задлал // Эрдэм шинжилгээний бичиг. 2015. №7 (19). С. 59–64 (на монг. яз.).

Новгородова Э.А., Горелик М.В. Наскальные изображения тяжеловооруженных воинов с Монгольского Алтая // Древний Восток и античный мир. М. : Наука, 1980. С. 101–112.

Тишкин А.А., Мунхбаяр Ч. Находки из Монгольского Алтая // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Вып. 2. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. тех. ун-та, 2011. С. 265–271.

Тишкин А.А., Мунхбаяр Ч. Рентгенофлюоресцентный анализ металлических ножей из музея г. Ховда (Монголия) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. IV. Казань : Отечество, 2014. С. 191–195.

Ховд аймгийн музейн үзмэрүүд / Эмхэтгэсэн Х. Бямбасүрэн. Улаанбаатар : ИРМҮҮН АГЕНТЛАГ, 2010. 80 т. (на монг. яз.).

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. 160 с.

Худяков Ю.С., Эрдэнэ-Очир Н. Военное дело древних кочевников Монголии (II тысячелетие – III век до н.э.). СПб. : СПбГУ : Нестор-История, 2011. 172 с. : ил.

V.V. Gorbunov, A.A. Tishkin

DETAILS OF THE LAMELLAR ARMOUR OF THE MONGOLIAN TIME FROM THE HOVD MUSEUM

The article considers the non-numerous protective details of an iron armour in the form of a shoulder strap and the fragment of a sleeve, important for studying of defensive arms at the boundary of the developed and late Middle Ages. The published objects are stored in the museum of Hovd (the Hovd Aimag, Mongolia). The place of their detection and circumstance of their obtaining by the museum are unknown to the authors. Emphasis is made on the detailed descriptions of the form, design and parameters of products with demonstration of necessary illustrative materials. The authors offer the circle of analogies which allow them to allocate the general and special signs of the same copies and also to define an origin, time of an existing and ethnocultural accessory of these rare finds. Emergence of the considered products is related with further development of the Mongolian tradition of production of lamellar armors from the wrong side of the soft basis enriched in the 2nd half of 14th century with new samples for protection of soldiers' hands. Consideration is given to the reconstruction of the arrangement and fastening of protective details from the Hovd museum as a part of the armour. The authors suppose that these products belong to the armor of cavalry. Their use was the most effective in the close fight on sabers. There are exhibits of other periods of history in the archaeological collection of the Hovd museum that demands detailed studying.

Key words: Mongolian Altai, museum, defensive arms, armour, shoulder strap, sleeve, reconstruction, boundary of the developed and late Middle Ages, armor cavalry.

References

Batmönkh B. Mongol Altayn nuruuny төв кhesgiyn arkheologiyn дурсгалууд. Улаанбаатар : BITPRESS, 2008. 141 p. (in Mongolian).

Bobrov L.A., Khudyakov Yu.S. Vooruzhenie i taktika kochevnikov Tsentralnoy Azii i Yuzhnoy Sibiri v epokhu pozdnego srednevekovyia i rannego Novogo vremeni (XV – pervaya polovina XVIII v.) [Arma-ment and tactics of the nomads of Central Asia and Southern Siberia in the late Middle Ages and early modern period (XV – the first half of the XVIII centuries)]. St. Petersburg : SPbGU, 2008. 776 p.

Bobrov L.A., Khudyakov Yu.S. Zashitnoe vooruzhenie sredneaziatskogo voina perioda pozdnego srednevekovyia [Protective armaments of the Central Asian warrior in the period of the late Middle Ages]. Voennoe delo nomadov Severnoy i Tsentralnoy Azii [Warefare of the nomads in North and Central Asia]. Novosibirsk : Novosib. gos. un-t, 2002. Pp. 106–168.

Gorbunov V.V. Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. Ch. I : Oboronitelnoe vooruzhenie (dospekh) [Warfare of the Altai population in the XIII–XIV centuries. Part I : Defensive armaments (armor)]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2003. 174 p.

Gorbunov V.V. Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. Ch. II : Oboronitelnoe vooruzhenie (dospekh) [Warfare of the Altai population in the XIII–XIV centuries. Part I : Offensive armaments (weapons)]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2006. 232 p.

Gorelik M.V. Mongolo-tatarskoe oboronitel'noe vooruzhenie vtoroy poloviny XIV – nachala XV v. [Mongol-Tatar defensive weapon the second half of XIV – early XV centuries]. Kulikovskaya bitva v istorii i kulture nashey Rodiny [Kulikov battle in the history and culture of our homeland]. Moscow : Izd-vo Mosk. un-ta, 1983. Pp. 244–269.

Gorelik M.V. Oruzhie Drevnego Vostoka (IV tysyacheletie – IV v. do n.e.) [Weapons of the Ancient East (IV millennium – IV century BC)]. St. Petersburg : Atlant, 2003. 336 p.

Gorelik M.V. Ranniy mongolskiy dospekh (IX – pervaya polovina XIV v.) [Early Mongolian armor (IX – the first half of XIV century)]. Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Mongolii [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Mongolia]. Novosibirsk : Nauka, 1987. Pp. 163–208.

Khovd ayngiyn muzeyн yzmeryyd. Emkhetgesen Kh. Byambasyren. Ulaanbaatar : IRMYYN AGENTLAG, 2010. 80 p. (in Mongolian).

Khudyakov Yu.S. Vooruzhenie kochevnikov Yuzhnoy Sibiri i Tsentralnoy Azii v epokhu razvitogo srednevekovyа [Armament of nomads of southern Siberia and Central Asia in the Middle Ages]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 1997. 160 p.

Khudyakov Yu.S., Erdene-Ochir N. Voennoe delo drevnikh kochevnikov Mongolii (II tysyacheletie – III vek do n.e.) [Warfare of ancient nomads of Mongolia (II millennium – III century BC)]. St. Petersburg : SPbGU : Nestor-Istoriya, 2011. 172 p. : il.

Kungurov A.L., Munkhbayar Ch., Tishkin A.A. Artefakty epokhi kamnya iz Khovdskogo muzeya [The Stone Age artifacts from the Hovd Museum]. Tukhiyn tovchoon, vol. 8. Ulaanbaatar : Soembo printing, 2015. Pp. 115–121.

Matveev A.S. Kompleks mongolskikh dospekhov XIII v. iz Tuvy (obschaya kharakteristika) [Complex of Mongolian armor of the XIII century from Tuva (general characteristics)]. Drevnie kul'tury Tsentralnoy Azii i Sankt-Petersburg [The ancient cultures of Central Asia, and St. Petersburg]. St. Petersburg: Kult-inform-press, 1998. Pp. 232–236.

Mongush V.T., Grach A.D. Obsledovanie taynika v Piy-Khemskom rayone Tuvy [The cache survey in the Pii-Khem district of Tuva]. Arkheologicheskie otkrytiya 1976 goda [Archaeological discoveries of 1976]. Moscow : Nauka, 1977. P. 227.

Munkhbayar Ch., Tishkin A.A., Byambasuren Kh. Khovd ayngiyn (mongol ulsyn) muzey dakh enget temerlog khutgany solongon zadlal. Erdem shinzhilgelgeeny bichig, 7 (19). 2015. Pp. 59–64 (in Mongolian).

Novgorodova E.A., Gorelik M.V. Naskal'nye izobrazheniya tyazhelovooruzhennykh voinov s Mongol'skogo Altaya [Rock carvings of the heavily armed soldiers from the Mongolian Altai]. Drevniy Vostok i antichnyy mir [Ancient East and the ancient world]. Moscow : Nauka, 1980. Pp. 101–112.

Tishkin A.A., Munkhbayar Ch. Nakhodki iz Mongol'skogo Altaya [Finds from the Mongolian Altai]. Drevnie kul'tury Mongolii i Baykalskoy Sibiri [Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia], 2. Irkutsk : Izd-vo Irkut. gos. tekhn. un-ta, 2011. Pp. 265–271.

Tishkin A.A., Munkhbayar Ch. Rentgenoflyuorestsentnyy analiz metallicheskikh nozhey iz muzeya g. Khovda (Mongoliya) [X-ray fluorescence analysis of metal knives from the Hovd Museum (Mongolia)]. Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'ezda v Kazani [Proceedings of the IV (XX) All-Russia archaeological congress in Kazan], vol. IV. Kazan : Otechestvo, 2014. Pp. 191–195.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ТЮРОК МОНГОЛИИ**(2-я половина I тыс. н.э.)***

Представлены результаты систематизации и анализа погребальных сооружений тюрок раннего Средневековья, исследованных на территории Монголии. Использовались все известные материалы раскопок, проведенных монгольскими и зарубежными археологами, начиная со второй четверти XX столетия и вплоть до настоящего времени. Рассмотрены и охарактеризованы особенности наземных и внутримогильных конструкций, зафиксированных в ходе изучения некрополей 2-й половины I тыс. Отдельно представлены проблемы интерпретации впускных захоронений, а также погребений в подбое. Продемонстрированы сложности интерпретации немногочисленных скальных объектов, по ряду показателей соотносимых с культурой тюрок раннего Средневековья. Основным подходом, реализованным в статье, стал сравнительный анализ результатов раскопок погребальных комплексов на территории Монголии с более многочисленными материалами исследований в Алтае-Саянском регионе. Выявленный характер погребальных сооружений, а также не представляемые в настоящей публикации особенности ритуала и сопроводительного инвентаря дают основания рассматривать захоронения тюрок Монголии и Алтае-Саянского региона в рамках одной общности и связывать с «восточными» тюрками, известными по письменным источникам. Немногочисленность памятников Монголии, учитывая количество объектов, исследованных в Горном Алтае, Туве и Минусинской котловине, можно объяснить лишь отсутствием проведения целенаправленных раскопок погребений рассматриваемой общности и низкой степенью изученности обозначенной территории в целом.

Ключевые слова: Монголия, тюрки, раннее Средневековье, погребальные сооружения, Алтае-Саянский регион, сравнительный анализ.

DOI: 10.14258/tpai(2016)1(13).-07

Введение

Долгое время Монголия оставалась своего рода «белым пятном» на археологической карте Центрально-Азиатского региона. В последние десятилетия ситуация начинает улучшаться, что связано с активными исследованиями, проводимыми как местными монгольскими специалистами, так и экспедициями, организованными зарубежными учеными. В числе объектов различных исторических периодов раскопаны комплексы культуры тюрок – общности кочевников, оказавшей огромное влияние на историческое развитие кочевых империй региона, а также судьбы многих народов на обширных сопредельных территориях. Представляется возможным утверждать, что в настоящее время исследование памятников Монголии 2-й половины I тыс. н.э. выходит на новый уровень. В связи с этим важной задачей становится осмысление итогов работ прошлых лет, в том числе детальный анализ отдельных элементов культуры тюрок региона.

К настоящему времени в Монголии известно около 30 объектов, с разной степенью достоверности относящихся к погребальным комплексам тюрок раннего Средневековья [Серегин, 2014]. Несмотря на незначительность этой цифры по сравнению с количеством захоронений кочевников, исследованных на сопредельных территориях, накопленные материалы являются важным источником для реконструкции истории и культуры кочевников. В настоящей статье представлены результаты систематизации и анализа погребальных сооружений тюрок Монголии 2-й половины I тыс. н.э.

* Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», проект №2013-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культуры на территории Северной Азии».

Наиболее продуктивным подходом при исследовании погребальных памятников Монголии является их сравнение с гораздо более многочисленными раннесредневековыми объектами Алтае-Саянского региона [Серегин, 2013, с. 186–204], а также комплексами, раскопанными на сопредельных территориях. Это не только позволяет осуществить более точную хронологическую и культурную атрибуцию анализируемых материалов, но также способствует определению их места среди тюркских «древностей» Центрально-Азиатского региона.

Особенности распространения и планировки погребальных комплексов

Большая часть некрополей тюрков раннего Средневековья раскопана в центральных и северных районах Монголии (Архангайском, Баянхонгорском, Булганском, Селенгинском, Уверхангайском, Центральном аймаках). Кроме того, известна небольшая серия объектов в западной части страны (Баян-Улгэйский, Убсунурский и Ховдский аймаки), а также одно захоронение на северо-востоке (Хэнтэйский аймак) (рис. 1). Такая локализация тюркских погребальных комплексов лишь отчасти объясняется объективными причинами и спецификой расселения кочевников. В большей степени территориальные рамки распространения известных памятников обусловлены степенью интенсивности полевых исследований в разных частях страны. Потому в ходе будущих археологических работ в Монголии зафиксированная ситуация может измениться.

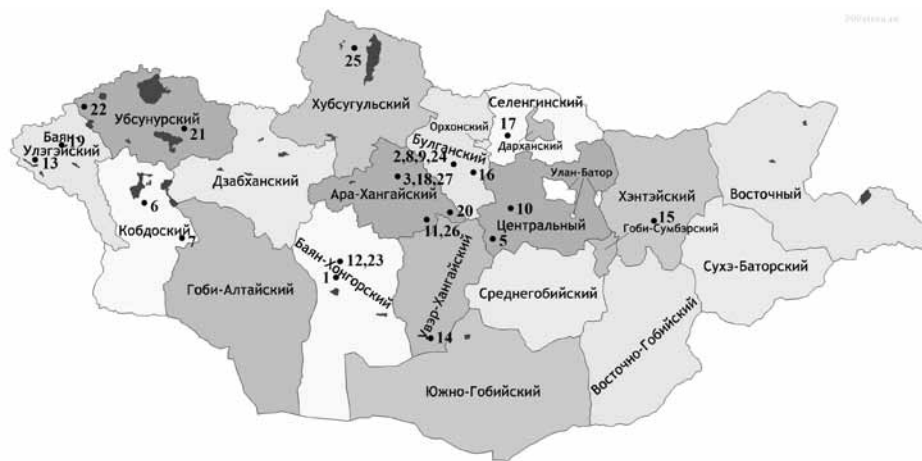

Рис. 1. Карта-схема распространения тюркских погребений на территории Монголии: 1 – Арцат Дэл; 2 – Бурхан-Толгой; 3 – Гол Мод; 4 – Джаргаланты; 5 – Дэнслэгийн ам; 6 – Жаргалант Хайрхан; 7 – Загал; 8 – Моностын-хотол; 9 – Мухдагийн ам; 10 – Наинтэ-Суме; 11 – Овор Хавцал; 12 – Рашаантын Ам; 13 – Сыргаль-2; 14 – Тарималт; 15 – Тогосийн овдгийн; 16 – Увгунт; 17 – Угемур; 18 – Хана-1; 19 – Хар-Ямаатын-гол; 20 – Хутаг-Уул; 21 – Цаган-Хайрхан-Уул; 22 – Шанаган Хэвийн-2; 23 – Шивээт Цанхир-1; 24 – Элст Хутул; 25 – Аргаан-гол; 26 – Ваарт; 27 – Наймаа-Толгой

Погребения тюрков Монголии в большинстве случаев расположены на площади некрополей более раннего времени или в непосредственной близости от них. Чаше всего курганы 2-й половины I тыс. н.э. находились рядом с объектами хуннского периода либо с херексурами, относящимися к эпохе поздней бронзы и «раннескифско-

му» времени [Боровка, 1926, с. 172; Евтюхова, 1957, с. 207; Erdelyi, Dorjsuren, Navan, 1967; Худяков, Цэвэндорж, 1999, рис. 1; Эрдэнэбаатар, Турбат, Худяков, 2004, с. 176; Олзийбаяр, 2007; Эрдэнэболд, Одбаатар, Анхбаяр, 2010] (рис. 2). Ситуация, зафиксированная на памятнике Хар-Ямаатын-Гол, где насыпи раннего Средневековья обнаружены к востоку от цепочки курганов пазырыкской культуры, полностью повторяет ситуацию, распространенную для раннесредневековых объектов Алтая [Кубарев и др., 2007, с. 302]. Отметим, что традиция сооружения погребений на площади уже существовавших некрополей или в непосредственной близости от них в целом характерна для обрядовой практики тюрков и зафиксирована в ходе раскопок на обширных территориях Алтае-Саянского региона и Центральной Азии [Кубарев, 1992, с. 28; Кубарев, 2005, с. 12–13; Митько, Тетерин, 1998, с. 397–398; Худяков, 2004, с. 42].

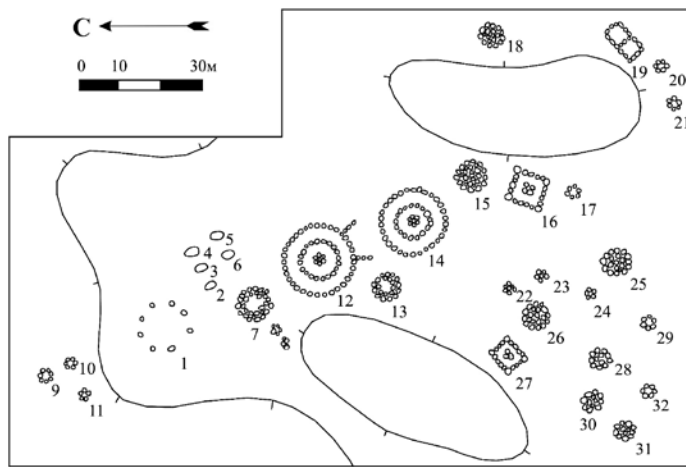

Рис. 2. План некрополя Цаган-Хайрхан-Уул с расположением тюркского кургана №7 (по: [Худяков, Цэвэндорж, 1999, рис. 1])

Второй вариант планиграфии погребальных комплексов тюрков Монголии – расположение курганов одиночно или попарно в отдалении от памятников предшествующих периодов [Худяков, Турбат, 1999; Гунчинсурэн и др., 2005]. Такая ситуация встречается более редко, однако также получила распространение во 2-й половине I тыс. н.э. на сопредельных территориях. Кроме того, в отдалении от каких-либо объектов находились известные скальные погребения Монголии раннего Средневековья [Хурэлсух, Мунхбаяр, 2004, т. 20–23, з. 1, 2; Турбат и др., 2008; Хурэлсух, 2008, т. 297, з. 2, 3, 10; Турбат, Батсух, Батбаяр, 2010].

Обозначенные закономерности расположения и локализации курганов тюрков Монголии показывают, что традиции погребальной обрядности кочевников этого времени не предполагали сооружения больших отдельных некрополей. Чаще всего объекты 2-й половины I тыс. н.э. были исследованы в ходе раскопок памятников более раннего времени. Дисперсное расположение курганов тюрков периода раннего Средневековья определенным образом осложняет массовые раскопки таких комплексов и, возможно, является одной из причин небольшого количества известных курганов. Вместе с тем учет выявленных ситуаций дает дополнительные возможности для обнаружения захоронений в ходе дальнейших полевых исследований.

Наземные конструкции

Наземные сооружения тюрок Монголии 2-й половины I тыс. н.э. представлены в абсолютном большинстве случаев курганными насыпями. Конструкции возводились из камня и имели чаще всего округлую форму (рис. 3–4). Только в одном случае насыпь, исследованная на могильнике Моностын-хотол [Турбат, Амартувшин, Эрдэнэбат, т. 272], напоминала подквадратное сооружение. При этом обнаруженная конструкция не включала ограды-стенки, характерной для подквадратных насыпей, получивших распространение в раннем Средневековье на различных территориях Алтае-Саянского региона, Восточного Казахстана, Кыргызстана и Монголии и фрагментарно зафиксированных в традициях тюрок [Табалдиев, 1996, с. 25; Худяков, 2004, с. 48; Кубарев, 2005, с. 15]. Большой интерес для изучения особенностей распространения подобных сооружений имеют материалы недавних раскопок на территории Монголии [Эрдэнэбат и др., 2011]. Судя по приведенным фотографиям и иллюстрациям, исследованные подквадратные наземные конструкции могильника Олон Дов весьма схожи с теми, что зафиксированы на памятниках Алтае-Саянского региона. По мнению авторов раскопок, данные объекты могут являться частью кладбища уйгуров и датируются VIII–IX вв. [Эрдэнэбат и др., 2011, т. 167; з. 5, 9, 11, 15–16]. Вероятно, результаты дальнейших работ в различных районах Монголии будут способствовать уточнению представлений о хронологии и культурной принадлежности раннесредневековых погребальных комплексов с подквадратными наземными конструкциями.

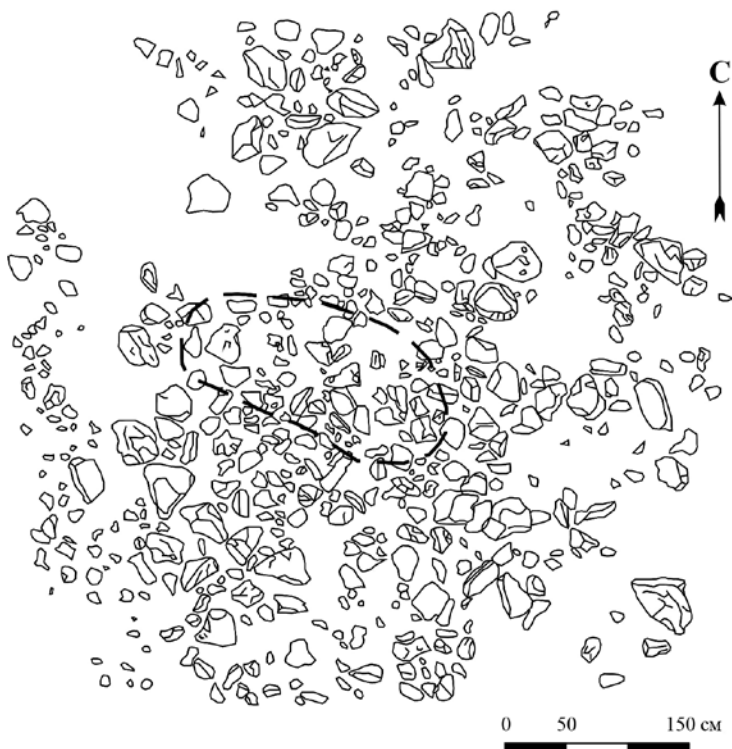

Рис. 3. Наземная конструкция тюркского кургана комплекса Овор Хавцал
(по: [Эрдэнэболд, Одбаатар, Анхбаяр, 2010, з. 2])

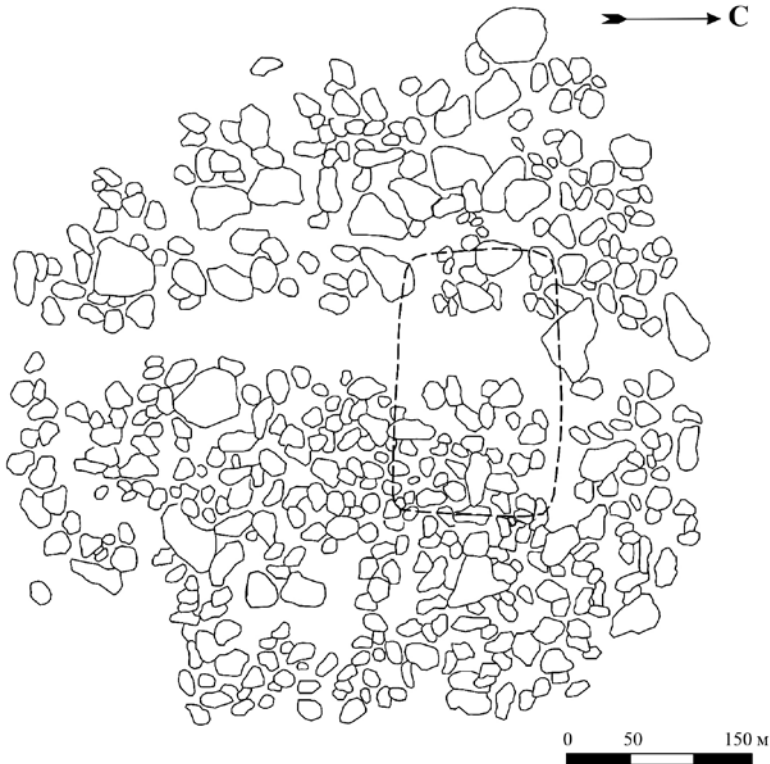

Рис. 4. Наземная конструкция кургана №5 комплекса Элст Хутул
(по: [Худяков, Турбут, 1999, рис. 1])

Курганы тюрков Монголии 2-й половины I тыс. н.э. имели довольно небольшие размеры. Диаметр исследованных объектов составлял в среднем 6–8 м, варьируя от 3 до 11 м. Высота насыпей не превышала 0,45 м. В значительном количестве случаев в ходе раскопок курганов зафиксированы фрагменты керамики, а также кости домашних животных [Турбат, Амартувшин, Эрдэнэбат, 2003; т. 108–109; Кубарев и др., 2007; Эрдэнэболд, Одбаатар, Анхбаяр, 2010; и др.]. Очевидно, эти находки представляют собой следы погребальной тризны, совершаемой во время похорон.

По своей структуре курганные насыпи тюрков Монголии в большинстве случаев представляли собой простые сооружения. Дополнительные конструкции в виде крепиды или ограды, получившие значительное распространение на сопредельных территориях Алтае-Саянского региона (до 38%), зафиксированы только на комплексах Мухдагийн ам (курган №8) (рис. 5) и Хар-Ямаатын-гол (курганы №8, 10) (рис. 6). При этом сооружения не представляли собой традиционную крепиду, возводимую по периметру курганной насыпи. Более вероятно, что данные конструкции были приурочены к контуру могильной ямы и в одном из отмеченных случаев маркировали ее границы [Турбат, Амартувшин, Эрдэнэбат, 2003, т. 274; Цэвэндорж и др., 2008, з. 9, 10]. Схожие по устройству сооружения исследованы в ходе работ на отдельных некрополях тюрков раннего Средневековья на сопредельных территориях [Могильников, 1983, рис. 16; Бородовский, 1994, рис. 3; и др.].

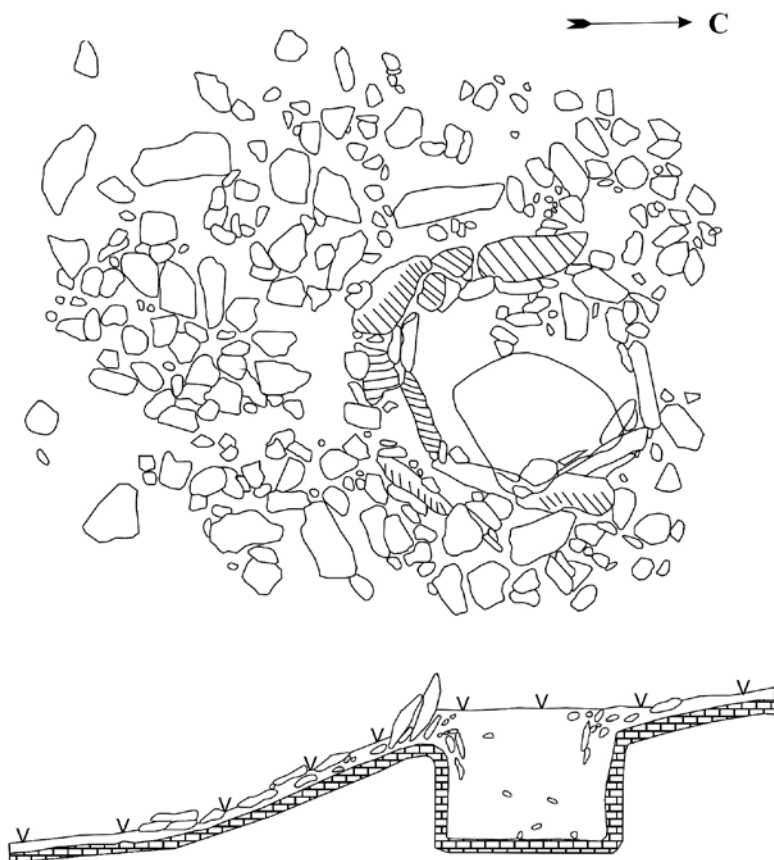

Рис. 5. Наземная конструкция кургана №8 комплекса Мухдагийн ам
(по: [Турбат, Амартувшин, Эрдэнэбат, 2003, т. 274])

Редкой характеристикой погребальных памятников тюрков Монголии являлось возведение *«околокурганных» объектов*. Под данным обозначением понимаются конструкции, находившиеся в непосредственной близости от насыпи или вплотную «пристроенные» к ней и представлявшие один комплекс. На могильнике Хар-Ямаатын-гол к востоку от кургана №8 зафиксирована цепочка каменных колец, и еще одно небольшое кольцо было устроено вплотную к насыпи [Цэвдорж и др., 2008, з. 12] (рис. 6). Аналогии таким объектам встречены на ряде раннесредневековых некрополей Алтая и Тувы [Серегин, Шелепова, 2015, с. 81–85]. Обратим внимание на то, что возможность фиксации подобных «околокурганных» сооружений в значительной степени зависит от методики раскопок. Известно, что межкурганное пространство в силу целого ряда причин исследуется крайне редко, хотя именно в ходе такой работы возможно выявление ряда сооружений [Шульга, Горбунов, 2002, с. 117]. Не исключено, что данное обстоятельство является одним из объяснений редкости подобных объектов на территории Монголии. Что касается интерпретации обнаруженных каменных колец, то, судя по всему, следует согласиться с исследователями, которые предполагают их поминальный характер [Кубарев, 2005, с. 16].

Другим вариантом «околокурганного» объекта является каменная «пристройка», зафиксированная в ходе исследования погребального комплекса Увгунт. Сооружение находилось с южной стороны насыпи тюркского кургана [Наван, Сумьябаатар, 1987, з. 1; Кляшторный, Савинов, Шкода, 1990, с. 7] (рис. 7). Отметим, что такая ситуация также не является исключительной в обрядовой практике раннесредневековых кочевников. Небольшие каменные «пристройки» округлой или подквадратной формы, располагавшиеся вплотную к насыпи кургана, встречены в ходе исследований на памятниках Алтая и Тувы [Серегин, Шелепова, 2015, с. 85]. Какие-либо находки внутри таких сооружений, как и в случае с объектом комплекса Увгунт, отсутствовали.

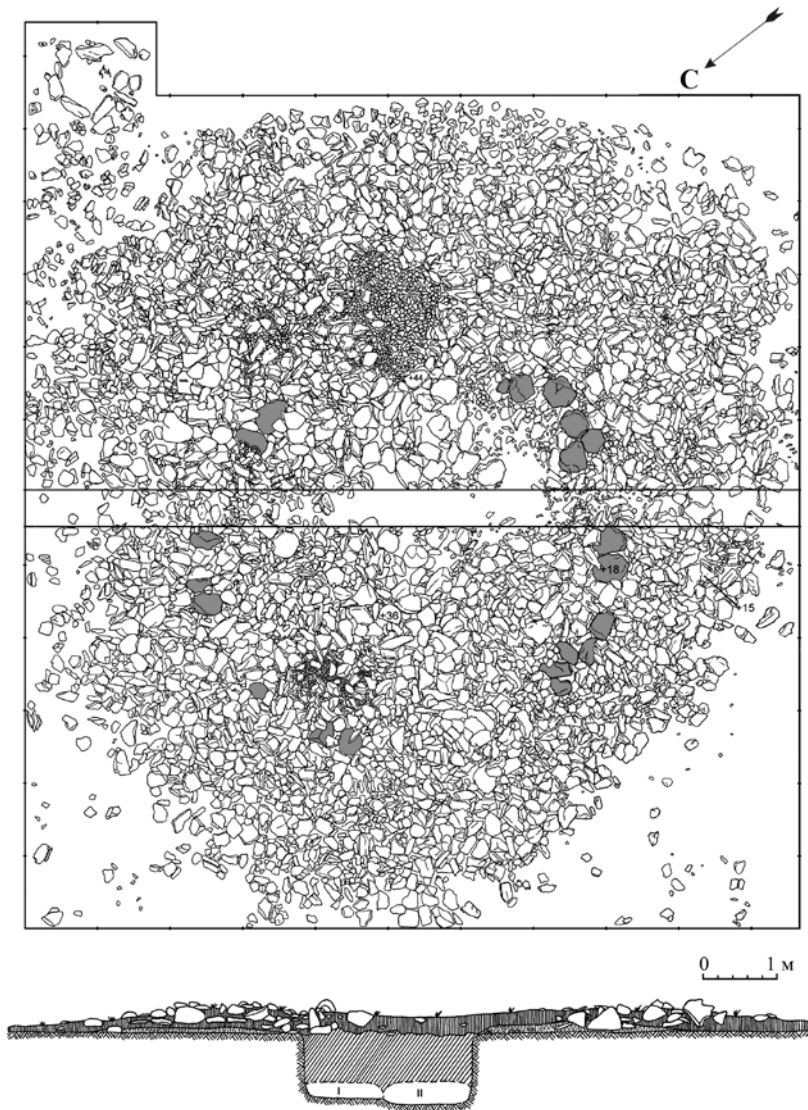

Рис. 6. Наземная конструкция кургана №8 комплекса Хар-Ямаатын-гол (по: [Цэвэндорж и др., 2008, з. 8])

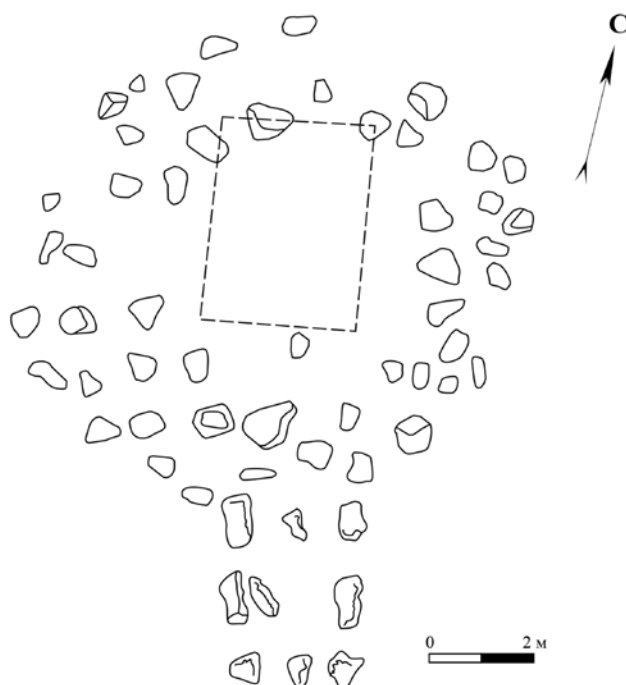

Рис. 7. Наземная конструкция тюркского кургана комплекса Увгунт (по: [Наван, Сумьябаатар, 1987, з. 1])

Внутримогильные конструкции

Традиции обрядовой практики тюрок Монголии 2-й половины I тыс. н.э. предполагали сооружение в большинстве случаев простой могильной ямы с отвесными или несколько сужающимися стенками. Ее размеры были различными и определялись многими факторами: параметрами курганной насыпи, наличием или отсутствием сопроводительного захоронения лошади. Одним из вариантов оформления могильной ямы было оставление *приступки* (ступеньки вдоль одной из ее стенок). Такая конструкция зафиксирована в ходе исследования погребений на комплексах Бурхан-Толгой (курган №60), Джаргаланты (курган №2), Угемур (курган №2), Хана-1, Хар-Ямаатын-гол (курган №8) (рис. 6), Цаган-Хайрхан-Уул (курган №7), Элст Хутул (курган №5). Приступка, достигавшая в высоту 30 см, сооружалась чаще всего для помещения на нее человека. Необходимо отметить, что такая ситуация является крайне редкой для традиций тюрок, демонстрируемых археологическими комплексами на сопредельных территориях. Подобная ситуация единична в Туве и на Алтае [Трифонов, 1975, с. 193; Савинов, 1982, с. 103, 105; Могильников, 1983, с. 69, рис. 18], однако достаточно широко распространена среди памятников Минусинской котловины [Грязнов, Худяков, 1979, с. 150, 152–153; Тетерин, 2000, с. 31–33; Худяков, 2004, с. 27–28; и др.]. Кроме того, использование приступки для расположения на ней умершего человека встречается в погребальной обрядности населения Тянь-Шаня [Табалдиев, 1996, с. 21; Табалдиев, Худяков, 1999, с. 58]. Более традиционным для тюрок раннего Средневековья являлось сооружение земляной ступеньки для лошади, отмеченное в захоронениях Монголии дважды.

Другим вариантом оформления могильной ямы являлась *перегородка*. Тюрками 2-й половины I тыс. н.э. она сооружалась из каменных плит и предназначалась для отделения тела умершего человека от положенного рядом животного. В ходе раскопок погребений Монголии перегородка зафиксирована только дважды на комплексах Элст Хутул (курган №5) и Мухдагйин ам (курган №8) (рис. 8). Гораздо большее распространение такие конструкции получили в различных частях Алтае-Саянского региона. Данный вариант внутримогильного сооружения наиболее часто зафиксирован в ходе раскопок памятников раннего Средневековья Тувы и реже, почти в равной степени, встречен в погребениях Алтая и Минусинской котловины [Серегин, 2009, табл. 1].

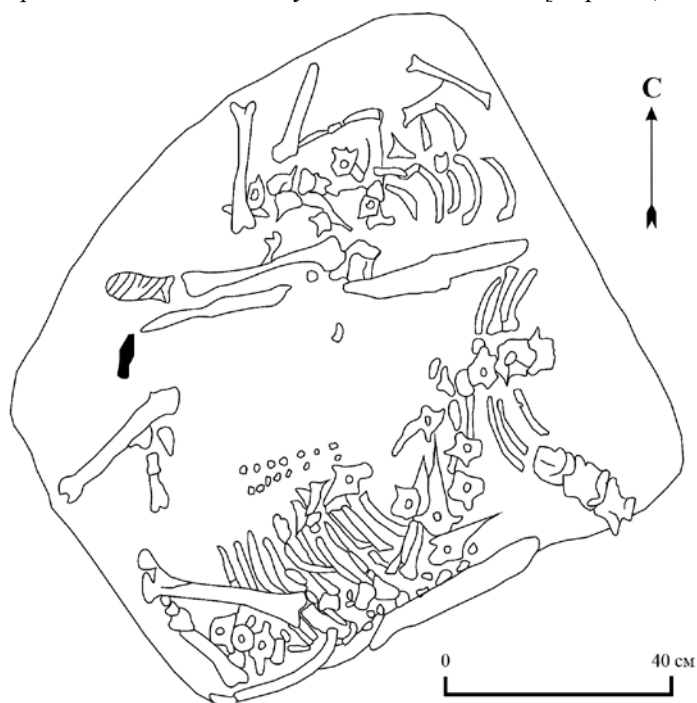

Рис. 8. План погребения кургана №8 комплекса Мухдагйин ам (по: [Турбат, Амартувшин, Эрдэнэбат, 2003, т. 274])

Сооружение земляной ступеньки, а также каменной перегородки зафиксировано только в могилах с лошадью и, несомненно, было связано с оформлением сопроводительного захоронения животного. Вероятно, основной функцией таких конструкций являлось отделение тела умершего человека. По мнению С.П. Нестерова [1990, с. 75–77], в случае, если животное находилось рядом или на приступке, перегородка предохраняла погребенного от падения на него туши лошади. Этим же объяснялось помещение человека на земляной ступеньке.

Важно отметить, что сооружение приступки и перегородки можно считать одним из отличительных показателей погребальной обрядности тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии. Не случайно фиксация подобных вариантов оформления могильной ямы на сопредельных территориях обычно связывается с проникновением носителей этих культурных традиций.

Одним из элементов обряда, не характерных для традиций тюрок 2-й половины I тыс. н.э., являлось сооружение *погребальной камеры*. Специальные конструкции для захоронения человека зафиксированы только на одном некрополе раннесредневековых кочевников Монголии. Судя по приведенному описанию, в ходе раскопок двух курганов могильника Тарималт встречены остатки деревянных срубов с полом [Гунчинсурэн и др., 2005]. К сожалению, подробная характеристика этих сооружений невозможна в связи с отсутствием иллюстраций в публикации материалов исследований на памятнике. Похожее сооружение отмечено в могиле кургана №50 комплекса Боротал-I на Алтае [Кубарев, 2005, с. 378, табл. 107]. Кроме того, деревянные конструкции, более напоминающие по своему устройству гроб, известны на ряде некрополей тюрок Алтае-Саянского региона [Левашова, 1952, рис. 6.-3; Гаврилова, 1965, табл. XIII.-B; Вайнштейн, 1966, рис. 10, 11; Поселянин, Киргинеков, Тараканов, 1999, рис. 4.-4, 7.-2, 12.-2; и др.].

Погребения в подбое

Особым вариантом устройства могильной ямы в обрядовой практике тюрок 2-й половины I тыс. н.э. было сооружение в одной из ее стен погребальной камеры в виде ниши. В ходе раскопок раннесредневековых некрополей на территории Монголии зафиксировано всего два захоронения в подбое [Худяков, Цэвендорж, 1999, с. 84; Эрдэнэбаатар, Турбат, Худяков, 2004, с. 177]. К сожалению, в публикациях этих комплексов приведено лишь общее описание данного элемента обряда, при этом его отражение в иллюстрациях отсутствует. Вместе с тем имеющаяся информация, а также результаты анализа раннесредневековых погребений в подбое, исследованных в различных районах Алтае-Саянского региона и Центральной Азии [Серегин, 2012], позволяют представить варианты интерпретации могил с боковой нишей.

В археологической литературе достаточно подробно рассмотрены различные конструкции подбоев, обозначены признаки, отличающие данные сооружения от катакомб, а также представлены некоторые аспекты семантики указанной традиции [Соенов, 1994, с. 50; Смирнов, 1997, с. 218; Миняев, 2001, с. 128; Флеров, 2007, с. 82–102; и др.], что позволяет не останавливаться на этом дополнительно. При изучении имеющихся исследований становится очевидным, что историко-культурная интерпретация подбоя различна для конкретных территорий и хронологических периодов. При возможном едином истоке традиции сооружения таких конструкций дальнейшее их распространение было обусловлено специфичными процессами для отдельных обществ.

Захоронения в подбое не являются характерными для традиций обрядовой практики тюрок раннего Средневековья, однако получили довольно широкое распространение. Наиболее многочисленны такие объекты в Туве и Минусинской котловине [Серегин, 2012, с. 136]. Известна серия «подбойных» захоронений тюрок на территории Кыргызстана [Москалев, Табалдиев, Митько, 1996, с. 62; Табалдиев, 1996, с. 25]. Только одна могила с боковой нишей зафиксирована на Алтае [Молодин, Новиков, Соловьев, 2003, с. 73, рис. 6].

Подбой обычно сооружался для помещения туда умершего человека. Именно такая ситуация зафиксирована в ходе исследования кургана №7 комплекса Цаган-Хайрхан-Уул в Северо-Западной Монголии [Худяков, Цэвендорж, 1999, с. 84]. В другом случае, отмеченном в процессе раскопок впускного погребения кургана №60 на некрополе Бархзан-Толгой, в боковой нише могильной ямы находилась лошадь [Эрдэнэбаатар,

Турбат, Худяков, 2004, с. 177]. Единственная известная аналогия такому варианту обряда в материалах исследований археологических памятников тюрок – погребение кургана №14 могильника Терен-Кель в Минусинской котловине [Худяков, 1999, с. 23].

Анализ обозначенных комплексов позволяет заключить, что совершение захоронения в подбое происходило в полном соответствии с общей концепцией обряда тюрок раннего Средневековья. Каких-либо отклонений в традициях погребального ритуала, а также характерном для кочевников данной общности составе сопроводительного инвентаря при исследовании могил с боковой нишей не зафиксировано. Важно отметить, что на территории Монголии, Алтая и Минусинской котловины захоронения в подбое раскопаны на могильниках в одной группе с «обычными» объектами [Молодин, Новиков, Соловьев, 2003; Турбат, Амартувшин, Эрдэнэбат, 2003, т. 108; Худяков, 2004, с. 28–32]. Все это позволяет утверждать, что погребения в боковой нише не являются инокультурными по отношению к другим памятникам рассматриваемой общности. Судя по всему, такие объекты принадлежали определенной группе населения в рамках археологической культуры раннесредневековых тюрок.

В связи со слабой степенью изученности системы мировоззренческих представлений кочевников символическое значение захоронений в боковой нише могильной ямы в традициях тюрок 2-й половины I тыс. н.э. остается дискуссионным. Исходя из общей логики погребального обряда кочевников подбой мог в более усложненной форме, чем перегородка или приступка, демонстрировать отделение умершего человека от находившейся рядом лошади. Другое объяснение может быть связано со стремлением создания «тайного» захоронения, позволявшего избежать осквернения могилы в случае ограбления.

Впускные и скальные захоронения

Помимо курганных объектов, представляющих собой наиболее распространенный тип памятников тюрок Монголии 2-й половины I тыс. н.э., зафиксированы также ***впускные погребения***. Основной характеристикой таких комплексов является отсутствие надмогильных сооружений. Два впускных захоронения исследованы на некрополе Бурхан-Толгой [Турбат, Амартувшин, Эрдэнэбат, 2003, т. 107–108, 271; Эрдэнэбаатар, Турбат, Худяков, 2004] (рис. 9). Оба погребения «впущены» в насыпи курганов №25 и 60 хуннского времени и совершены в заполнении могильной ямы на глубине 1,05 и 1,6 м от поверхности.

Анализ впускных захоронений тюрок Алтае-Саянского региона позволяет предложить несколько вариантов интерпретации таких объектов. Для погребений Монголии наиболее справедливым представляется объяснение, связанное с причинами социального порядка. Большую часть впускных захоронений тюрок раннего Средневековья, исследованных в Алтае-Саянском регионе, отличает скудность сопроводительного инвентаря. Исследованы и вполне «стандартные» в этом отношении объекты [Грязнов, 1940, с. 20; Могильников, Елин, 1983, с. 129–130; Тишкин, Горбунов, 2003], однако общая тенденция очевидна. Впускные захоронения, раскопанные на некрополе Бурхан-Толгой, также характеризуются ограниченным набором предметов. Судя по всему, характер погребения был связан с невысоким социальным статусом, которым обладали умершие люди при жизни. Вместе с тем не стоит исключать и того, что появление этих специфичных объектов связано с обстоятельствами смерти человека, его особым прижизненным положением или другими факторами, не получившими отражение в археологических материалах.

Рис. 9. Впускное погребение в кургане №60 комплекса Бурхан-Толгой
(по: [Эрдэнэбаатар, Турбат, Худяков, 2004, рис. 1])

Особой группой комплексов тюрок Монголии 2-й половины I тыс. н.э. являются *скальные захоронения*. К настоящему времени известна уже серия таких объектов, исследованных на памятниках Арцат Дэл [Хурэлсух, 2008, т. 297, з. 2, 3, 10], Жаргалант Хайрхан [Турбат и др., 2008; Törbat at all, 2009; Турбат, Батсух, Батбаяр, 2010; и др.], Рашаантын Ам [Хурэлсух, Мунхбаяр, 2004, т. 20–22, з. 2], Шивээт Цанхир-I [Хурэлсух, Мунхбаяр, т. 22–23, з. 1]. Общей характеристикой комплексов является случайный характер их обнаружения и то, что практически все они были в разной степени потревожены

к моменту их исследования археологами. Вместе с тем благодаря особым условиям совершения захоронения обозначенные объекты отличаются значительно лучшей степенью сохранности органических материалов, по сравнению с традиционными погребениями.

Детальная интерпретация раннесредневековых скальных захоронений Монголии требует проведения специального исследования. Однако даже предварительный анализ имеющихся материалов позволяет отметить дискуссионность их культурной атрибуции. Так, большая часть объектов относятся к последней четверти I тыс. н.э. – периоду, когда традиции тюрок уже находились в упадке, а население рассматриваемой общности испытывало значительное влияние иноэтничных групп кочевников. Кроме того, во всех комплексах отсутствует сопроводительное захоронение лошади, хотя зафиксировано конское снаряжение. Близкие аналогии скальным погребениям Монголии, в том числе по составу инвентаря, известны в различных районах Алтае-Саянского региона [Кызласов, 1986; Худяков, Кочеев, Моносов, 1996; и др.].

Заключение

Таким образом, погребальные сооружения тюрок Монголии периода раннего Средневековья достаточно типичны и не отличаются от подобных конструкций, исследованных на территории Алтае-Саянского региона. Особенностью рассматриваемых объектов является редкость обнаружения ряда показателей. В частности, в процентном соотношении реже зафиксированы дополнительные конструктивные элементы курганной насыпи (крепида, ограда), а также околочурганские объекты. Учитывая в целом аналогичный характер погребального ритуала и сопроводительного инвентаря, не анализируемых в настоящей публикации, подчеркнем, что имеются все основания рассматривать погребения тюрок Монголии и Алтае-Саянского региона в рамках одной общности кочевников раннего Средневековья и связывать с «восточными» тюрками, известными по письменным источникам. Немногочисленность памятников Монголии, учитывая количество объектов, исследованных на Алтае, в Туве и Минусинской котловине, можно объяснить лишь отсутствием опыта проведения целенаправленных и массовых раскопок погребений рассматриваемой общности, а также сравнительно низкой степенью изученности обозначенной территории в целом. Осуществление систематических археологических исследований в различных районах Монголии, своевременная публикация полученных материалов, а также введение в научный оборот результатов работ прошлых лет позволят наполнить фактическим материалом исторические построения, основанные преимущественно на сведениях письменных источников.

Библиографический список

Боровка Г.И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия. Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведенных в 1925 году. Л. : Изд-во АН СССР, 1927. С. 43–88.

Бородовский А.П. Исследование одного из погребально-поминальных комплексов древнетюркского времени на Средней Катунь // Археология Горного Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 75–82.

Вайнштейн С.И. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М. ; Л. : Наука, 1966. Т. II. С. 292–334.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М. ; Л. : Наука, 1965. 146 с.

Грязнов М.П. Раскопки на Алтае // Сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1940. Вып. I. С. 17–21.

Грязнов М.П., Худяков Ю.С. Кыргызское время // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск : Наука, 1979. С. 146–159.

Гунчинсүрэн Б., Марколонго Б., Пужетта М., Базаргур Д., Болорбат Ц. Турэгийн уед холбогдох хоёр булшны тухай // Археологийн судлал. 2005. Т. XXIII. Т. 104–112.

Евтохова Л.А. О племенах Центральной Монголии в IX в. // Советская археология. 1957. №2. С. 207–217.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., Шкода В.Г. Золотой брактеев из Монголии. Византийский мотив в центральноазиатской торовитике // Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии. Информационный бюллетень. 1990. Вып. 16. С. 5–16.

Кубарев В.Д. Палаш с согдийской надписью из древнетюркского погребения на Алтае // Северная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск : Наука, 1992. С. 25–36.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. 400 с.

Кубарев Г.В., Со Гилсу, Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Лхундев Г., Баярхуу Н., Ким Хый Чхан, Канн Сом, Чжон Вон Чхоль. Исследование древнетюркских памятников в долине реки Хар-Ямаатын-Гол (Монгольский Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIII. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. С. 298–303.

Кызласов И.Л. Новый вид погребальных памятников Южной Сибири // Материал по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск : ГАНИИИЯЛ, 1986. С. 100–129.

Левашова В.П. Два могильника кыргыз-хакасов // МИА СССР. №24. М. : Наука, 1952. С. 121–136.

Миняев С.С. К проблеме генезиса средневековых подбойных погребений Южной Сибири // Вопросы военного дела и демографии Сибири в эпоху средневековья. Новосибирск : НГУ, 2001. С. 123–128.

Митько О.А., Тетерин Ю.В. О культурно-дифференцирующих признаках древнетюркских погребений на Среднем Енисее // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. Т. I. С. 396–403.

Могильников В.А. Курганы Кара-Коба-II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1983 гг. Горно-Алтайск : ГАНИИИЯЛ, 1983. С. 52–89.

Могильников В.А., Елин В.Н. Курганы Талдура // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 гг. Горно-Алтайск : ГАНИИИЯЛ, 1983. С. 127–153.

Молодин В.И., Новиков А.В., Соловьев А.И. Погребальные комплексы древнетюркского времени могильника Кальджин-VIII // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. №2. С. 71–86.

Москалев М.Н., Табалдиев К.Ш., Митько О.А. Культура средневекового населения внутреннего Тянь-Шаня и сравнительный анализ с сопредельными регионами Центральной Азии. Бишкек : Кыргызский нац. гос. ун-т : Новосиб. гос. ун-т, 1996. 259 с.

Наван Д., Сумьябаатар Б. Овог монгол хэл бичийн чухаг дурсгал. Улаанбаатар : Шинжлэх Ухааны Академийн хэвлэл, 1987. 155 т.

Нестеров С.П. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск : Наука, 1990. 143 с.

Олзийбаяр С. Огооморийн уйгур булш // Туухийн судлал. 2007. Т. XXXVII. Т. 26–31.

Поселянин А.И., Киргинцев Э.Н., Тараканов В.В. Исследование средневекового могильника Белый Яр-II // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Новосибирск : НГУ, 1999. С. 88–116.

Савинов Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии. Новосибирск : Наука, 1982. С. 102–122.

Серегин Н.Н. Погребальные сооружения тюркской культуры Саяно-Алтая (систематизация и анализ) // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, политология. 2009. №4/2 (64/2). С. 190–194.

Серегин Н.Н. Могилы с подбоем в погребальном обряде раннесредневековых кочевников Саяно-Алтая и сопредельных территорий: проблемы интерпретации // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 7. С. 134–142.

Серегин Н.Н. Социальная организация раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии (по материалам погребальных комплексов). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. 206 с.

Серегин Н.Н. Изучение и интерпретация погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Монголии (историографический аспект) // Теория и практика археологических исследований. 2014. №1 (9). С. 101–114.

Серегин Н.Н., Шелепова Е.В. Тюркские ритуальные комплексы Алтая (2-я половина I тыс. н.э.): систематизация, анализ, интерпретация. Барнаул : Азбука, 2015. 168 с.

Смирнов Ю.А. Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. Исследование, тексты, словарь. М. : Восточная литература, 1997. 279 с.

Соенов В.И. Археологический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск : Б.и., 1993. 95 с.

Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек : Айбек, 1996. 256 с.

Табалдиев К.Ш., Худяков Ю.С. Древнетюркский памятник Беш-Таш-Короо // Памятники культуры древних тюрок в Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : НГУ, 1999. С. 55–81.

Тетерин Ю.В. Древнетюркские погребения могильника Маркелов Мыс-1 // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск : НГУ, 2000. С. 27–54.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Раннетюркское погребение на могильнике Яконур (по материалам раскопок М.П. Грязнова) // Древности Алтая. №10. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2003. С. 107–117.

Трифонов Ю.И. Конструкции древнетюркских курганов Центральной Тувы // Первобытная археология Сибири. Л. : Наука, 1975. С. 185–193.

Турбат Ц., Амартувшин Ч., Эрдэнэбат У. Эгийн голын сав нутгийн археологийн дурсгалууд. Улаанбаатар : Соёмбо принтинг, 2003. 295 с.

Турбат Ц., Батсүх Д., Батбаяр Т. Скальное захоронение с музыкальным инструментом в Монгольском Алтае (предварительные оценки) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. С. 264–265.

Турбат Ц., Батсүх Д., Батбаяр Т., Баярхуу Н., Идэрхангай Т. Монгол алтайгаас илэрсэн хадны оршуулгууд // Археологийн судлал. 2008. Т. XXVI. Т. 274–292.

Флеров В.С. Постпогребальные обряды Центрального Предкавказья в I в. до н.э. – IV в. н.э. и Восточной Европы в IV в. до н.э. – XIV в. н.э. М. : ТАУС, 2007. 372 с.

Худяков Ю.С. Древнетюркское погребение на могильнике Терен-Кель // Гуманитарные науки в Сибири. 1999. №3. С. 21–26.

Худяков Ю.С. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. 152 с.

Худяков Ю.С., Кочеев В.А., Моносов В.М. Балтарганские находки // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. №3. С. 46–53.

Худяков Ю.С., Турбат Ц. Древнетюркское погребение на памятнике Элст Хутул в Северной Монголии // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Новосибирск : НГУ, 1999. С. 82–87.

Худяков Ю.С., Цэвэндорж Д. Древнетюркское погребение из могильника Цаган-Хайрхан-Уул в Северо-Западной Монголии // Памятники культуры древних тюрок в Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : НГУ, 1999. С. 82–90.

Хурэлсүх С. Монгол нутах дахь агуйн эртний оршуулгын судалгааны байдал // Археологийн судлал. 2008. Т. XXVI. Т. 293–310.

Хурэлсүх С., Мунхбаяр Л. Рашаантын Ам ба Цанхирын агуйн оршуулгууд // Acta Historica. 2004. Т. V. Т. 20–30.

Цэвэндорж Д., Кубарев В.Д., Лхундэв Г., Кубарев Г.В., Баярхуу Н. Хар Ямаатын Түрэгийн үеийн дурсгалуудын малтлагын үр дүн // Археологийн судлал. 2008. Т. XXVI. Т. 262–273.

Шульга П.И., Горбунов В.В. Фрагмент доспеха из тюркского кенотафа в долине р. Сентелек // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 112–130.

Эрдэнэбаатар Д., Турбат Ц., Худяков Ю.С. Древнетюркское впускное погребение на памятнике Эгин-Гол в Северной Монголии // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2004. Вып. 2. С. 175–181.

Эрдэнэбат У., Батсайхан З., Дашдорж Б., Амарбилэг Ч. Архангай аймгийн Хотонт сумын ну-таг Олон Дов хэмээх газар 2010 онд хийсэн археологийн шинжилгээ // Археологийн судлал. 2011. Т. XXX. Т. 146–185.

Эрдэнэболд Л., Одбаатар Ц., Анхбаяр Б. Овор хавцалын амны турэг булш // Нуудэлчдийн ов судлал. 2010. Т. X. Fasc. 9. Т. 125–132.

Erdelyi I., Dorjsuren C., Navan D. Results of the Mongolian-Hungarian archaeological expeditions 1961–1964 (a comprehensive report) // Acta archaeologica. 1967. T. XIX. P. 335–370.

Törbat Ts., Batsükh D., Bemmman J., Höllmann T.O., Zieme P. A Rock Tomb of the Ancient Turkic Period in the Zhargalant Khairkhan Mountains, Khovd Aimag, with the Oldest Preserved Horse-head Fiddle in Mongolia – a Preliminary Report // Current Archaeological Research in Mongolia. Bonn, 2009. P. 365–383.

N.N. Seregin

FUNERAL CONSTRUCTIONS OF TURKS IN MONGOLIA (2nd half of I thousand AD)

The article considers the results of systematization and the analysis of funeral constructions of early medieval Turks investigated in Mongolia. The author uses all known materials of the excavation which have been carried out by the Mongolian and foreign archaeologists since the second quarter of the 20 century up to the present. Emphasis is made on features of the land and intra sepulchral constructions recorded during studying of necropolises in the 2nd half of I thousand. The author discusses the problems of interpretation of inlet graves, and also burials in a grave niche. Difficulties of interpretation of the non-numerous rocky objects, on a number of indicators correlated to the culture of early medieval Turks are shown. The main approach used in the article is a comparative analysis of the funeral complexes in the territory of Mongolia with more numerous materials of research in Altai-Sayan region. Taking into account the revealed character of funeral constructions, and also the specifics of ritual and accompanying tools which are not presented in the article, there are all grounds to consider burials of early medieval Turks of Mongolia and the Altai-Sayan region within one community. It could be related to “east” Turkic peoples, known by written sources. Small number of such sites in Mongolia, considering the number of the objects investigated in the Altai Mountain, Tuva and Minusinsk Depression, can be explained with the lack of purposeful excavation of Turkic burials and low degree of study of the designated territory in general.

Key words: Mongolia, Turkic peoples, Early Middle ages, funeral constructions, Altai-Sayan region, comparative analysis.

References

Borodovskiy A.P. Issledovanie odnogo iz pogrebal'no-pominal'nykh kompleksov drevnetyurkskogo vremeni na Sredney Katuni [The study of one of the burial and memorial complexes of ancient Turkic time on the Middle Katun]. Arkheologiya Gornogo Altaya [Archaeology of the Altai Mountains]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1994. Pp. 75–82.

Borovka G.I. Arkheologicheskoe obsledovanie srednego techeniya r. Toly [Archaeological research of the middle flow of the Tola river]. Severnaya Mongoliya. Predvaritelnye otchety lingvisticheskoy i arkheologicheskoy ekspeditsiy o rabotakh, proizvedennykh v 1925 godu [Northern Mongolia. Preliminary reports of the linguistic and archaeological expeditions of the work done in 1925]. Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1927. Pp. 43–88.

Erdelyi I., Dorjsuren C., Navan D., Results of the Mongolian-Hungarian archaeological expeditions 1961–1964 (a comprehensive report). Acta archaeologica, vol. XIX, 1967. Pp. 335–370.

Erdenebaatar D., Turbat Ts., Khudyakov Yu.S. Drevnetyurkskoe vpusknoe pogrebenie na pamyatnike Egin-Gol v Severnoy Mongolii [Ancient Turkic burial monument on the Egin Gol monument in northern Mongolia]. Tsentralnaya Aziya i Pribaykale v drevnosti [Central Asia and the Baikal region in ancient times], 2. Ulan-Ude : Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2004. Pp. 175–181.

Erdenebat U., Batsaykhan Z., Dashdorzh B., Amarbileg Ch. Arkhangay ayngiin Khotont sumyn nutag Олон Дов khemeekh газар 2010 онд khiysen arkheologiyн шинzhilgee. Arkheologiyн судлал, vol. XXX, 2011. Pp. 146–185.

Erdenebold L., Odbaatar Ts., Ankhbayar B. Ovor khavtsalyn amny tureg bulsh. Nuudelchdiyn ov судлал, vol. X. Fasc. 9, 2010. Pp. 125–132.

Evtyukhov L.A. O plemenakh Tsentralnoy Mongolii v IX v. [On the Central Mongolian tribes in the IX century]. *Sovetskaya arkhaeologiya* [Soviet archaeology], 2. 1957. Pp. 207–217.

Flerov V.S. Postpogrebal'nye obyady Tsentralnogo Predkavkaz'ya v I v. do n.e. – IV v. n.e. i Vostochnoy Evropy v IV v. do n.e. – XIV v. n.e. [Post burial rites in the central Caucasus in I BC. – IV BC and Eastern Europe in the IV BC – XIV century. BC]. Moscow : TAUS, 2007. 372 p.

Gavrilova A.A. Mogilnik Kudyrgе kak istochnik po istorii altayskikh plemen [Burial Kudyrgе as a source on the history of Altai tribes]. Moscow ; Leningrad : Nauka, 1965. 146 p.

Gryaznov M.P. Raskopki na Altae [The excavations in Altai]. *Sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Collection of the State Hermitage], 1. Leningrad, 1940. Pp. 17–21.

Gryaznov M.P., Khudyakov Yu.S. Kyrgyzskoe vremya [Kyrgyz time]. *Kompleks arkhеologicheskikh pamyatnikov u gory Tepsey na Enisee* [The complex of archaeological monuments at Mount Teps on the Yenisei]. Novosibirsk : Nauka, 1979. Pp. 146–159.

Gunchinsuren B., Markolongo B., Puzhetta M., Bazargur D., Bolorbat Ts. Turegiyn ued kholbogdokh khoer bulshny tukhay. *Arkheologiyin sudlal*, vol. XXIII. 2005. Pp. 104–112.

Khudyakov Yu.S. Drevnetyurkskoe pogrebenie na mogilnike Teren-Kel [Turkic burial in the cemetery Teren-Kul]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia], 3, 1999. Pp. 21–26.

Khudyakov Yu.S. Drevnie tyurki na Enisee [Ancient Turks on the Yenisei]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkhеologii i etnografii SO RAN, 2004. 152 p.

Khudyakov Yu.S., Kocheev V.A., Monosov V.M. Baltarganskіe nakhodki [Baltargan findings]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia], 3, 1996. Pp. 46–53.

Khudyakov Yu.S., Tsevendorz D. Drevnetyurkskoe pogrebenie iz mogil'nika Tsagan-Khayrkhan-Uul v severo-zapadnoy Mongolii [Ancient Turkic burial of Tsagaan-Uul Khairkhan, in the north-western Mongolia]. *Pamyatniki kul'tury drevnikh tyurok v Yuzhnoy Sibiri i Tsentralnoy Azii* [Cultural monuments of the ancient Turks in Southern Siberia and Central Asia]. Novosibirsk : NGU, 1999. Pp. 82–90.

Khudyakov Yu.S., Turbat Ts. Drevnetyurkskoe pogrebenie na pamyatnike Elst Khutul v Severnoy Mongolii [Ancient Turkic burial monument at Elst Hutul in northern Mongolia]. *Evraziya: kulturnoe nasledie drevnikh tsivilizatsiy* [Eurasia: the cultural heritage of ancient civilizations], 2. Novosibirsk : NGU, 1999. Pp. 82–87.

Khurelsukh S. Mongol nutakh dakh' aguyrn erniy orshuulgyn sudalgaany baydal. *Arkheologiyin sudlal*, vol. XXVI, 2008. Pp. 293–310.

Khurelsukh S., Munkhbayar L. Rashaantyn Am ba Tsankhiryn aguyrn orshuulguud. *Acta Historica*, vol. V, 2004. Pp. 20–30.

Klyashtornyy S.G., Savinov D.G., Shkoda V.G. Zolotoy brakteat iz Mongolii. Vizantiyskiy motiv v tsentralnoaziatskoy torevitike [Gold bracteates from Mongolia. Byzantine motif in the Central Asian toreutics]. *Mezhdunarodnaya assotsiatsiya po izucheniyu kul'tur Tsentralnoy Azii. Informatsionnyy byulleten* [International Association for the Study of Central Asian cultures. News bulletin], 16. 1990. Pp. 5–16.

Kubarev G.V. Kul'tura drevnikh tyurok Altaya (po materialam pogrebalnykh pamyatnikov) [The culture of the ancient Turks of Altai (based on funerary monuments)]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkhеologii i etnografii SO RAN, 2005. 400 p.

Kubarev G.V., So Gilsu, Kubarev V.D., Tseveendorzh D., Lkhundev G., Bayarkhuu N., Kim Khyy Chkhan, Kann Som, Chzhon Von Chkhol. Issledovanie drevnetyurkskikh pamyatnikov v doline reki Khar-Yamaatyn-Gol (Mongolskiy Altay) [The study of ancient Turkic monuments in the valley of Har Yamahatyn Gol (Mongolian Altai)]. *Problemy arkhеologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territoriy* [Problems of archaeology, ethnography, anthropology, Siberia and adjacent territories], vol. XIII. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkhеologii i etnografii SO RAN, 2007. Pp. 298–303.

Kubarev V.D. Palash s sogdiyskoy nadpisyu iz drevnetyurkskogo pogrebeniya na Altae [Broadsword with Sogdian inscription from ancient Turkic burial in Altai]. *Severnaya Aziya i sosednie territorii v srednie veka* [North Asia and neighboring territories in the Middle Ages]. Novosibirsk : Nauka, 1992. Pp. 25–36.

Kyzlasov I.L. Novyy vid pogrebal'nykh pamyatnikov Yuzhnoy Sibiri [A new type of funerary monuments of Southern Siberia]. *Material po arkhеologii Gornogo Altaya* [The material on archeology of the Altai Mountains]. Gorno-Altaysk : GANIIYAL, 1986. Pp. 100–129.

Levashova V.P. Dva mogil'nika kyrgyz-khakasov [Two burials of the Kyrgyz-Khakas]. *MIA SSSR*, 24. Moscow : Nauka, 1952. Pp. 121–136.

Minyaev S.S. K probleme genezisa srednevekovykh podboynykh pogrebeniy Yuzhnoy Sibiri [On the problem of the genesis of medieval burials of Southern Siberia]. *Voprosy voennogo dela i demografii Sibiri v epokhu srednevekovya* [Questions of warfare and demography of Siberia in the Middle Ages]. Novosibirsk : NGU, 2001. Pp. 123–128.

Mitko O.A., Teterin Yu.V. O kul'turno-differentsiruyushchikh priznakakh drevnetyurkskikh pogrebeniy na Srednem Enisee [About cultural differentiating features of ancient Turkic burials in the Middle Yenisei in Siberia]. *Sibir v panorame tysyacheletiy* [Siberia in the panorama of the millennium], vol. I. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 1998. Pp. 396–403.

Mogil'nikov V.A. Kurgany Kara-Koba-II [Mounds of Kara-Koba-II]. *Arkheologicheskie issledovaniya v Gornom Altae v 1980–1983 gg* [Archaeological research in the Altai Mountains in the 1980–1983]. Gorno-Altaysk : GANIIIYAL, 1983. Pp. 52–89.

Mogil'nikov V.A., Elin V.N. Kurgany Taldura [Taldura Mounds]. *Arheologicheskie issledovaniya v Gornom Altae v 1980–1982 gg*. [Archaeological research in the Altai Mountains in the 1980–1982]. Gorno-Altaysk : GANIIIYAL, 1983. Pp. 127–153.

Molodin V.I., Novikov A.V., Solovov A.I. Pogrebalnye komplekсы drevnetyurkskogo vremeni mogil'nika Kaldzhin-VIII [Funerary complex of ancient Turkic burial Kaldzhin time-VIII]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia], 2. 2003. Pp. 71–86.

Moskalev M.N., Tabaldiev K.Sh., Mitko O.A. Kul'tura srednevekovogo naseleniya vnutrennego Tyan'-Shanya i sravnitel'nyy analiz s sopredelnymi regionami Tsentralnoy Azii [The culture of the medieval population of internal Tien-Shan and the comparative analysis with the neighboring regions of Central Asia]. *Bishkek : Kyrgyzskiy nats. gos. un-t : Novosib. gos. un-t*, 1996. 259 p.

Navan D., Sumyabaatar B. Ovog mongol khel bichiyn chukhag dursgal. Ulaanbaatar : Shinzhlekh Ukhaany Akademiyn khevllel, 1987. 155 p.

Nesterov S.P. Kon' v kul'takh tyurkoyazychnykh plemen Tsentralnoy Azii v epokhu srednevekovya [The horse in the cults of the Turkic-speaking Central Asian tribes in the Middle Ages]. Novosibirsk : Nauka, 1990. 143 p.

Olziybayar S. Ogoomoriyn uygur bulsh. Tuukhiyn sudlal, vol. XXXVII, 2007. Pp. 26–31.

Poselyanin A.I., Kirginekov E.N., Tarakanov V.V. Issledovanie srednevekovogo mogil'nika Bely Yar-II [The study of medieval burial Bely Yar-II]. *Evraziya: kul'turnoe nasledie drevnykh tsivilizatsiy* [Eurasia: the cultural heritage of ancient civilizations], 2. Novosibirsk : NGU, 1999. Pp. 88–116.

Savinov D.G. Drevnetyurkskie kurgany Uzuntala (k voprosu o vydelenii kurayskoy kul'tury) [Ancient burial mounds of Uzuntala (the question of the allocation of the Kurai culture)]. *Arkheologiya Severnoy Azii* [Archaeology of North Asia]. Novosibirsk : Nauka, 1982. Pp. 102–122.

Seregin N.N. Izuchenie i interpretatsiya pogrebal'nykh kompleksov rannesrednevekovykh tyurok Mongolii (istoriograficheskiy aspekt) [The study and interpretation of early medieval burial complexes of the Turks in Mongolia (historiographical aspect)]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* [Theory and practice of archaeological research], 1 (9), 2014. Pp. 101–114.

Seregin N.N. Pogrebal'nye sooruzheniya tyurkskoy kul'tury Sayano-Altaya (sistematzatsiya i analiz) [Funeral constructions of Turkic culture of Sayano-Altay (systematization and analysis)]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya, politologiya* [News of Altay State University: History, Political Science], 2 (64/2), 2009. Pp. 190–194.

Seregin N.N. Sotsial'naya organizatsiya rannesrednevekovykh tyurok Altae-Sayanskogo regiona i Tsentral'noy Azii (po materialam pogrebal'nykh kompleksov) [The social organization of early medieval Turkic tribes of the Altay-Sayan region and Central Asia (based on funerary complexes)]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2013. 206 p.

Seregin N.N., Shelepova E.V. Tyurkskie ritual'nye komplekсы Altaya (2-ya polovina I tys. n.e.): sistematzatsiya, analiz, interpretatsiya [Altai Turkic ritual complexes (2nd half of I millennium BC.): Systematization, analysis, interpretation]. Barnaul: Azbuka, 2015. 168 p.

Shulga P.I., Gorbunov V.V. Fragment dospekha iz tyurkskogo kenotafa v doline r. Sentelek [Detail of the armor of the Turkic cenotaph in the Sentelek river]. *Materialy po voennoy arkheologii Altaya i sopredelnykh territoriy* [Materials on military archaeology of Altai and adjacent territories]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2002. Pp. 112–130.

Smirnov Yu.A. Labirint: Morfologiya prednamerennogo pogrebeniya. Issledovanie, teksty, slovar' [Labyrinth: the morphology of intentional burial. Study texts, Dictionary]. Moscow : Vostochnaya literatura, 1997. 279 p.

Soenov V.I. Arkheologicheskiy slovar' Gornogo Altaya [Archaeological Dictionary of the Altai Mountains]. Gorno-Altaysk : B.i., 1993. 95 p.

Tabaldiev K.Sh. Kurgany srednevekovykh kochevykh plemen Tyan'-Shanya [Mounds of the medieval nomadic tribes of the Tien Shan]. Bishkek : Aybek, 1996. 256 p.

Tabaldiev K.Sh., Khudyakov Yu.S. Drevnetyurkskiy pamyatnik Besh-Tash-Koroo [Old Turkic monument of Besh-Tash-Koro]. Pamyatniki kul'tury drevnikh tyurok v Yuzhnoy Sibiri i Tsentralnoy Azii [Cultural monuments of the ancient Turks in Southern Siberia and Central Asia]. Novosibirsk : NGU, 1999. Pp. 55–81.

Teterin Yu.V. Drevnetyurkskie pogrebeniya mogil'nika Markelov Mys-I [Ancient burial cemetery Markelov Cape-I]. Pamyatniki drevnetyurkskoy kul'tury v Sayano-Altai i Tsentralnoy Azii [Monuments of Ancient Culture at the Sayano-Altai and Central Asia]. Novosibirsk : NGU, 2000. Pp. 27–54.

Tishkin A.A., Gorbunov V.V. Rannetyurkskoe pogrebenie na mogil'nike Yakonur (po materialam raskopok M.P. Gryaznova) [Early Turkic burial in the cemetery Yakonur (based on excavation Hraznova MP)]. Drevnosti Altaya [Antiquities of the Altai], 10. Gorno-Altaysk : GAGU, 2003. Pp. 107–117.

Törbat Ts., Batsükh D., Bemann J., Höllmann T.O., Zieme P. A Rock Tomb of the Ancient Turkic Period in the Zhargalant Khairkhan Mountains, Khovd Aimag, with the Oldest Preserved Horse-head Fiddle in Mongolia – a Preliminary Report. Current Archaeological Research in Mongolia. Bonn, 2009. Pp. 365–383.

Trifonov Yu.I. Konstruktsii drevnetyurkskikh kurganov Tsentralnoy Tuvy [Construction mounds of ancient Turks of Central Tuva]. Pervobytnaya arkheologiya Sibiri [Prehistoric archaeology of Siberia]. Leningrad : Nauka, 1975. Pp. 185–193.

Tsevendorzh D., Kubarev V.D., Lkhundev G., Kubarev G.V., Bayarkhuu N. Khar Yamaatyn Tyregiyn yeiyn dursgaluudyn maltlagyn yr dyn. Arkheologiyn sudlal, vol. XXVI, 2008. Pp. 262–273.

Turbat Ts., Amartuvshin Ch., Erdenebat U. Egiyn golyn sav nutgiyn arkheologiyn dursgaluud. Ulaanbaatar : Soembo printing, 2003. 295 p.

Turbat Ts., Batsukh D., Batbayar T. Skalnoe zakhoronenie s muzykalnym instrumentom v Mongolskom Altai (predvaritelnye otsenki) [Rock burial with a musical instrument in Mongolian Altai (preliminary estimates)]. Drevnie kultury Mongolii i Baykalskoy Sibiri [Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia]. Ulan-Ude : Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2010. Pp. 264–265.

Turbat Ts., Batsukh D., Batbayar T., Bayarkhuu N., Iderkhangay T. Mongol altaygaas ilersen khadny orshuulguud. Arkheologiyn sudlal, vol. XXVI, 2008. Pp. 274–292.

Vaynshteyn S.I. Pamyatniki vtoroy poloviny I tysyacheletiya v Zapadnoy Tuve [Monuments of the second half of the I millennium in Western Tuva]. Trudy Tuvinskoy kompleksnoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii [Proceedings of the complex archaeological and ethnographic expedition], vol. II. Moscow ; Leningrad : Nauka, 1966. Pp. 292–334.

ФОРМАТИВНЫЙ ПЕРИОД В АРХЕОЛОГИИ ЭКВАДОРА: АНАТОМИЯ ТЕРМИНА И ВОПРОСЫ ПРАКТИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ*

Статья посвящена проблеме практической адаптации локальных периодизационных схем к задачам сравнительных исследований в рамках крупных географических регионов (в нашем случае, в тихоокеанском бассейне). С такой проблемой столкнулись участники первого совместного российско-эквадорского археологического проекта в ходе стационарных раскопок памятника Реаль-Альто (прибрежная часть провинции Санта-Элена) в 2014–2015 гг. Реаль-Альто является опорным памятником культуры вальдивия (5500–3500 л.н.), которая по действующей периодизации относится специалистами к так называемому «формативному периоду». В статье приводятся детальный анализ анатомии термина «формативный период», история его введения в оборот по материалам древних культур Южной Америки, ключевые публикации по теме, содержательная часть, особенности использования применительно к древним культурам на территории Эквадора, а также возможность полной или частичной корреляции этого термина с действующей терминологией и периодизацией неолита Российского Дальнего Востока (Приморье, Приамурье) и Японского архипелага.

Ключевые слова: Южная Америка, Эквадор, формативный период, хронология, Реаль-Альто, ранняя керамика.

DOI: 10.14258/tpai(2016)1(13).-08

Проблема периодизации – одна из традиционных и излюбленных для дискуссий тем как в отечественной, так и в мировой археологии в целом. Рассматривая периодизацию как исключительно важный инструмент в арсенале исследователя, следует иметь в виду, что, во-первых, она не может (в силу постоянного притока новых археологических материалов) иметь законченный характер, а, во-вторых, не может быть универсальна для различных (по природным условиям) регионов мира [Клейн, 2000]. С другой стороны, исследования одновременных по хронологии культур в разных регионах мира неизбежно приводят к сравнительным процедурам и оценке возможностей интерпретировать события культурогенеза в рамках периодизации, смысл и принципы которой одинаково понятны специалистам в этих регионах.

Именно с такой проблемой и столкнулись участники первого совместного российско-эквадорского археологического проекта в ходе стационарных раскопок памятника Реаль-Альто (прибрежная часть провинции Санта-Элена) (рис. 1). Реаль-Альто является опорным памятником культуры вальдивия (Valdivia), которая по действующей периодизации относится специалистами к «формативному периоду» (Formative period) (5500–2500 л.н.), а если точнее – к его «раннему этапу» (Early Formative) (5500–3500 л.н.), и подразделяется на восемь последовательных фаз (Phase). Первые две фазы определяются как «ранняя вальдивия» (Valdivia I–II, исп. – Valdivia Temprana) (5500–4300 л.н.). Более того, внутри эти ранние фазы также подразделяются на Ia–Ib и IIa–IIb. Такая вот сложная и не вполне понятная для отечественного читателя картинка.

* Работа выполнена в Лаборатории комплексных археологических исследований (Школа гуманитарных наук, ДВФУ, Владивосток).

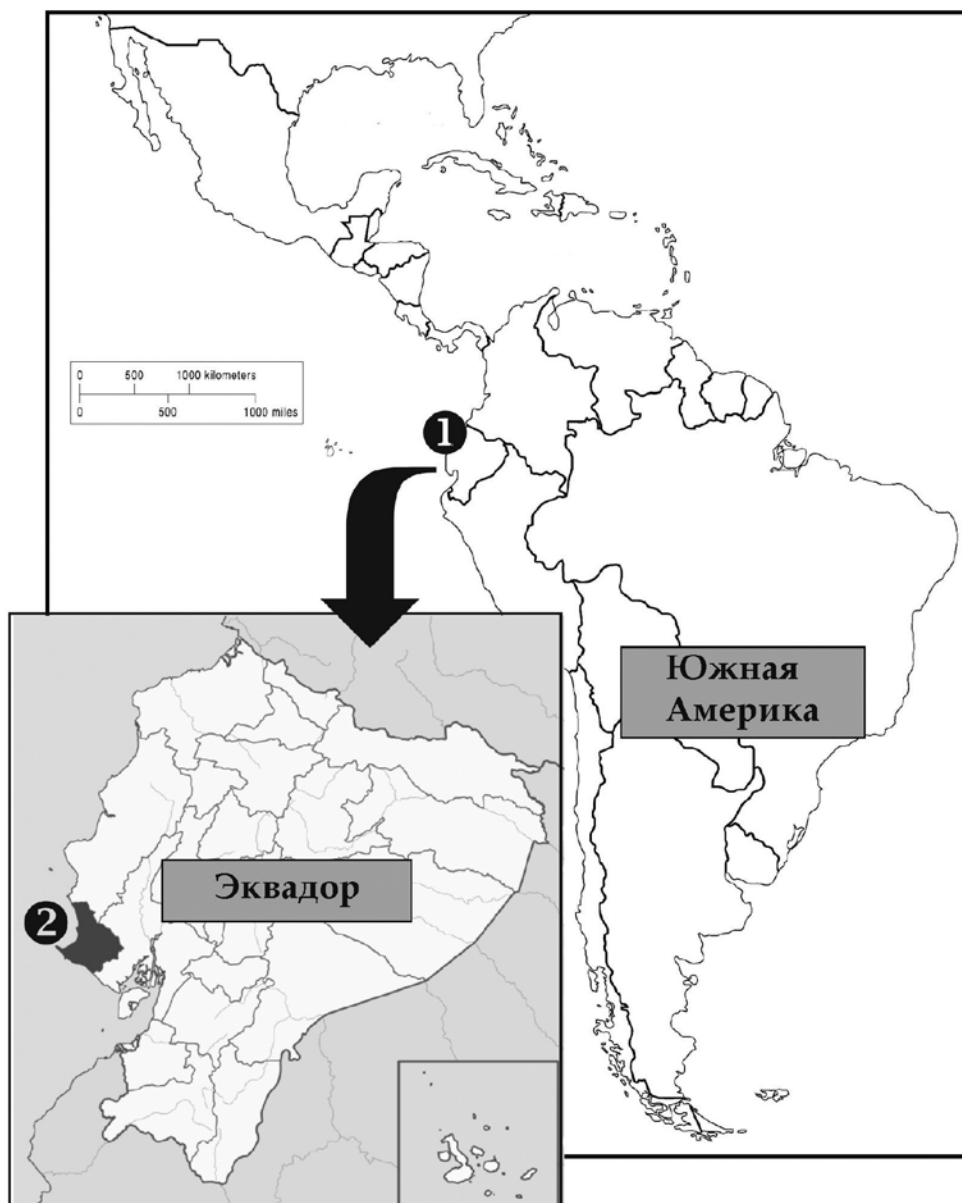

Рис. 1. 1 – Эквадор; 2 – Провинция Санта-Элена, основная часть ареала культуры вальдивия

При определении приоритетных задач совместных археологических исследований на памятнике Реаль-Альто было решено в первую очередь сконцентрировать наши усилия на изучении перехода от докерамической культуры к раннекерамической и выяснении времени и характера (местного/импортного) возникновения производства самой ранней керамической посуды в регионе. Напомним, что именно с культурой вальдивия и территорией Эквадора вот уже более полувека связана дискуссия об ис-

токах южноамериканского гончарства. Существуют версии на любой вкус: о местном изобретении технологии, о ее заимствовании из районов Амазонии или Колумбии, а также о возможной интродукции из-за океана носителями культуры дзёмон (Японский архипелаг) [Табарев, Маркос, Попов, 2013; Табарев, 2014].

За два первых сезона раскопок (2014–2015 гг.) был получен обширный археологический (камень, керамика) и фаунистический (раковины, кости рыб, птиц, животных) материал, участники проекта приступили к его детальной интерпретации и публикации на русском, английском и испанском языках [Табарев, Каномата, 2015]. Результаты радиоуглеродного датирования по целой серии образцов (уголь, кость), которые мы ожидаем в скором времени, позволят аргументировать хронологию культуросодержащих отложений и, соответственно, выйти на построение новой периодизационной схемы. В связи с этим мы предварительно решили детально разобраться с термином «формативный период» – историей его введения в оборот, содержательной частью, особенностями использования применительно к древним культурам на территории Эквадора, а также возможностью полной или частичной корреляции этого термина с привычными нам по работе с материалами Российского Дальнего Востока понятиями «неолит», «ранний неолит», «средний неолит» и т.д.

Площадка журнала «Теория и практика археологических исследований», по нашему мнению, предоставляет идеальную возможность для таких сюжетов, в которых в равной степени присутствуют элементы анализа теоретических проблем, истории археологических исследований и (как в нашем случае) тематики зарубежной археологии.

*

Итак, 100 лет назад известный американский археолог-маянист Г. Спинден* в своем выступлении на Международном конгрессе американистов в Вашингтоне (1915 г.) сформулировал идею о том, что истоки цивилизаций Анд и Мезоамерики следует искать в общем древнем культурном пласте (периоде). Его центр, по мнению Г. Спиндена, находился в районах зарождения культуры майя и характеризовался ранним земледелием (маис), керамической посудой, лепными фигурками из обожженной глины и церемониальными комплексами с земляными платформами [Spinden, 1917]. Идея была воспринята коллегами с интересом, но дальнейшего развития не получила, поскольку археологическое изучение ранних этапов доколумбовых цивилизаций еще только начиналось, и фактического материала было мало.

К построению периодизационных схем американские археологи активно приступили в конце 1940-х гг. Это было связано с реализацией целого ряда крупных программ и проектов в Мезоамерике и Южной Америке, в числе которых особо следует выделить комплексное изучение долины р. Виру на перуанском побережье в 1946–1947 гг.** По итогам этого проекта свои варианты предлагали такие известные специалисты, как Д. Бёрд, У. Беннет, У. Стронг, Г. Уилли. Так, по мнению У. Стронга***, в развитии культур Анд можно выделить следующие периоды:

* Герберт Спинден (Herbert Spinden), 1879–1967 гг. Здесь и далее мы по возможности приводим полное написание имен и даты жизни исследователей, что облегчит поиск информации об их публикациях и научной карьере для интересующихся читателей. – *А.Т.*

** Viru Valley Project – участие в нем приняли археологи из ведущих научных учреждений США (Смитсоновский институт, Йельский университет, Колумбийский университет) [Табарев, 2006, с. 77–78].

*** Уильям Стронг (Willam Duncan Strong), 1899–1962 гг.

- доземледельческий (Preagricultural);
- период развития (Developmental),
- формативный период (Formative);
- период расцвета (Florescent);
- период объединения (Fusion);
- имперский период (Imperial);
- колониальный период (Colonial) [Strong, 1948, p. 98].

Его коллега Г. Уилли* (рис. 2) в своей схеме оперировал понятием «горизонт» и вкладывал в него одновременно функциональный, территориальный и хронологический принципы:

- докерамический горизонт (Preceramic);
- чавинский горизонт (Chavin Horizon);
- формативный горизонт (Formative);
- горизонт бело-красной керамики (White-on-Red Horizon);
- негативный** горизонт (Negative Horizon);
- региональный классический (Regional Classic);
- Тиауанако (Tiahuanaco Horizon);
- экспансионистский горизонт (Expansionistic);
- Инка (Inca Horizon) [Willey, 1948, p. 9].

Рис. 2. Гордон Уилли

В 1953 г. на конференции Американской антропологической ассоциации, посвященной корреляции данных о развитии цивилизаций в доколумбовой Америке, на Ближнем Востоке и в Китае, активно обсуждалась модель, согласно которой сходство природных условий предопределило и последовательность в развитии культур:

* Гордон Уилли (Gordon Randolph Willey), 1913–2002 гг.

** В данном случае имеется в виду тип орнамента (так называемый негативный).

– период начального земледелия;
– формативный период (ранний и поздний этапы);
– период регионального расцвета;
– период экспансий (начальные завоевания, региональные царства, империи) [Civilizations..., 1955]. Материалы конференции были изданы отдельным томом под общей редакцией известного американского археолога-теоретика Д. Стюарта*.

В наиболее концентрированном виде характеристика места и содержания формативного периода дана в 1950-х гг. в серии работ (две статьи и монография) (рис. 3) уже упоминавшегося Г. Уилли и его коллеги Ф. Филлипса** под общим названием «Метод и теория в американской археологии» [Phillips, Willey, 1953, 1958; Willey, Phillips, 1955]. Предлагая свой вариант периодизации доколумбовых культур, они распространили его на всю территорию Нового Света и выделяли шесть периодов:

- раннекаменный период (Early Lithic);
- архаический период (Archaic);
- преформативный период (Preformative);
- формативный период (Formative);
- классический период (Classic);
- постклассический период (Postclassic) [Willey, Phillips, 1955, p. 729].

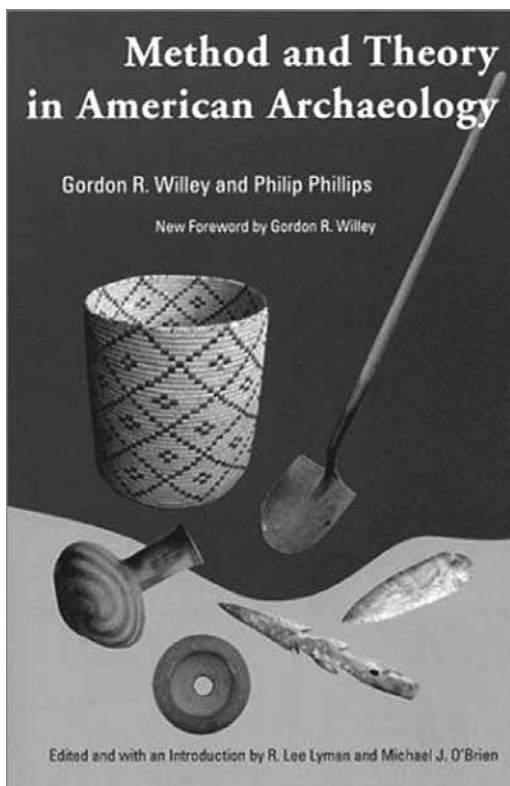

Рис. 3. Обложка одного из изданий книги Г. Уилли и Ф. Филлипса

* Джулиан Стюард (Julian Haynes Steward), 1902–1972 гг.

** Филипп Филлипс (Philip Phillips), 1990–1994 гг.

В этой схеме архаический период определялся как время «культур бродячих охотников-собираателей», которые вследствие вымирания плейстоценовой фауны были вынуждены перейти на промысел более мелких животных и искать альтернативные источники питания.

Преформативный период, по признанию самих авторов, выполнял, скорее, теоретическую роль, нежели подтверждается конкретными археологическими материалами. Слишком разительны были отличия культур охотников-собираателей (архаический период) от культур ранних земледельцев, поэтому преформативный период указывал на некое переходное время.

Культуры формативного периода (во время которого формируются основы цивилизаций) характеризуются наличием земледелия (маис или маниока), оседлым образом жизни, ростом размеров поселений, производством керамической посуды, ткачеством, обработкой камня и появлением церемониальной архитектуры [Willey, Phillips, 1955, p. 765]. На момент написания работ далеко не все регионы Америки демонстрировали археологические материалы, соответствующие этим характеристикам. В частности Г. Уилли и Ф. Филлипс отмечали, что «... для эквадорского побережья данные очень бедные...» [Willey, Phillips, 1955, p. 774]. На самом деле, новые данные по этим районам появились уже в 1956 г., но книга американских теоретиков (1958 г.) была полностью основана на материалах их статей 1953 и 1955 гг., когда этими данными они не располагали.

*

Использование термина «формативный» для территории Эквадора имеет свою историю и свои особенности. Именно Эквадор преподнес в конце 1950-х гг. «археологический сюрприз», который поставил в тупик сторонников универсальных периодизационных моделей.

Но это случится позже, а в начале XX в. для Эквадора не существовало даже условной схемы последовательности культур. Было лишь ясно, что на территории страны есть памятники, относящиеся к империи инков, и есть отдельные находки, которые могли быть связаны с каменным веком. Между этими культурами был огромный хронологический пробел.

Первым за решение этой задачи взялся археолог-любитель Х. Хихон-и-Кааманьо* (рис. 4). Он не только активно изучал эквадорские древности, но и живо интересовался археологией Анд в целом, а также исследованиями в Центральной Америке и Мезоамерике. Не случайно в 1919 г. Х. Хихон-и-Кааманьо пригласил для работы в Эквадор уже известного к тому времени своими исследованиями в Боливии и Перу немецкого археолога М. Уле**. На территории этих стран М. Уле аргументированно выделил периоды, предшествующие инкам (пре-инка и тиауанако), и был уверен в том, что и в Эквадоре ситуация будет сходной. Однако это оказалось не так. Раскопки в южных провинциях (Асуай, Лоха, Каньяр) показали, что знакомых М. Уле доинкских археологических маркеров практически нет. Специфика местного материала и увлечение «гипердиффузионизмом»*** не позволили немецкому специалисту предложить какую-либо новую периодизацию для культур Эквадора.

* Хасинто Хихон-и-Кааманьо (Jacinto Jijón y Caamaño), 1896–1950 гг.

** Макс Уле (Max Uhle), 1856–1944 гг. О работах М. Уле в Южной Америке см., например: [Табарев, 2006, с. 56–59].

*** М. Уле, например, высказывал предположение о том, что южноамериканские культуры связаны с мощным импульсом из Мезоамерики: носители культуры майя, якобы, завоевали территории Эквадора и Перу.

Рис. 4. Х. Хихон-и-Кааманьо

М. Уле покинул страну в 1933 г., так фактически и не решив задачу построения периодизационной модели. Приглашавший его Х. Хихон-и-Кааманьо опубликовал ряд интересных работ по археологии Эквадора, но также пытался использовать периодизации, разработанные для Центральных Анд и Мезоамерики.

К 1936–1937 гг. относятся первые сведения о культуре чоррера*, памятники и отдельные фрагменты керамики которой были обнаружены британцем Дж. Бушнеллом на полуострове Санта-Элена и эквадорцем Ф. Рендоном в бассейне р. Гуаяс. Первооткрывателем считается именно Ф. Рендон, поскольку книга Дж. Бушнелла увидела свет только в 1951 г.**

Новый этап связан именно с событиями 1950-х гг. Основная часть Эквадора оставалась малоизученной. В особенности это касается побережья Эквадора, оно было практически неисследованным и для большинства археологов интереса не представляло. В 1953 г. эквадорский предприниматель, меценат и археолог-любитель Э. Эстрада*** специально встречается в Смитсоновском институте в Вашингтоне с супругами Б. Меггерс**** и К. Эвансом***** (рис. 5), чтобы заинтересовать их перспективой поисков и обнаружения в прибрежной части Эквадора следов ранних культур. Предложение было принято, и в 1954–1956 гг. американские специалисты производят первые исследования рядом с уже упоминавшейся асиендой Ла-Чоррера, а также на р. Напо.

* По названию асиенды Ла-Чоррера (Hacienda La Chorrera или Buena Esperanza) [Bruhns, 2008, p. 184].

** Bushnell G.H.S. The Archaeology of the Santa Elena Peninsula in South-West Ecuador. Cambridge, 1951. 172 p.

*** Эмилио Эстрада Икаса (Emilio Estrada Icaza), 1916–1961 гг.

**** Бетти Меггерс (Betty Jane Meggers), 1921–2012 гг.

***** Клиффорд Эванс (Clifford Evans), 1920–1981 гг.

Рис. 5. К. Эванс и Б. Меггерс

В конце 1956 г. Ф. Мартинес (сотрудник Э. Эстрада) в небольшой деревушке Вальдивия на берегу Тихого океана обнаружил памятник с необычной керамикой [Estrada, 1956], которая сразу же привлекла внимание эквадорских и американских археологов. В период с 1957 по 1961 г. Б. Меггерс, К. Эванс и Э. Эстрада заложили на памятнике Вальдивия (такое же имя получает и новая культура) серию траншей и шурфов [Estrada, 1958a–b; Evans, Meggers, 1958]. Главным итогом стала фундаментальная монография [Meggers, Evans, Estrada, 1965], новые периодизация и хронология древних культур (вальдивия и мачалилья) в прибрежной части Эквадора, а также гипотеза о возможном привнесении гончарства в Южную Америку с Японского архипелага носителями культуры дзёмон около 6 тыс. л.н. [Табарев, 2012].

Схема последовательности культур выглядела следующим образом:

- докерамический период – до 5000 л.н.;
- формативный период (с подразделением на ранний, средний и поздний периоды) – 5000–2500 л.н. (500 г. до н.э.);
- период регионального развития – 500 г. до н.э. – 500 г. н.э.;
- период интеграции – 500–1500 гг. н.э.;
- инкский период – от 1500 до начала конкисты.

Теперь более детально разберемся в этой схеме с формативным периодом. К раннеформативному времени (фазе) авторы относили культуру вальдивия, которую делили на четыре «периода» (A–B–C–D). В этой схеме «период А» датировался по радиоуглероду возрастом 5000–4300 л.н. К среднеформативному периоду была отнесена культура мачалилья, а к позднеформативному – чоррера.

В 1969 г. увидела свет еще одна знаковая работа – фундаментальное исследование американского археолога Д. Форда* (рис. 6) «Сравнение формативных культур в Америке» с важным подзаголовком «Диффузия или физическое единство человека?» (иными словами, сходства в культурах являются результатом диффузии или независимого происхождения в силу единства человеческой природы) [Ford, 1969]. Во ввдочной части работы Д. Форд комментирует определение формативного периода, данное Г. Уилли и Ф. Филлипсом, и весьма справедливо подмечает, что так называемый фор-

* Джеймс Форд (James Alfred Ford), 1911–1968 гг.

мативный период в Америке по своему содержанию наиболее близок к понятию «...раннего или начального неолита в Старом Свете. Неолит был бы очень хорошим термином, но американисты с большой неохотой восприняли бы любую терминологию, намекающую на связь со Старым Светом...» [Ford, 1969, p. 4]*.

Рис. 6. Д. Форд

Кроме того, он усматривал в определениях Г. Уилли и Ф. Филлипса два серьезных изъяна. Во-первых, во многих районах Мезоамерики и Анд земледелие появляется гораздо раньше, чем такие важные признаки формативного периода, как керамическая посуда и шлифованные каменные орудия. Во-вторых, самая ранняя керамика не была связана с земледелием. Их «союз» сформировался в Южной Америке около 5 тыс. л.н., в Мезоамерике – около 4 тыс. л.н., а в Северной – не ранее 3–2,5 тыс. л.н. Чтобы избежать этих недоразумений, Д. Форд предложил обозначить временной промежуток в три тысячи лет, во время которых такие элементы, как «...керамика, шлифованные каменные орудия, лепные фигурки, а также культивирование маиса или маниоки распространились и прочно вошли в образ жизни людей от Перу до восточных районов США...» [Ford, 1969, p. 5].

Формативный период, по мнению Д. Форда, можно подразделить на два этапа:

- колониальный формативный (Colonial Formative), связанный с распространением технологии керамического производства по Америке, – 5000–3200 л.н.;
- теократический формативный (Theocratic Formative), во время которого появляются монументальные сооружения и формы политико-религиозного контроля, – 3200–2400 л.н.

Культура вальдивия в построениях Д. Форда (он следует выводам Б. Меггерс и ее коллег) однозначно вписывается в рамки колониального формативного этапа, а вальдивийская керамика является одной из наиболее ранних во всем Новом Свете.

* Безусловно, Д. Форд имел в виду не весь Старый Свет, а Ближний Восток и районы, связанные с феноменом «неолитической революции».

Исключительно важным для детализации хронологии и периодизации древних культур на эквадорском побережье было время с середины 1960-х до середины 1980-х гг. В 1964 г. американский археолог Э. Ланнинг (Колумбийский университет) с группой студентов произвел исследования на полуострове Санта-Элена, результатом которых стало открытие серии докерамических памятников. Последующие раскопки одного из них (OGSE-80) дали богатый археологический, антропологический и фаунистический материал, который позволил выделить культуру лас-вегас (10800–6600 л.н.) [Stohtert, 1985]. Эта культура соответствует архаическому периоду и до сего дня является самой древней на эквадорском побережье.

В 1975 г. Б. Хилл по результатам анализа вальдивийской керамики предложила развернутую периодизацию этой культуры [Hill, 1975]. Главные отличия от предыдущей состояли в том, что Б. Хилл подразделяла вальдивию не на четыре этапа (как у Б. Меггерс), а на восемь фаз, из которых фаза I была древнее, чем этап «А» (по Б. Меггерс)*.

Выкладки Б. Хилл подтверждались и материалами новых памятников культуры вальдивия, изученных в прибрежной части Эквадора. В первую очередь речь идет о комплексе Реаль-Альто, открытом Х.Г. Маркосом** (рис. 7) в 1971 г. В 1974–1977 гг. на памятнике были произведены масштабные работы, подтвердившие, что на нем представлены все фазы (I–VIII) культуры вальдивия. Две первые были выделены как «ранняя вальдивия» (примерно 5500–4300 л.н. по радиоуглероду), а позднее Х. Маркос подразделил каждую из них на этапы (Ia, Ib, IIa, IIb) [Marcos, 2003]***. Кроме того, были получены дополнительные подтверждения того, что уже с самой ранней фазы культура вальдивия являлась земледельческой [Zevallos, Holm, 1960; Marcos, 2003].

Рис. 7. Х.Г. Маркос

* Дело в том, что на эпонимном памятнике (Вальдивия) эта ранняя фаза не была представлена, присутствие вальдивии начиналось лишь с фазы II.

** Хорхе Габриэль Маркос (Jorge Gabriel Marcos), 1932 г.р.

*** Сделано это было исключительно на основании анализа керамики и орнамента, стратиграфически эти подразделения не зафиксированы, поэтому большинство исследователей предпочитают пользоваться термином «ранняя вальдивия» для фаз I–II без их дробления.

Накапливались и вопросы. Ряд исследователей по наблюдениям за стратиграфией на памятнике Вальдивия (ниже периода «А») и раскопкам на памятнике Реаль-Альто (в слоях фаз I–II) выделили небольшой, но отличный от основного вальдивийского массива керамики комплекс, который получил название «Сан-Педро»*. Его хронологическая позиция и культурная принадлежность являются предметом дискуссий [Bischof, Gamboa, 1972]. Следует также отметить и то, что, несмотря на внушительный корпус радиоуглеродных дат по культурам лас-вегас и вальдивия, между ними сохраняется промежуток почти в тысячу лет, скрывающий механизм перехода от культуры охотников-собирателей к культуре ранних земледельцев.

Основное направление дискуссий последних двадцати лет – определение места культур эквадорского побережья в общей картине культурогенеза Андского региона и, соответственно, соотношение формативного периода в Эквадоре с аналогичными этапами в Перу, Боливии, Колумбии и Чили. При этом попыток выстроить некую единую и универсальную периодизацию уже не предпринимается.

Так, К. Брюнс в обобщающей работе «Древняя Южная Америка» констатирует, что наибольшее число периодизаций было предложено для территории Перу, но, несмотря на свое разнообразие и фундаментальность, они так и не получили подтверждения и практического применения в соседних странах в силу местной специфики [Bruhns, 1994, p. 11–12]. Р. Бургер обратил внимание на то, что при корреляции культур различных районов Южной Америки надо учитывать в равной степени «культурные контакты» и «культурные контрасты», а сам термин «эквадорский формативный период» не совсем корректен, ибо как отдельное государство Эквадор появляется лишь в 1830 г., логичнее говорить о территории Северных Анд (Эквадор, Колумбия, Венесуэла) [Burger, 2003, p. 466].

Л. Люмбрерас детально проанализировал ситуацию с формативным периодом в Перу и Эквадоре, еще раз подчеркнув, что она характеризуется не только разной продолжительностью, но и альтернативными вариантами развития: «формативный период без керамики и керамика до формативного периода» [Lumbregas, 2006, p. 11]. В свою очередь К. Монтенегро акцентирует внимание на характере и содержании контактов между культурами формативного периода в Эквадоре и Перу, которые, по его мнению, способствовали появлению сходных элементов в искусстве (прежде всего, в керамике), но не нарушали самобытности культур [Montenegro, 2014, p. 112].

Отдельно следует отметить публикацию материалов двух представительных тематических конференций по формативному периоду – «Формативный период в Южной Америке: Переоценка» г. Куэнка (Эквадор) в 1992 г. [Formativo Sudamericano, 2000] и «Археология формативного периода в Эквадоре» в 1995 г. в Библиотеке Дамбартон Оакс в г. Вашингтоне (США) [Archaeology of Formative Ecuador, 2003].

Наиболее, на наш взгляд, существенное отличие современного этапа дискуссии о формативном периоде заключается не только в том, что традиционные эволюционистская и диффузионистская модели уже более не используются, но и в том, что окончательно пройден этап наделения отдельных элементов (керамическая посуда, земледелие, оседлость, крупные ритуальные центры, монументальная архитектура и т.д.) статусом определяющего маркера формативного периода. Перспективу представляют разработки, основанные на мультидисциплинарном подходе, учете всего комплекса

* По названию соседнего с Вальдивия городка Сан-Педро.

климатических и природных факторов, с акцентом на независимое развитие локальных культурных центров (очагов) и их региональных и межрегиональных контактах [Handbook of South American Archaeology, 2008, p. 460].

В этом контексте, несмотря на более чем полувековую историю исследований, культура вальдивия (ранний формативный период) сохраняет интригу и продолжает вызывать вопросы. Если ее самый ранний этап уже демонстрирует навыки земледелия и развитые технологии гончарства, то вправе ли мы сравнивать их с ранним неолитом? Где истоки этих технологий? В соседних регионах или на побережье? Является ли культура лас-вегас (архаический период) прямым предшественником вальдивия, и что происходило в загадочном промежутке между 6600 и 5500 тыс. л.н.? Как его следует именовать? Постархаический, преформативный? И вообще, был ли этот промежуток между двумя культурами?

Вот на таком дискуссионном фоне в рамках совместной российско-эквадорской археологической экспедиции начался в 2014 г. новый этап исследований на памятнике Реаль-Альто.

*

Работы 1970-х гг. на Реаль-Альто – три траншеи (А, В, С), несколько раскопов и около десятка шурфов – затронули лишь небольшую часть памятника (не более 5% от всей площади). Как уже указывалось выше, нас интересовали самые ранние этапы истории Реаль-Альто, поэтому работы были сконцентрированы на северо-восточном участке памятника. Именно там прослеживается максимальная мощность культурных отложений.

На приведенном фото фрагмента восточной стенки раскопа 2014–2015 гг. выделены четыре горизонта (рис. 8), из которых один представляется частично смешанным и содержит, кроме керамики фаз вальдивия I–II, небольшое количество керамики фаз вальдивия III–V, а также единичные черепки, принадлежащие культуре мачалилья. Горизонт 2 документируется исключительно керамикой фаз I–II, горизонт 3 керамики не содержит, горизонт 4 является материком [Табарев, Маркос, Попов, 2015].

Рис. 8. Реаль-Альто. Восточная стенка раскопа 2014–2015 гг. Горизонты 1–4

Анализ стратиграфии, а также особенности распределения археологического материала позволяют нам в предварительном порядке предложить следующий вариант периодизации для комплекса Реаль-Альто:

– *бескерамический период (период начальной вальдивии)*, связанный с первыми следами присутствия человека на Реаль-Альто. Вполне возможно, что именно этот горизонт (горизонт 3, контакт горизонтов 3 и 2) позволит зафиксировать время зарождения технологии гончарства, первые образцы керамической посуды. Этот период по содержанию очень близок начальному и раннему неолиту на Российском Дальнем Востоке или изначальному/начальному дзёмону (Incipient/Initial Jomon) на Японском архипелаге*;

– *период ранней вальдивии*, время разрастания поселения на Реаль-Альто, совершенствования технологий производства керамической посуды, интенсификации земледелия. Это фазы I–II, они соответствуют среднему неолиту или раннему дзёмону (Early Jomon) по привычной нам терминологии (горизонт 2);

– *период развитой вальдивии*, время максимального расцвета культуры и максимальной площади поселения, время строительства земляных платформ и церемониальных площадок. Он совпадает с фазами III–V и условно соответствует развитому неолиту или среднему дзёмону (Middle Jomon) на Дальнем Востоке (горизонт 1);

– *период поздней вальдивии* (фазы VI–VIII) и мачалилья, что, по нашему мнению, соответствует позднему неолиту или позднему/финальному дзёмону (Late/Final Jomon) (горизонт 1).

В рамки этой периодизации комфортно укладываются раннеформативный (культура вальдивия) и среднеформативный (культура мачалилья) периоды.

Следующая за вальдивией и мачалильей чоррера, скорее всего, представляет собой не культуру, а «культурный горизонт» с рядом локальных вариантов. Наличие технологии обработки металлов (медь, золото, серебро) не позволяет проводить какие-либо аналогии с неолитическим временем. С нашей точки зрения, это по содержанию очень похоже на период палеометалла для Российского Дальнего Востока и Японского архипелага.

Таким образом, не разрушая конструкцию *формативного периода* для побережья Эквадора, мы, с одной стороны, ее детализируем, а, с другой – адаптируем для российских читателей и проведения сравнительных исследований в рамках Азиатско-Тихоокеанского региона в целом. Эффективность данной схемы будет проверена уже в самое ближайшее время с получением новых радиоуглеродных датировок, в ходе анализа полученных материалов и при продолжении раскопок на памятнике Реаль-Альто.

*

Автор глубоко признателен профессорам К. Брюнс (США), К. Стосерт (США), Х.Г. Маркосу (Эквадор), а также своим российским коллегам к.и.н. А.Н. Попову (ДВФУ, Владивосток) и к.и.н. Е.С. Острировой (Институт археологии РАН, Москва) по совместной работе в Эквадоре за ценные комментарии и плодотворное обсуждение сюжетов, затронутых в настоящей статье.

* По мнению большинства специалистов, сигналом начала неолитического периода (начальный неолит, изначальный дзёмон) на Дальнем Востоке считается появление керамической посуды. Причем она появляется в контексте присваивающей экономики и с земледелием никак не связана. Для территории Эквадора ситуация иная: известно, что уже носители культуры лас-вегас (архаический период) экспериментировали с маисом и тыквой, а ранние вальдивийцы занимались земледелием в формате огородничества. В нашей рабочей периодизации для Реаль-Альто мы также используем керамический маркер, но делаем акцент не на сам факт появления керамической посуды, а на ее количественные и качественные параметры.

Библиографический список

- Клейн Л.С. Археологическая периодизация: подходы и критерии // *Stratum Plus*. 2000. №1. С. 485–515.
- Табарев А.В. Введение в археологию Южной Америки. Анды и тихоокеанское побережье : учебное пособие. Новосибирск: Сибирская научная книга, 2006. 244 с.
- Табарев А.В. Как начиналась легенда (культура вальдивия и дискуссия о возможности трансокеанских контактов в Пасифике) // Юбилей Лидера. – Тихоокеанская археология. 2012. Вып. 23. С. 94–133.
- Табарев А.В. Культурный и палеоэкономический аспекты появления древнейшей керамической посуды на востоке Евразии и в Южной Америке (Колумбия, Эквадор) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань : Отечество, 2014. Т. I. С. 354–356.
- Табарев А.В., Каномата Й. «Тропический пакет»: особенности каменных индустрий древнейших культур Тихоокеанского бассейна (на примере побережья Эквадора) // Археология, этнография, антропология Евразии. 2015. №3 (43). С. 64–76.
- Табарев А.В., Маркос Х.Г., Попов А.Н. Эквадор: по следам одной необычной археологической гипотезы // Наука из первых рук. 2013. №5–6. С. 124–141.
- Табарев А.В., Маркос Х.Г., Попов А.Н. Штурм Королевских холмов. Русская археологическая экспедиция в Эквадоре // Наука из первых рук. 2015. №2 (62). С. 112–125.
- Archaeology of Formative Ecuador. Washington, D.C. : Dumbarton Oaks, 2003. 567 p.
- Bruhns K. Ancient South America. Cambridge : Cambridge University Press, 1994. 424 p.
- Bruhns K. A Series of Unfortunate Events, or the Best Intentions Thwarted: A Brief History of Archaeological Time in the Northern Andes // *Ñawpa Pacha: Journal of Andean Archaeology*. 2008. №29. P. 179–190.
- Burger R.L. Conclusions: Cultures of the Ecuadorian Formative in Their Andean Context // *Archaeology of Formative Ecuador*. Washington, D.C. : Dumbarton Oaks, 2003. P. 465–486.
- Estrada E. Valdivia, un sitio arqueológico formativo de la Costa de la Provincia del Guayas // *Publicación del Museo Víctor Emilio Estrada*. Guayaquil. 1956. №1.
- Estrada E. Las culturas pre-clásicas, formativas o arcaicas del Ecuador. Guayaquil : Museo Victor Emilio Estrada, 1958a. 113 p.
- Estrada E. Valdivia, un sitio arqueológico formativo en la costa de la Provincia del Guayas, Ecuador // *American Journal of Archaeology*. 1958b. V. 62 (4). P. 459.
- Evans C., Meggers B.J. Valdivia: An Early Formative Culture of Ecuador // *Archaeology*. 1958. Vol. II, №3. P. 175–182.
- Ford J.A. A Comparison of Formative Cultures in the Americas: Diffusion or the Psychic Unity of Man? // *Smithsonian Contributions to Anthropology*. 1969. №11.
- Formativo Suamericano, Una Revaluación. Quito : Ediciones Abya-Yala, 2002. 404 p.
- Handbook of South American Archaeology. New York : Springer, 2008. 1192 p.
- Hill B. A New Chronology of the Valdivia Ceramic Complex from the Coastal Zone of Guayas Province, Ecuador // *Ñawpa Pacha*. 1975. №10/12. P. 1–39.
- Irrigation Civilizations: A Comparative Study / Ed. by J.H. Steward // *Social Science Monographs*. 1955. Vol. 1. 78 p.
- Lumbreras L.G. Un Formativo sin cerámica y cerámica preformativa // *Estudios Atacamecos. Arqueología y Antropología Surandinas*. 2006. №32. P. 11–34.
- Marcos J.G. A Reassessment of the Ecuadorian Formative // *Archaeology of Formative Ecuador*. Washington, D.C. : Dumbarton Oaks, 2003. P. 7–32.
- Meggers B., Evans C., Estrada E. Early Formative Period of Coastal Ecuador: The Valdivia and Machalilla Phases // *Smithsonian Contributions to Archaeology*. 1965. №1.
- Montenegro C.M. El Periodo Formativo en los Andes Septentrionales y sus relaciones con los Andes Centrales // *Arqueología y Sociedad*. 2014. №27. P. 111–130.
- Phillips P., Willey G.R. Method and Theory in American Archaeology. I : An Operational Basis for Culture-Historical Interpretation // *American Anthropologist*. 1953. Vol. 55. P. 615–633.
- Phillips P., Willey G.R. Method and Theory in American Archaeology. Chicago : Chicago University Press, 1958. 290 p.

Spinden H. The Origin and Distribution of Agriculture in America. Proceedings of the 19th International Congress of Americanists, Washington, D.C. 1915. Washington, D.C., 1917. P. 269–276.

Stothert K.E. The Preceramic Las Vegas Culture of Coastal Ecuador // *American Antiquity*. 1985. V. 50. P. 613–637.

Strong W.D. Cultural Epochs and Refuse Stratigraphy in Peruvian Archaeology // *Society for American Archaeology. Memoirs*. 1948. Vol. 4. P. 93–102.

Willey G.R. Functional Analysis of «Horizon Styles» in Peruvian Archaeology // *Society for American Archaeology. Memoirs*. 1948. Vol. 4. P. 8–15.

Willey G.R., Phillips P. Method and Theory in American Archaeology. II : Historical-Developmental Interpretation // *American Anthropologist*. 1955. Vol. 57. P. 723–819.

Zevallos C.M., Holm O. Excavaciones arqueológicas en San Pablo: Informe preliminar. Guayaquil : Editorial Casa de la Cultura Ecuatoriana, 1960. 14 p.

A.V. Tabarev

FORMATIVE PERIOD IN THE ARCHAEOLOGY OF ECUADOR: ANATOMY OF THE TERM AND ITS PRACTICAL USE

The article is devoted to the adaptation of local periodizations to the tasks of comparative studies in frames of large geographical regions (in our case, within the Pacific Basin). The participants of the first joint Russian-Ecuadorian archaeological project faced the problem in 2014–2015 during the excavation of Real Alto site, coastal part of Santa Elena Province. Real Alto is the basic site of Valdivia culture (5500–3500 BP) which belongs to the so called “Formative Period” according to current periodization. The article deals with the detailed anatomy of the term “Formative Period”, its substantial part, history of its introduction into the description of the ancient cultures of South America, key publications on the topic, along with the peculiarities of its use for the ancient cultures on the territory of Ecuador, and with the total or partial correlation with the actual terminology and periodization of the Neolithic in the Russian Far East (Maritime Region, Amur Region), and Japanese Archipelago.

Key words: South America, Ecuador, Formative period, chronology, Real Alto, early pottery.

References

- Archaeology of Formative Ecuador. Washington, D.C. : Dumbarton Oaks, 2003. 567 p.
- Bruhns K. A Series of Unfortunate Events, or the Best Intentions Thwarted: A Brief History of Archaeological Time in the Northern Andes. *Ñawpa Pacha: Journal of Andean Archaeology*, 29, 2008. Pp. 179–190.
- Bruhns K. *Ancient South America*. Cambridge : Cambridge University Press, 1994. 424 p.
- Burger R.L. *Conclusions: Cultures of the Ecuadorian Formative in Their Andean Context*. Archaeology of Formative Ecuador. Washington, D.C. : Dumbarton Oaks, 2003. Pp. 465–486.
- Estrada E. *Las culturas pre-clásicas, formativas o arcaicas del Ecuador*. Guayaquil : Museo Victor Emilio Estrada, 1958a. 113 p.
- Estrada E. *Valdivia, un sitio arqueológico formativo de la Costa de la Provincia del Guayas*. Publicación del Museo Victor Emilio Estrada. Guayaquil, 1, 1956.
- Estrada E. *Valdivia, un sitio arqueológico formativo en la costa de la Provincia del Guayas, Ecuador*. *American Journal of Archaeology*, v. 62 (4), 1958b. Pp. 459.
- Evans C., Meggers B.J. *Valdivia: An Early Formative Culture of Ecuador*. *Archaeology*, vol. II, 3, 1958b. Pp. 175–182.
- Ford J.A. *A Comparison of Formative Cultures in the Americas: Diffusion or the Psychic Unity of Man?* *Smithsonian Contributions to Anthropology*, 11, 1969.
- Formativo Suamericano, Una Revaluación*. Quito : Ediciones Abya-Yala, 2002. 404 p.
- Handbook of South American Archaeology*. New York : Springer, 2008. 1192 p.
- Hill B. *A New Chronology of the Valdivia Ceramic Complex from the Coastal Zone of Guayas Province, Ecuador*. *Ñawpa Pacha*, 10/12, 1975. Pp. 1–39.
- Irrigation Civilizations: A Comparative Study*. J.H. Steward, ed. *Social Science Monographs*, vol. 1. 1955. 78 p.

Kleyn L.S. Arkheologicheskaya periodizatsiya: podkhody i kriterii [Archaeological periodization: approaches and criteria]. *Stratum Plus*, 1, 2000. Pp. 485–515.

Lumbreras L.G. Un Formativo sin ceramica y ceramica preformativa. *Estudios Atacamecos. Arqueologia y Antropologia Surandinas*, 32, 2006. Pp. 11–34.

Marcos J.G. A Reassessment of the Ecuadorian Formative // *Archaeology of Formative Ecuador*. Washington, D.C. : Dumbarton Oaks, 2003. Pp. 7–32.

Megers B., Evans C., Estrada E. Early Formative Period of Coastal Ecuador: The Valdivia and Machalilla Phases. *Smithsonian Contributions to Archaeology*, 1, 1965.

Montenegro C.M. El Periodo Formativo en los Andes Septentrionales y sus relaciones con los Andes Centrales. *Arqueologia y Sociedad*, 27, 2014. Pp. 111–130.

Phillips P., Willey G.R. Method and Theory in American Archaeology. I : An Operational Basis for Culture-Historical Interpretation. *American Anthropologist*, vol. 55, 1953. Pp. 615–633.

Phillips P., Willey G.R. Method and Theory in American Archaeology. Chicago : Chicago University Press, 1958. 290 p.

Spinden H. The Origin and Distribution of Agriculture in America. *Proceedings of the 19th International Congress of Americanists*, Washington, D.C. 1915. Washington, D.C., 1917. Pp. 269–276.

Stohtert K.E. The Preceramic Las Vegas Culture of Coastal Ecuador. *American Antiquity*, vol. 50, 1985. Pp. 613–637.

Strong W.D. Cultural Epochs and Refuse Stratigraphy in Peruvian Archaeology. *Society for American Archaeology. Memoirs*, vol. 4, 1948. Pp. 93–102.

Tabarev A.V. Kak nachinalas' legenda (kul'tura valdiviya i diskussiya o vozmozhnosti transoekanskikh kontaktov v Pasifike) [As the legend began (Valdivia culture and discussion on the possibility of transoceanic contacts in the Pacific)]. *Yubiley Lidera. – Tikhoekanskaya arkheologiya* [Jubilee of the Leader. – Pacific Archaeology], 23, 2012. Pp. 94–133.

Tabarev A.V. Kul'turnyy i paleoekonomicheskiy aspekty poyavleniya drevneyshey keramicheskoy posudy na vostokey Evrazii i v Yuzhnoy Amerike (Kolumbiya, Ekvador) [The cultural and paleo-economic aspects of emergence of ancient ceramic pottery in eastern Eurasia and South America (Colombia, Ecuador)]. *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'ezda v Kazani* [Proceedings of the IV (XX) All-Russia archaeological congress in Kazan], vol. I. Kazan : Otechestvo, 2014. Pp. 354–356.

Tabarev A.V. Vvedenie v arkheologiyu Yuzhnoy Ameriki. Andy i tikhoekanskoe poberezh'e: uchebnoye posobie [Introduction to the archaeology of South America. The Andes and the Pacific Coast: textbook]. Novosibirsk : Sibirskaya nauchnaya kniga, 2006. 244 p.

Tabarev A.V., Kanomata Y. "Tropicheskii paket": osobennosti kamennykh industriy drevneyshikh kul'tur Tikhoekanskogo basseyna (na primere poberezhya Ekvadora). ["Tropical Package": features of stone industries of ancient cultures of the Pacific basin (on the example of Ecuador's coast)]. *Arkhaeologiya, etnografiya, antropologiya Evrazii* [Archaeology, ethnography and anthropology of Eurasia], 3 (43), 2015. Pp. 64–76.

Tabarev A.V., Markos Kh.G., Popov A.N. Ekvador: po sledam odnoy neobychnoy arkheologicheskoy gipotezy [Ecuador: following the footsteps of one unusual archaeological hypothesis]. *Nauka iz pervykh ruk* [Science First Hand], 5–6, 2013. Pp. 124–141.

Tabarev A.V., Markos Kh.G., Popov A.N. Shturm Korolevskikh kholmov. Russkaya arkheologicheskaya ekspeditsiya v Ekvadore [The storming of the Royal Hills. Russian archaeological expedition in Ecuador]. *Nauka iz pervykh ruk* [Science First Hand], 2 (62), 2015. Pp. 112–125.

Willey G.R. Functional Analysis of "Horizon Styles" in Peruvian Archaeology. *Society for American Archaeology. Memoirs*, vol. 4, 1948. Pp. 8–15.

Willey G.R., Phillips P. Method and Theory in American Archaeology. II : Historical-Developmental Interpretation. *American Anthropologist*, vol. 57, 1955. Pp. 723–819.

Zevallos C.M., Holm O. Excavaciones arqueológicas en San Pablo: Informe preliminar. Guayaquil : Editorial Casa de la Cultura Ecuatoriana, 1960. 14 p.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

УДК 902.01

И.В. Мерц¹, С.В. Святко²

¹Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова,
Павлодар, Казахстан;

²*14CHRONO Centre for Climate, the Environment, and Chronology,
Queen's University Belfast, UK*

РАДИОУГЛЕРОДНАЯ ХРОНОЛОГИЯ ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО И ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА. ПЕРВЫЙ ОПЫТ*

Работа направлена на обобщение имеющихся радиоуглеродных дат и определение хронологической протяженности раннего бронзового века и его основных культурных образований в Северо-Восточном и Восточном Казахстане. Основой для исследования послужили радиоуглеродные даты, полученные по погребальным и поселенческим комплексам «ямного», елунинского и иных культурных типов региона. В результате проведенного исследования установлена протяженность периода в пределах XXIX–XVIII вв. до н.э. Нижнюю границу эпохи очерчивают энеолитические, а верхнюю – андроновские памятники. Очевидно, что при создании радиоуглеродной хронологической шкалы непринятие во внимание пресноводного резервуарного эффекта, эффекта старого дерева, а также недостаточная тщательность при отборе образцов ведут к ее существенному искажению. В работе также была предпринята попытка соотнесения хронологии раннебронзовых памятников региона с культурными образованиями степной и лесостепной зон Евразии, а также с восточноевропейской периодизацией бронзового века. В результате установлена относительная синхронность исторических процессов, происходивших в евразийских степях в эпоху бронзы. По-видимому, существующие разночтения между восточноевропейской и азиатской периодизациями связаны с недостаточной изученностью памятников азиатской степной и лесостепной зон.

Ключевые слова: Северо-Восточный и Восточный Казахстан, ранний бронзовый век, елунинская культура, хронология, радиоуглеродное датирование, пресноводный резервуарный эффект.

DOI: 10.14258/tpai(2016)1(13).-09

До 1990-х гг. практически отсутствовали данные о памятниках предандроновского времени Северо-Восточного и Восточного Казахстана; имеющийся немногочисленный материал не позволял составить целостную картину развития. Началу активного изучения этого почти неизвестного периода в древней истории Казахстана во многом способствовали работы Ю.Ф. Кирюшина и его учеников, ставшие основными ориентирами при разработке данной проблематики [Кирюшин, 1986, 1992, 2002; Кирюшин и др., 2003; Грушин, 2013 и др.]. В результате в настоящее время в регионе известны свыше сотни памятников раннего бронзового века и целый ряд случайных находок. При изучении любой эпохи крайне важно определить продолжительность изучаемого явления. Кроме традиционных археологических методов датирования, в науке активно применяются радиоизотопные методы, позволяющие напрямую установить радиоуглеродный (¹⁴C) возраст объектов и таким образом наиболее комплексно ре-

* Работа выполнена при финансовой поддержке бюджетной программы МОН РК «Грантовое финансирование научных исследований» на 2015–2017 гг. по теме «Хронология археологических памятников неолита – бронзового века Северо-Восточного и Восточного Казахстана» 4018/ГФ4, а также фонда Leverhulme Trust, грант RPG-2014-08.

шать вопросы хронологии и периодизации. По целому ряду причин для Казахстана отсутствует единая радиоуглеродная хронологическая шкала археологических культур, имеются лишь единичные даты и несколько серий по конкретным памятникам [Калиева, Логвин, 1997; Levine, Kislenko, 2002; Бейсенов и др., 2014; Frchetti, Mar'yashev, 2007, p. 231; Мерц, 2006; 2008; Stöllner und an., 2013; Ковалев, 2014 и др.]. Первые хронологические колонки по отдельным эпохам конкретных регионов стали появляться недавно [Svyatko et al., 2015; Beisenov et al., 2016]. Тем не менее отсутствие больших серий дат не позволяет выстроить непрерывную хронологическую шкалу по различным периодам, а также решить вопросы соотношения конкретных памятников и культур во времени.

Целью настоящей работы является определение хронологических рамок раннего бронзового века Северо-Восточного и Восточного Казахстана. Основные задачи исследования – обобщить имеющиеся радиоуглеродные даты, определить возраст и соотношение отдельных памятников между собой и с синхронными культурными образованиями на сопредельных территориях.

Ранний бронзовый век данного региона представлен памятниками «ямного», афанасьевского, елунинского, чемурчекского, а также других культурных типов, хронологическое соотношение которых между собой еще до конца не определено. В настоящее время по этим комплексам имеются 43 радиоуглеродные даты (табл.). Все они получены по разным материалам (древесный уголь, кости животных, рыб, человека, кальцинированные кости) и с использованием различных лабораторий и методик. Наибольшее количество дат ($n = 27$) получено по образцам из памятников елунинской культуры: 15 – по материалам однослойного поселения Шауке-8б, 10 – по грунтовому могильнику Шауке-1 [Svyatko et al., 2015], по одной дате – из кургана №1 могильника Шидерты-10 и слоя 1 стоянки Шидерты-3 [Мерц, 2008, с. 18]. Гораздо меньшее количество дат ($n = 14$) сформировалось по материалам курганных могильников так называемого чемурчекского типа – Айна-Булак-1, Копа, Булгартаботы [Ковалев, 2014, с. 148]. Еще три даты имеются с многослойного поселения Новая Шульба-IX [Stöllner und an., 2013, abb. 19]. Одна дата была получена по материалам кургана ямного типа Карагаш [Motuzaitė-Matuzevičiūtė et al., 2015, tab. 1] (рис. 1).

Радиоуглеродные даты памятников раннего бронзового века
Северо-Восточного и Восточного Казахстана

Лаб. шифр	Материал	Памятник	¹⁴ C возраст л.н. (BP)	Калибр. интервал, лет до н.э. (2σ)
Хроногруппа I				
UBA-22949 ⁵	кость человека	Карагаш, курган №2, могила-2	4257±32	2919–2715
ETH-33185 ^{6,7}	древесный уголь	Новая Шульба-IX, кв. 5/2, об. 4 (очаг), 24.06.05	4145±60	2888–2573
ETH-33208 ^{6,7}	древесный уголь	Новая Шульба-IX, кв. 5, об. 3	4075±60	2867–2475
Хроногруппа I: суммарная вероятность*				2879–2491
Хроногруппа II				
<i>Подгруппа А (елунинская)</i>				
СОАН-4984 ⁴	древесный уголь	Шидерты-3, земляная печь, над почвой «А»	3840±75	2486–2042

Окончание таблицы

Лаб. шифр	Материал	Памятник	¹⁴ C возраст л.н. (BP)	Калибр. интервал, лет до н.э. (2σ)
СОАН-4860 ⁴	древесный уголь	Шидерты-10, курган №1, погребение	3835±90	2563–2031
ЕТН-33209 ^{6,7}	древесный уголь	Новая Шульба-IX, кв. 4, об. 6 (яма), сл. 4–5	3920±60	2571–2208
УВА-26189 ⁹	кость рыбы	Шауке-8б, кв. А1, очаг 2	3802±37	2435–2063
УВА-26190 ⁹	кость травоядного	Шауке-8б, кв. А1, очаг 3	3624±48	2136–1884
УВА-26191 ⁹	древесный уголь	Шауке-8б, кв. А1, очаг 4	3532±34	1948–1754
УВА-26192 ⁹	кальцинир. кость травоядного	Шауке-8б, кв. А1, очаг 5	3501±29	1905–1744
УВА-26197 ⁹	кость рыбы	Шауке-8б, кв. А3	3771±39	2333–2038
УВА-26198 ⁹	кость МРС		3603±42	2130–1784
УВА-26199 ⁹	кальцинир. кость травоядного		3626±43	2134–1888
УВА-26200 ⁹	кость рыбы	Шауке-8б, кв. А1	3775±42	2339–2038
УВА-26201 ⁹	кость травоядного		3678±41	2196–1945
УВА-26202 ⁹	кальцинир. кость травоядного		3573±33	2025–1780
УВА-26203 ⁹	кость рыбы	Шауке-8б, кв. А2, яма	3810±43	2456–2137
УВА-26204 ⁹	кость МРС		3571±36	2027–1777
УВА-26205 ⁹	кальцинир. кость травоядного		3598±32	2033–1884
УВА-26890 ⁹	кость человека	Шауке-1, могила-1	3763±34	2289–2042
УВА-26891 ⁹	кость оленя/МРС		3710±41	2271–1976
УВА-26892 ⁹	кость человека	Шауке-1, могила-2	3772±33	2293–2047
УВА-26893 ⁹	кость овцы		3706±36	2202–1980
УВА-26894 ⁹	кость человека	Шауке-1, могила-3	3782±33	2334–2050
УВА-26895 ⁹	кость овцы		3761±40	2292–2036
УВА-26896 ⁹	кость человека	Шауке-1, могила-4	3883±37	2470–2212
УВА-26897 ⁹	кость овцы		3791±40	2427–2046
УВА-26898 ⁹	древесный уголь	Шауке-1, могила-5	3863±35	2463–2209
УВА-26899 ⁹	кальцинир. кости оленя/МРС		3883±32	2468–2234
Подгруппа А: суммарная вероятность*				2464–1775
<i>Подгруппа Б (чумурчкская)</i>				
СОАН-4156 ^{1,2}	кость человека	Айна-Булак-1, курган №1, из мог. ямы	3920±40	2562–2289
СОАН-4373 ^{1–3,8}	кость человека	Айна-Булак-1, курган №3, из мог. ямы	3570±60	2126–1746
СОАН-4857 ^{1–3,8}	кость человека		3630±45	2135–1890
СОАН-5341 ^{2,3,8}	кость травоядного		3330±35	1728–1517
СОАН-5342 ^{2,3,8}	кость человека		3360±40	1745–1532
СОАН-5343 ^{2,3,8}	кость человека		3340±25	1690–1533
СОАН-5344 ^{2,3,8}	кость человека		2800±85	1193–806
Ле-5879 ⁸	дерево		3690±50	2205–1938
СОАН-4374 ⁸	кость человека	Копя, курган №2, из мог. ямы	3595±50	2131–1775
СОАН-4858 ⁸	кость человека		4130±65	2886–2498
СОАН-5340 ⁸	кость травоядного		3200±45	1610–1396
Подгруппа Б: суммарная вероятность*				2201–1406
Хроногруппа II: суммарная вероятность*				2472–1431
Суммарная вероятность памятников раннего бронзового века*				2859–1427

Данные взяты из следующих источников: ¹[Дашковский и др., 2007]; ²[Ковалев, 2009]; ³[Ковалев, 2012]; ⁴[Мерц, 2008]; ⁵[Motuzaitė-Matuzevičiūtė et al., 2015]; ⁶[Stöllner und an., 2013]; ⁷[Stöllner und an. (in prep.)]; ⁸[Ковалев, 2014]; ⁹[Svyatko et al., 2015].

¹⁴C-даты откалиброваны с помощью программы CALIB 7.0 [Stuiver et al. 2013] и калибровочной кривой IntCal 13 [Reimer et al., 2013].

* При вычислении суммарных вероятностей даты по костям человека и рыб были исключены (см. рис. 2).

На основании этих радиоуглеродных дат продолжительность раннего бронзового века Северо-Восточного и Восточного Казахстана определяется в пределах XXIX–XVIII вв. до н.э. (табл., рис. 2). Наиболее ранние даты получены по костям человека из погребения-2 кургана ямного типа Карагаш и по древесному углю из объектов №3 и 4 в кв. 5/2 на поселении Новая Шульба-IX [Motuzaitė-Matuzėviciūtė et al., 2015, tab. 1; Stöllner und an., 2013, abb. 19]. Все три даты относятся к 1-й половине III тыс. до н.э. (хроногруппа I; табл., рис. 2).

Рис. 1. Карта расположения ^{14}C -датированных памятников раннего бронзового века Северо-Восточного и Восточного Казахстана

Курган Карагаш датируется концом XXX – началом XXVIII в. до н.э. (рис. 2). По археологическому материалу памятник был отнесен ко второму этапу ямной культурно-исторической общности [Евдокимов, Ломан, 1989, с. 45]. Краниологические исследования погребенного, по костям которого была получена ^{14}C -дата, установили его близость с ямным населением Волго-Уралья [Солодовников 2010, с. 240]. Радиоуглеродным методом памятники второго этапа ямной культуры датируются в Волго-Уралье XXXIV–XXIX вв. до н.э., в Приуралье – XXXIV–XXVII вв. до н.э. [Кузнецов, 2011, с. 89; Моргунова, 2014, с. 191, 195]. В этом же хронологическом диапазоне они, по-видимому, существовали и на остальных территориях распространения ямной культурно-исторической общности. В настоящее время исследователи по-разному понимают содержание и хронологические рамки ямной культуры [Пустовалов, 2001, с. 44, 46]. Однако многие сходятся во мнении, что граница между ранним и средним брон-

а в Восточном Казахстане – немногочисленным памятникам афанасьевской культуры. Относительный возраст последних определяется по материалам пока единственного известного в регионе могильника Черновая-II, относящегося к куротинскому типу [Мерц, 2014, с. 369]. Данный тип памятников существовал на завершающем этапе афанасьевской культуры, и при отсутствии ^{14}C -дат его возраст типологическим методом устанавливается серединой III тыс. до н.э. [Степанова, 2014, с. 328]. Такая малочисленность афанасьевских комплексов в регионе обусловлена исключительно их слабой изученностью. В целом нет оснований считать, что развитие афанасьевской культуры в Восточном Казахстане сильно отличалось от остальных районов ее распространения. На основании радиоуглеродного анализа время существования афанасьевской культуры в Горном Алтае и на Среднем Енисее определяется в пределах XXXVIII–XXV вв. до н.э., а в Монголии – XXIX–XXVI вв. до н.э. [Поляков, 2010, с. 167]. Несмотря на то, что имеющиеся даты демонстрируют сильный разброс, они четко определяют верхнюю границу существования культуры серединой III тыс. до н.э., при этом нижняя граница остается сильно размытой [Поляков, Святко, 2009, с. 27; Поляков, 2010, с. 168; Кирюшин и др., 2009, с. 121]. В настоящее время высказываются предположения о более коротком периоде существования афанасьевской культуры – в пределах нескольких столетий [Степанова, 2009, с. 159; 2014, с. 326; Поляков, 2010, с. 169]. Это предположение подтверждают последние радиоуглеродные исследования афанасьевских памятников Среднего Енисея, ограничивающие продолжительность существования культуры до 500 лет [Поляков, Святко 2009, с. 26].

Возраст объектов многослойного поселения Новая Шульба-IX определяется в более широком диапазоне, чем возраст кургана Карагаш. Все даты получены по древесному углю. Первая из них устанавливает возраст очага 4* в рамках начала XXIX – начала XXVI в. до н.э. Вторая дата – по очагу №3, содержащему материалы, отличные от материалов известных культурных типов региона**, – относится ко 2-й четверти XXIX – 1-й четверти XXV в. до н.э. (рис. 2). Обе даты отражают наиболее ранний этап заселения поселения. Эти объекты датируются несколько более поздним временем по отношению к кургану Карагаш. В целом же они синхронны афанасьевским памятникам Алтае-Саянской горной страны. В Барабинской лесостепи в то время существовали поздние комплексы усть-тартасской культуры (XLVI–XXV вв. до н.э.) и памятники раннего этапа одиновской культуры***, датируемые ^{14}C -методом XXIX–XXVII вв. до н.э. [Молодин, 2012, с. 193, 194; Молодин и др., 2014, с. 152, рис. 2].

Недавно на севере Кулундинской степи были исследованы энеолитические поселения Новоильинка-3 и 6. Полученные ^{14}C -даты демонстрируют существенный

* В данном объекте отсутствовал какой-либо археологический материал, что затрудняет его культурную идентификацию.

** На дюнных стоянках Прииртышья среди раннебронзовой керамики встречаются материалы, близкие к новошкульбинским, однако их выделение ранее было затруднено.

*** Новые ^{14}C -даты по погребальным комплексам раннего металла Барабинской лесостепи позволили В.И. Молодину и его коллегам сделать вывод, что перечисленные культурные образования сосуществовали с кротовской культурой [Молодин и др., 2014, с. 152]. К сожалению, из предварительных публикаций сложно понять, какие именно погребальные объекты объединяются в рамках кротовской культуры, поэтому в данной работе под кротовскими памятниками рассматриваются только поселенческие комплексы, которые мы считаем инокультурными по отношению к погребальным [Грушин, 2013, с. 21–22; Ткачева, Ткачев, 2008, с. 276].

разброс (XXXVIII–XXV вв. до н.э.), составляющий от 650 до 1300 лет, что сильно осложняет их интерпретацию. Эти памятники отражают различные этапы энеолита данного региона и относятся к 1-й половине III тыс. до н.э. [Кирюшин и др., 2015, с. 72; Кирюшин, 2015, с. 29]. По нашему мнению, время их существования не может сильно отличаться от времени существования поселений Ботай и Борлы-4, поскольку их объединяют общая форма хозяйства, а также сходная материальная культура. На основании AMS-дат (AMS – Accelerator Mass Spectrometry – ускорительная масс-спектрометрия) поселения Ботай и Борлы-4 датируются 2-й половиной IV – рубежом IV–III тыс. до н.э. [Levine, Kislenko, 2002; Svyatko et al., 2015]. Однако до получения новых радиоуглеродных дат по кулундинским памятникам вопрос об их соотношении между собой и с синхронными культурными образованиями остается открытым.

На остальных прилегающих территориях Западной Сибири и Казахстана отсутствуют радиоуглеродные даты по комплексам этого времени. На востоке Европы с XXVII в. до н.э. появляются ранние катакомбные памятники [Черных, Орловская, 2004, с. 22; Кияшко, 2004, с. 90; Кузнецов, 2004, с. 26].

В целом, несмотря на малочисленность имеющихся данных, в раннем бронзовом веке Северо-Восточного и Восточного Казахстана можно достаточно уверенно выделить первый период (хроногруппа I) – XXIX–XXV вв. до н.э. (табл., рис. 2). Его нижнюю границу определяет энеолитическая борлинская культура, а верхнюю – елунинская [Svyatko et al., 2015]. Имеющиеся материалы позволяют утверждать, что в рассматриваемое время на территории региона сосуществовало население разных культурных типов: афанасьевское и, видимо, иное, автохтонное (возможно, потомки энеолитических групп, оставивших поселения Борлы-4 и Новоильинка-3 и 6; нельзя исключать возможность существования здесь в то время населения, близкого к одиновскому), а также малочисленные мигранты с Запада, оставившие памятники, близкие к ямному типу. Пока автохтонный компонент представлен только материалами раннего комплекса поселения Новая Шульба-IX. При этом необходимо отметить, что, видимо, сами миграции носителей ямной культурной традиции из Волго-Уралья и других регионов на восток произошли не позже 1-й четверти III тыс. до н.э.; позднее в таких передвижениях принимало участие население уже иного культурного типа – катакомбного*.

Остальные радиоуглеродные даты ($n = 40$) относятся к следующему этапу раннего бронзового века Северо-Восточного и Восточного Казахстана, представленному елунинскими и так называемыми чемурчекскими памятниками (хроногруппа II; табл., рис. 2). Наибольшее количество дат имеется по елунинской культуре ($n = 27$) – подгруппа А (см. табл.), большинство из которых получены AMS-методом. Часть этих дат ($n = 15$) выполнена по материалам очажных сооружений поселений Шидерты-3, Шауке-8б и Новая Шульба-IX, остальные – по шести погребениям могильников Шидерты-10 и Шауке-1. В результате этих исследований установлено, что елунинская

* Выстраиваемая картина хорошо согласуется с гипотезой об участии в генезисе на позднем этапе существования афанасьевской культуры катакомбного населения [Вадецкая, 1979]. На данный момент наиболее приемлемой точкой зрения о периодизации и хронологии ямных памятников Волго-Уралья и Приуралья является позиция П.Ф. Кузнецова и А.В. Кияшко, выступающих за отделение позднемьяных (в том числе полтавкинских) комплексов от ямной культуры [Кузнецов, 2008, с. 318; 2011, с. 89; Кияшко, 2004, с. 89].

культура существовала в регионе с середины XXV по 1-ю четверть XVIII в. до н.э. (рис. 2). В ее развитии выделяются три этапа. Наиболее ранний, «шидертинский», представлен памятниками северо-восточной Сары-Арки – Шидерты-3 (слой 1)*, Шидерты-10, курган №1 [Грушин, 2013, с. 21]. До недавнего времени даты этих объектов были наиболее древними среди елунинских. Новые археологические и радиоизотопные исследования выявили синхронные объекты этого же культурного типа на правобережье Иртыша – Новая Шульба-IX (объект №6 в кв. 4), а также Шауке-1 (могилы-4 и 5); их можно датировать в пределах XXV–XXIV вв. до н.э. [Stöllner und an., 2013, abb. 19; Svyatko et al., 2015]. Необходимо отметить, что для Шауке-1 по каждой могиле были получены по две даты, что позволило выявить присутствие резервуарного эффекта в образцах человеческих костей. Тем не менее полученные данные подтверждают предложенные ранее хронологические рамки «шидертинского» этапа в пределах XXV–XXII вв. до н.э. [Грушин, 2013, с. 21].

К началу следующего, «березоволукинского», этапа (XXII–XX вв. до н.э.) относятся погребения 1–3 могильника Шауке-1, сооруженные в середине XXII – на рубеже XXII–XXI вв. до н.э. Данные могилы синхронны поселениям лесостепного Алтая Березовая Лука и могильникам Староалейка-II и Елунино-I [Грушин, 2013, с. 21]. К началу позднего («цыганковосопкинского») этапа относится серия дат Шауке-8б, определяющая его возраст рубежом III–II тыс. до н.э. Памятник синхронен могильникам Цыганкова Сопка-II и Телеутский Взвоз-I [Кирюшин и др., 2003, с. 107; Грушин, 2013, с. 21].

Новые радиоуглеродные даты елунинских памятников Прииртышья позволяют предположить, что формирование и продвижение елунинского населения шло с запада на восток. Это также подтверждают ¹⁴C-даты, полученные по елунинским памятникам лесостепного Алтая, наиболее ранние из которых относятся к XXIII в. до н.э. [Кирюшин и др., 2009, с. 122; Грушин, 2013, с. 21]. Благодаря имеющимся ¹⁴C-данным установлено, что формирование могильника Шауке-1 происходило на протяжении длительного времени – в пределах 2-й половины III тыс. до н.э. В целом материалы Северо-Восточного и Восточного Казахстана хорошо согласуются с имеющейся на данный момент периодизацией елунинской культуры и дополняют ее [Грушин, 2013, с. 21].

Практически синхронно с елунинскими комплексами в Восточном Казахстане существовали памятники, отнесенные А.А. Ковалевым [2007; 2009, с. 130; 2014, с. 6] к чемурчекскому культурному феномену (культуре/общности). Всего под его руководством исследованы 12 курганов на пяти могильниках: Айна-Булак-I и VI, Копя, Булгартаботы, Ахтума, а также ритуальные площадки Айна-Булак-V и Ачитас, расположенные на правом берегу р. Алкабек (рис. 1) [Ковалев и др., 2014]. Все погребальные объекты представлены однотипными сооружениями, вариации между которыми незначительны. Несмотря на имеющееся сходство, все они существенно отличаются от чемурчекских курганов Монголии и Синьцзяна. В связи с этим возможно говорить

* Проба была взята из земляной печи в слое-1 стоянки Шидерты-3, содержащем материалы от средневековья до ранней бронзы. Слой залегает над погребенной почвой «А», ее формирование связано с похолоданием и увеличением влажности в конце суббореала во 2-й четверти III тыс. до н.э., что стратиграфически маркирует время завершения эпохи энеолита и начало эпохи ранней бронзы на северо-востоке Сары-Арки [Мерц, 2008, с. 18].

лишь об их принадлежности к единому кругу памятников, к которому также относятся окуневские, елунинские и близкие к ним западносибирские и южносибирские комплексы [Ковалев, 2014, с. 7; Грушин, 2013, с. 23]. Для того чтобы дифференцировать казахстанские объекты от чемурчекских памятников Монголии и Синьцзяна, в данной работе за ними закреплено название «алкабекские».

По четырем сооружениям – Айна-Булак-I (курганы №1 и 3), Копа (курган №2) и Булгартаботы (курган №2) – жидко-сцинтилляционным методом была получена серия ^{14}C -дат по костям людей ($n = 10$), животных ($n = 3$) и дереву ($n = 1$) – подгруппа Б (табл.) [Ковалев, 2014, с. 148]. Некоторые даты отличаются большим доверительным интервалом и, таким образом, явно противоречат археологическим данным. По этой причине из нашего анализа были полностью исключены даты по могильнику Булгартаботы (СОАН-4375, СОАН-4855, СОАН-4856), определяющие возраст кургана 1-й половиной IV тыс. до н.э., а также самая поздняя дата по кургану №3 памятника Айна-Булак-I (СОАН-5344), относящаяся к XII–IX вв. до н.э. [Ковалев, 2014, с. 148]. Наличие такого большого количества аномальных дат для однотипных памятников может быть связано с целым рядом причин, включая резервуарный эффект, неточность в археологической привязке материала (например, более поздние, впускные захоронения*) и др. [Ковалев, 2009, с. 131].

Остальные даты ($n = 9$) устанавливают возраст рассматриваемых курганов в пределах XXIII–XVII вв. до н.э. Данный интервал также является достаточно размытым. Вероятно, верхняя граница существования «алкабекских» могильников определяется временем появления в Восточном Казахстане андроновских комплексов** в XVIII/XIX вв. до н.э., что согласуется с новыми AMS-датами [Stöllner und an., 2013, abb. 19]. Необходимо отметить, что именно на то время приходится появление андроновских (федоровских) памятников в Семиречье, Центральном и Северном Казахстане, Западной Сибири и Минусинской котловине [Панюшкина, 2013, с. 199; Бейсенов и др., 2014, с. 169; Frachetti, Mar'yashev, 2007, tab. 1; Молодин и др., 2014, с. 154; Кирюшин, Папин, 2010, с. 20; Поляков, Святко, 2009, с. 32].

Определение нижней границы существования «алкабекских» памятников затруднительно. Проведенные радиоуглеродные и изотопные исследования на раннебронзовых памятниках Прииртышья выявили существование в регионе пресноводного резервуарного эффекта, который приводит к удревнению ^{14}C -дат, в частности полученных по костям человека. Для среднего течения Иртыша, в пределах Павлодарской области, значение резервуарного эффекта составляет $\approx 157\text{--}224$ лет [Svyatko et al., 2015, p. 641]. Если допустить существование резервуарного эффекта и в горной области, где расположены рассматриваемые курганы, полученные даты по человеческим костям из Айна-Булака-I и Копы также будут являться завышенными. Наиболее корректными в таком случае будут даты по костям травоядных и дереву (что подтвердилось при

* Такой датой является СОАН-5340 (калиброванный интервал – XVII–XIV вв. до н.э), полученная по костям животного из кургана 2 могильника Копа, где было, по-видимому, устроено впускное погребение в юго-западной части могильной ямы [Ковалев и др., 2014, с. 87].

** Памятники андроновской культуры представлены практически повсеместно на территории региона и являются наиболее изученными. В непосредственной близости от рассматриваемых объектов было исследовано андроновское погребальное сооружение на могильнике Айна-Булак-III [Дашковский и др., 2007, с. 24]. Видимо, к этому периоду относится и дата из впускного погребения в кургане Копа 2.

исследованиях Шауке-1 и 8б) [Svyatko et al., 2015]. Между тем если предположить существование резервуарного эффекта в горной части Восточного Казахстана и взять средние значения рассматриваемых дат, то сооружение этих объектов можно отнести к концу III – первым столетиям II тыс. до н.э. Наиболее ранним из них является Коба, что косвенно подтверждается довольно древней датой по дереву из погребения-45 могильника Саэньсаи в Синьцзяне (XXV–XXIII вв. до н.э.), имеющего сходное устройство погребальной камеры [Синьцзян Саэньсаи..., 2013, с. 195]. Наиболее поздним комплексом является Айна-Булак-I. В целом «алкабекские» курганы синхронны памятникам среднего и позднего этапов елунинской культуры Обь-Иртышья и чемурчекской культуры Монголии и Синьцзяна (2-я половина III – начало II тыс. до н.э.) [Грушин, 2013, с. 21; Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2007, с. 82; Ковалев, 2012, с. 33, 34, 36]. Вполне возможно, что со временем в Восточном Казахстане будут открыты и более ранние объекты этого типа, синхронные шидертинским.

Таким образом, в Северо-Восточном и Восточном Казахстане с XXV по XVI-II в. до н.э. существовала елунинская культура, а начиная с середины XXIII по XVI-II в. до н.э. – «алкабекские» памятники (хроногруппа II, подгруппы А и Б). Помимо этого, в регионе формировались и другие культурные типы, соотношение которых на данном этапе еще не определено [Мерц, 2010, с. 57]. Елунинская культура появляется примерно в XXV в. до н.э.; определить конкретный район ее формирования на данный момент затруднительно. Можно лишь отметить, что наиболее ранние елунинские памятники сосредоточены на северо-востоке Казахского мелкосопочника и в Прииртышье. В то же время на Среднем Енисее появляется окуневская культура [Поляков, Святко, 2009, с. 29], а в Барабинской лесостепи начинается поздний этап одиновской культуры [Молодин, 2012, с. 194]. На остальных прилегающих территориях известны одиночные раннебронзовые комплексы, культурная принадлежность которых еще не определена, однако по ним имеются радиоуглеродные даты. Среди них нужно отметить памятники в торфяниках Зауралья, датируемые XXV–XXIII вв. до н.э. [Молодин и др., 2014, с. 141], поселение Баландино* в лесостепном Приишимье (XXV–XXI вв. до н.э.) [Levine, Kislenko, 2002, tab. 8.1.], а также ранний слой (1а) поселения Бигаш в Семиречье (XXV–XIX вв. до н.э.) [Frachetti, Mar'yashev, 2007, p. 231]. Практически синхронно (XXVI/XXV–XXIII/XXII вв. до н.э.) на востоке Европы переживали средний и поздний периоды своего существования культуры катакомбной общности – ингульская, позднедонецкая, среднедонская, волго-донская, восточно- и западноманычские и полтавкинская культуры [Мимоход, 2011, с. 49; Сухорукова, 2008, с. 23].

Немногочисленность памятников раннего бронзового века в Казахстане привела к тому, что некоторые исследователи предполагают существование в Тургае, Северном и Северо-Восточном Казахстане энеолитических культур на протяжении всего III тыс. до н.э. Данное предположение основывается на некалиброванных ¹⁴C-датах с широким интервалом, полученных по поселениям Кожай-I, Кумкешу и Ботай [Калиева, Логвин, 1997, с. 136; Зайберт, 2010, с. 245]. Однако этому положению противоречат новые AMS-даты с поселений Ботай и Борлы-4, а также стратиграфические

* Поселение Баландино, как и Сергеевка, было отнесено к позднему этапу ботайской культуры [Зайберт, 2009, с. 245]. По нашему мнению, с этим трудно согласиться, поскольку материальная культура этих памятников существенно отличается от ботайской и относится к более позднему времени.

наблюдения на стоянке Шидерты-3, которые позволяют определить верхнюю границу энеолита в Северо-Восточном Казахстане не позднее 1-й половины III тыс. до н.э., а вернее – рубежом IV–III тыс. до н.э. На данный момент нет оснований считать, что в сопредельных степных и лесостепных районах энеолитические памятники имели иную хронологию. В будущем верхняя граница энеолита, возможно, будет обозначена более точно.

Определенным рубежом в развитии раннебронзовых культур Северо-Восточного и Восточного Казахстана являлся XXIII в. до н.э. В то время в Обь-Иртышском междуречье расширился ареал елунинской культуры, которая занимала весь лесостепной Алтай, возможно, часть Барабинской лесостепи и прилегающие территории Казахстана [Кирюшин, 2002, с. 83; Грушин, 2013, с. 21]. В Восточном Казахстане оставлены памятники «алкабекского» типа. На правобережье Верхней Оби складывалась уткульская культура [Грушин, 2014, с. 419], в Монголии и Синцзяне распространилась чечурчекская культура, на Среднем Енисее продолжила свое существование окуневская, а в Семиречье проживало скотоводческое население, оставившее слой 1а поселения Бигаши [Frachetti, Mar'yashev, 2007, p. 231] и Дали [Фрачетти и др., 2014, с. 17, 18]. На востоке Европы происходил переход от позднекатакомбных культур к посткатакомбным [Мимоход, 2011, с. 49].

В XX–XVIII вв. до н.э. наступил завершающий этап развития раннебронзовых комплексов Северо-Восточного и Восточного Казахстана. К этому времени кротово-елунинская общность, помимо обозначенных территорий, охватывала Барабинскую лесостепь, Среднее Прииртышье и Северный Казахстан [Косарев, 1993, с. 84; Корочкова, 2011, с. 11; Грушин, 2013, с. 23]. Возраст кротовских поселений в Среднем Прииртышье и Барабинской лесостепи определить сложно, поскольку серия ¹⁴C-дат имеется лишь по поселению Венгерovo-2, которое относится к 1-й четверти II тыс. до н.э. [Молодин и др. 2013, с. 280]. Для раннебронзовых памятников Северного Казахстана радиоуглеродные даты отсутствуют. Однако возраст базового поселения Вишневка-I можно установить по найденным костяным панцирным пластинам в очаге из кв. В-10 [Татаринцева, Шалагин, 1981, с. 174, рис. 107.-3, табл. XXI.-1], аналогичным изделиям из могильников Ростовка и Каменный Амбар-5 [Матющенко, Синицына, 1988, с. 88, рис. 62; Епимахов, 2005, с. 159, рис. 13.-1–2], что позволяет констатировать относительную синхронность вишневских, кротовских, елунинских (позднего этапа), сейминско-турбинских и синташтинских комплексов в пределах 1-й четверти II тыс. до н.э. В настоящее время по сейминско-турбинским памятникам известна всего одна дата по погребению-39 Сатыги-XVI, определяющая ее возраст рубежом III–II тыс. до н.э. [Епимахов и др., 2005, с. 99, табл. 3]. Общепринятой считается сходная хронология сейминско-турбинских, синташтинских и абашевских комплексов [Молодин и др., 2014, с. 141]. Недавно были опубликованы даты по одиновским погребениям могильника Сопка-2, содержащим металл сейминско-турбинского типа, которые датируются последней четвертью III – рубежом III–II тыс. до н.э. [Молодин, 2013, с. 321; Молодин и др., 2014, с. 152], что ставит проблему асинхронности этих культурных явлений. Столь ранние даты погребений, содержащих металл сейминско-турбинского облика, в Барабинской лесостепи, видимо, объясняются морфологической неоднородностью сейминско-турбинских бронз [Черных, Кузьминых, 1989, с. 185, 261; Грушин, 2008, с. 392]. Наиболее ранние формы этих орудий происходят из елунинских «закрытых»

комплексов лесостепного Алтая, датированных концом III – рубежом III–II тыс. до н.э., и, возможно, отражают ранний этап формирования сейминско-турбинской бронзолитейной традиции [Грушин, 2008, с. 394]. Следовательно, материалы Сопки-2 относятся к более раннему периоду и не связаны с классическими сейминско-турбинскими памятниками (Ростовка, Сейма, Турбино). Данный нюанс следует учитывать при дальнейшей разработке такой проблематики.

Параллельно с перечисленными культурными образованиями на территории Притоболья существовала ташковская культура (III–II тыс. до н.э.) [Ковалева, 2005, с. 105, рис. 1], а в Центральном и Северном Казахстане – нуртайская и петровская [Ткачев, 2002, с. 213]. Эти образования в целом синхронны синташтинским и поздним посткатакомбным образованиям Восточной Европы (лолинская и бабинская культуры, криволукская культурная группа, срубные памятники покровского типа) [Мимоход, 2011, с. 48, 49; Михайлова, Кузьмина, 1999, с. 119]. Необходимо отметить, что синташтинские памятники по отношению к петровским имеют несколько более раннюю хронологическую позицию [Епимахов, 2004, с. 206]. Как было отмечено выше, в XIX/XVIII вв. до н.э. завершается развитие раннебронзовых комплексов не только в Северо-Восточном и Восточном Казахстане, но и на остальных территориях Сибири, Казахстана и Семиречья. В Восточной Европе также происходил переход к следующему периоду эпохи бронзы, который ознаменовался появлением в азиатских степях андроновского (федоровского) населения, а на Востоке Европы – формированием срубной культурно-исторической общности.

Таким образом, в настоящее время ¹⁴C-даты имеются только по «ямным», новошувльбинским, елунинским и «алкабекским» комплексам Северо-Восточного и Восточного Казахстана, остальные культурные типы региона остаются пока без радиоуглеродных дат. На основании имеющихся дат продолжительность раннего бронзового века определяется XXIX–XIX/XVIII вв. до н.э. Даты распределяются по двум группам: первая (наименее представительная) – XXIX–XXVI вв. до н.э. (хроногруппа I), и вторая (самая представительная) – XXV–XIX/XVIII вв. до н.э. (хроногруппа II) (табл., рис. 2).

Предложенная схема вступает в противоречие с периодизацией древней истории Западной Сибири, в свое время разработанной М.Ф. Косаревым [1976], В.И. Молодиным [1977], Ю.Ф. Кирюшиным [1986, 2002]. Также возникает проблема эпохальной принадлежности афанасьевских комплексов региона, которые традиционно в сибирской и казахстанской археологии относятся к энеолиту [Грязнов, Вадецкая, 1968, с. 161; Цыб, 1984; Оразбаев, 1989, с. 226; Кирюшин, 2002, с. 14]. Сложившаяся ситуация, на наш взгляд, во многом является следствием подхода, основанного на стадийной концепции исторического развития и европоцентризме, а также отсутствии на протяжении долгого времени в археологии Западной Сибири и Казахстана целенаправленных радиоуглеродных исследований, которые начали внедряться в археологические исследования лишь сравнительно недавно.

На основании проведенных ранее в Прииртышье радиоуглеродных исследований установлено существование между энеолитическими* и раннебронзовыми елунинскими комплексами лакуны примерно в 450 лет [Svyatko et al., 2015, p. 640]. Косвен-

* Серия дат была получена с жилища №3 поселения Борлы-4, на их основании время существования памятника определяется 2-й половиной IV тыс. до н.э. [Svyatko et al., 2015, p. 638, tab. 1].

но наличие этого разрыва подтверждают стратиграфические наблюдения на стоянке Шидерты-3 [Мерц, 2008, с. 18]. Необходимо отметить, что подобная ситуация наблюдается и в радиоуглеродной хронологии Зауралья [Епимахов, Мосин, 2015, с. 35]. Эти общие тенденции свидетельствуют о неслучайности полученного результата. Таким образом, новые данные позволяют говорить об общей тенденции удревнения финала эпохи энеолита Западной Сибири. По-видимому, в будущем основная часть культурных образований, рассматриваемых как энеолитические, будет отнесена к более раннему времени и значительно сокращена продолжительность их существования. В настоящее время имеющуюся в Прииртышье лагуну частично закрывают немногочисленные даты хроногруппы I.

По нашему мнению, отнесение афанасьевской культуры к энеолиту не правомерно, поскольку афанасьевский металлокомплекс, несмотря на региональную специфику, сходен с ямным и отражает стереотипы циркумпонтийской металлообработки [Грушин и др., 2009, с. 121], а значит, это культурное образование необходимо рассматривать в рамках раннего бронзового века, как это давно предлагает ряд исследователей [Черных 1978, с. 71; 2009, с. 223; Кузьминых, 1993, с. 118; Молодин, 2002, с. 98, 117; Кузьминых, Дегтярева, 2006, с. 214; Марсадоллов, 2015, с. 61]. С появлением именно ямного и афанасьевского населения в Северо-Восточном и Восточном Казахстане, как и, по-видимому, на прилегающих к нему территориях, происходят глобальные изменения, которые приводят не только к появлению развитой металлургии и освоению рудных источников, но и к смене антропологического типа населения, религиозных представлений, характера каменной индустрии [Кузьминых, Дегтярева, 2006, с. 214; Кунгуров, 2006, с. 107, 119]. Основой животноводческого хозяйства, в отличие от предшествующего времени, становятся лошадь, крупный рогатый скот, овца [Гайдученко, 2014, с. 212]. То есть происходят кардинальные перемены. Мигрировавшие с запада группы включают в орбиту своего влияния местное автохтонное население, которое под их влиянием становится квазиэнеолитическим [Кузьминых, 1993, с. 117–118; Кузьминых, Дегтярева, 2006, с. 214]. Начало этого процесса определить на данный момент сложно. В последующее время, с приходом нового западного компонента, складываются комплексы елунинского и иных культурных типов [Кирюшин, 2002, с. 88; Мерц, 2015, с. 35].

На этом основании целесообразно соотнести полученную схему с периодизацией культур раннего металла степной и лесостепной зон Восточной Европы В.А. Городцова [1916]. По нашим представлениям, первый этап раннего бронзового века Северо-Восточного и Восточного Казахстана является синхронным второй половине раннего бронзового века (ямное время) указанных регионов Восточной Европы, а второй этап – среднему (катакомбное и посткатакомбное время) и началу позднего бронзового века (покровское и синташтинское время). Наблюдается определенный хронологический сдвиг между памятниками восточноевропейской и азиатской степных зон. На востоке ранний бронзовый век начинается несколько позднее, а средний имеет немного большую продолжительность по сравнению с западом. Необходимо отметить совпадение основных хронологических рубежей, приходящихся на XXX, XXV, XXIII, XX, XVIII вв. до н.э. [Трифонов, 2001, с. 79–80, табл. 2]. Глобальные этнокультурные изменения относятся к началу раннего, среднего и позднего бронзового века*, когда

* По восточноевропейской периодизации.

в азиатских степях появляются ямные, катакомбные*, а потом андроновские комплексы, а на западе – срубные. Эти наблюдения свидетельствуют о единых культурно-исторических процессах, происходивших в степной и лесостепной зонах Евразии в бронзовом веке. Наблюдаемая хронологическая неравномерность в развитии населения евразийских степей, вероятно, связана с разной степенью изученности регионов, а не с неравномерностью культурно-исторических процессов, происходивших в единых географических зонах.

Здесь можно согласиться с В.А. Трифановым [2001, с. 81–82], отметившим, что «...внесение поправок в абсолютную хронологию демонстрирует историческую условность традиционно принятого деления культурно-исторического процесса на эпохи энеолита, ранней, средней и поздней бронзы. С утратой прежде очевидной технологической основы этой классификации в значительной степени теряется и смысл дискуссии относительной эпохальной принадлежности культур». Аналогичные идеи выдвигают и другие исследователи [Черных, Авилова, Орловская, 2000, с. 18]. Необходимо отметить, что результаты радиоуглеродного датирования являются основанием для «... установления не абсолютной, а достаточно относительной радиоуглеродной хронологии и выступают в качестве внешней независимой системы, с которой на принципах верификации может сопоставляться система сравнительно-типологической хронологии. Радиоуглеродные даты нельзя рассматривать в качестве инструмента корректировки относительных периодизаций, надежно установленных традиционными археологическими методами» [Мимоход, 2011, с. 50]. Данное положение особенно актуально в связи с неизученностью резервуарного эффекта, который может оказать существенное влияние на построение радиоуглеродной хронологической шкалы.

На данный момент полностью соотносить периодизацию Прииртышья с восточноевропейской преждевременно, хотя такая тенденция и напрашивается. Пока в рамках раннего бронзового века Северо-Восточного и Восточного Казахстана можно выделить два этапа: первый представлен памятниками «ямного», афанасьевского и иного типа, а второй – елунинскими и близкими к ним комплексами. В дальнейшем, по мере накопления нового материала по раннему бронзовому веку Северо-Восточного и Восточного Казахстана, предложенная схема будет дополняться и корректироваться, что в конечном результате, возможно, приведет к полной синхронизации восточноевропейской и сибирской периодизаций. В связи с этим первостепенной задачей изучения раннего бронзового века региона является расширение источниковой базы.

Библиографический список

Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В., Касеналин А.Е. Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. Алматы : Изд-во Ин-та археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. 192 с.

Вадецкая Э.Б. Гипотеза происхождения афанасьевской культуры // Особенности естественной-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск : Том. ун-т, 1979. С. 98–100.

Гайдученко Л.Л. Время появления и особенности древнейшего степного животноводства в Казахстане // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана : сборник научных статей, посвященный 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К.А. Акишева. Астана : Сарыарка, 2014. С. 211–214.

* Однако необходимо отметить, что для азиатских степей и лесостепей пока существует мало данных, позволяющих четко выделить материалы катакомбного типа, хотя они и имеются, но фиксируются не в прямом, а, скорее, в опосредованном виде [Ткачев, 2008, с. 257; Мерц, 2015, с. 34].

Городцов В.А. Культуры бронзовой эпохи в Средней России // Отчет Императорского Российского Исторического Музея имени Императора Александра III в Москве за 1914 год. М. : Синодальная типография, 1916. 106 с.

Грушин С.П. Бронзовый век Алтая: генезис сейминско-турбинского комплекса // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. I. М. : Ин-т археологии РАН, 2008. С. 392–395.

Грушин С.П. Древнейший металл Южной Сибири в системе ямно-афанасьевских параллелей // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. Оренбург : ОГПУ, 2009. С. 119–126.

Грушин С.П. «Уткульская» группа памятников бронзового века в Верхнем Приобье // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I. Казань : Отечество, 2014. С. 416–420.

Грушин С.П. Культура жизнеобеспечения и производства населения степного и лесостепного Обь-Иртышья во второй половине III – первой четверти II тыс. до н.э. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2013. 54 с.

Грязнов М.П., Вадецкая Э.Б. Афанасьевская культура // История Сибири. Древняя Сибирь. Т. 1. Л. : Наука, 1968. С. 159–165.

Дашковский П.К., Самашев З.С., Тишкин А.А. Комплекс археологических памятников Айна-Булак в Верхнем Прииртышье (Восточный Казахстан). Барнаул : Азбука, 2007. 96 с.

Евдокимов В.В., Ломан В.Г. Раскопки ямного кургана в Карагандинской области // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда : КарГУ, 1989. С. 34–46.

Епимахов А.В. Абсолютная и относительная хронология бронзового века Урала в свете новых радиоуглеродных дат // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 204–208.

Епимахов А.В. Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Кн. 1. Челябинск : Изд-во ОАО Челябинский дом печати, 2005. 192 с.

Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрю К. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // Российская археология. 2005. №4. С. 97–108.

Епимахов А.В., Мосин В.С. Хронология зауральского энеолита // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. №4. С. 27–37.

Зайберт В.Ф. Ботайская культура. Алматы : КазАкпарат, 2009. 576 с.

Калыева С.С., Логвин В.Н. Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до нашей эры. Кустанай : Кустанайский печатный двор, 1997. 180 с.

Кирюшин К.Ю. Морфолого-орнаментальные группы керамики с поселения энеолита Новоильинка-III в Северной Кулунде // Археология этнография и антропология Евразии. 2015. №1. С. 29–39.

Кирюшин К.Ю., Гайдученко Л.Л., Гольева А.А., Силантьева М.М., Черных Д.В., Даньшин О.В., Ситников С.М., Соломонова М.Ю., Бирюков Р.Ю., Сперанская Н.Ю. Комплексные исследования поселения Новоильинка-VI в 2014 г. // Вестник алтайской науки. 2015. №1. С. 70–75.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит, ранняя и развитая бронза Верхнего и Среднего Приобья : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1986. 36 с.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. 294 с.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-I). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. 333 с.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Папин Д.В. Радиоуглеродная хронология памятников раннего металла Алтая // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 120–124.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В. Некоторые вопросы радиоуглеродной хронологии памятников андроновской культуры Алтая // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее (к юбилею профессора Т.Н. Троицкой). Новосибирск : НГПУ, 2010. С. 19–21.

Кисленко А.М., Татаринцева Н.С. Культурно-хозяйственные комплексы палеометалла в Ишимской степи // Археология Волго-Уральских степей. Челябинск : Изд-во Чел. гос. ун-та, 1990. С. 81–99.

Кияшко А.В. Вопросы абсолютной хронологии эпохи средней бронзы степей Юго-Восточной Европы // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2004. С. 86–90.

Ковалев А.А. Чемурачский культурный феномен (статья 1999 года) // А.В.: сборник научных трудов в честь 60-летия А.В. Виноградова. СПб. : Культ-Информ-Пресс, 2007. С. 25–76.

Ковалев А.А. Чемурачский феномен как продукт эволюции мегалитов Атлантического побережья Франции (по материалам радиоуглеродного датирования мегалитических гробниц Западной Европы и памятников чемурачской культуры) // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 130–140.

Ковалев А.А. Введение // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурачский культурный феномен. Ч. I : Результаты исследований в Восточном Казахстане, на севере и юге Монгольского Алтая. СПб. : ЛЕМА, 2014. С. 5–8.

Ковалев А.А., Самашев З.С., Сунгатай С. Исследования археологических памятников раннего периода бронзового века в Восточном Казахстане // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурачский культурный феномен. Ч. I : Результаты исследований в Восточном Казахстане, на севере и юге Монгольского Алтая. СПб. : ЛЕМА, 2014. С. 9–147.

Ковалева В.Т. Генезис, датировка и этническая специфика ташковской культуры // Археология Урала и Западной Сибири (К 80-летию со дня рождения В.Ф. Генинга). Екатеринбург : Уральск. ун-т, 2005. С. 102–108.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1976. 59 с.

Косарев М.Ф. Из древней истории Западной Сибири (общая историко-культурная концепция). М. : Изд-во Ин-та этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1993. 284 с.

Корочкова О.Н. Взаимодействие культур в эпоху бронзы в Среднем Зауралье и подтаежном Тоболо-Иртыше: факторы, механизмы, динамика : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2011. 37 с.

Кузьминых С.В. Квазиэнеолитические культуры Северной Евразии: проблемы периодизации // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала : тезисы докладов XII Урал. арх. совещания. Екатеринбург : Ин-т истории и археологии УрО РАН : УрГУ, 1993. С. 116–119.

Кузьминых С.В., Дегтярева А.Д. Эпоха раннего металла вне пределов Циркумпонтийской металлургической провинции // Археология : учебник. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2006. С. 205–219.

Кузнецов П.Ф. Проблемы отражения параметров времени в культурах бронзовой поры степной зоны Восточной Европы // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград : ВолГУ, 2004. С. 25–30.

Кузнецов П.Ф. Ямная культура Волго-Уралья: периодизация, хронология, межрегиональный контекст // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. I. М. : ИА РАН, 2008. С. 317–319.

Кузнецов П.Ф. Ямные курганы могильника Грачевка II в Самарском Поволжье // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 9. Оренбург : Изд-во ОГПУ. 2011. С. 75–92.

Марсадалов Л.С. 1200-, 600- и 300-летние периодизации археологических эпох и этапов древней, античной и средневековой культур в Горном Алтае // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований : сборник статей, посвященный 70-летию профессора Ю.Ф. Кирюшина. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 59–66.

Матюшенко В.И., Сеницына Г.В. Могильник у д. Ростовка вблизи Омска. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1988. 136 с.

Кунгуров А.Л. Каменная индустрия афанасьевского поселения Узнезя-1 // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 95–119.

Мерц В.К. Археологические исследования в Бескарагае // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 73–82.

Мерц В.К. Периодизация голоценовых комплексов Северного и Центрального Казахстана по материалам многослойной стоянки Шидерты-3 : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2008. 26 с.

Мерц И.В. История изучения эпохи ранней бронзы Восточного и Северо-Восточного Казахстана // Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы. Барнаул : Слово, 2010. С. 49–58.

Мерц И.В. Памятники афанасьевского типа Восточного Казахстана // Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул : Азбука, 2014. С. 369–372.

Мерц И.В. Керамика раннего бронзового века поселения Шидертинское-2 и могильника Шидерты-10 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. №2. С. 28–37.

Мимоход Р.А. Радиоуглеродная хронология блока посткатакомбных культурных образований // Краткие сообщения Института археологии. 2011. Вып. 225. С. 28–51.

Михайлова О.В., Кузьмина О.В. Новые памятники бронзы в Самарском Поволжье // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Самарской области. Вып. 1. Самара : ПО СамВен, 1999. С. 98–141.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск : Наука, 1977. 174 с.

Молодин В.И. Горный Алтай в эпоху бронзы // История Республики Алтай: Древность и средневековье. Горно-Алтайск : Институт алтаистики им. С.С. Суразакова, 2002. Т. 1. 2002. С. 97–142.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. Т. 3. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2012. 220 с.

Молодин В.И. Сейминско-турбинские бронзы в «закрытых» комплексах одиновской культуры (Барабинская лесостепь) // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии: К 70-летию академика А.П. Деревянко. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2013. С. 309–324.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Борзых К.А., Иванова Д.П., Головкин П.С., Селин Д.В., Орлова Л.А., Васильев С.К. Конструктивные и планиграфические особенности жилища №5 поселения кротовской культуры Венгерovo-2 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIX. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2013. С. 276–281.

Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник НГУ. Серия : История, филология. 2014. Т. 13, вып. 3. С. 136–167.

Моргунова Н.Л. Приуральская группа памятников в системе Волжско-Уральского варианта ямной культурно-исторической области. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2014. 348 с.

Оразбаев А.М. Некоторые итоги археологических исследований Восточного Казахстана // Маргулановские чтения. Алма-Ата : Типография МВД, 1989. С. 225–227.

Панюшкина И.П. Возраст могильников эпохи бронзы Лисаковской округи // Памятники Лисаковской округи: археологические сюжеты. Караганда ; Лисаковск : TengriLtd, 2013. С. 196–204.

Поляков А.В. Радиоуглеродные даты афанасьевской культуры // Афанасьевский сборник. Барнаул : Азбука, 2010. С. 158–171.

Поляков А.В., Святко С.В. Радиоуглеродное датирование археологических памятников неолита – начала железного века Среднего Енисея: обзор результатов и новые данные // Теория и практика археологических исследований. Вып. 5. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 20–56.

Пустовалов С.Ж. Наследие В.А. Городцова и современные проблемы периодизации памятников степной бронзы // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация : материалы Междун. науч. конф. «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара : Изд-во ООО НТЦ, 2001. С. 42–50.

Синьцзян Сэньсаи муди = Могильник Сэньсаи в Синьцзян-Уйгурском АР. Пекин : Вэньу, 2013. 261 с.

Солодовников К.Н. Черепа из погребений афанасьевской культуры Средней и Нижней Катунь // Афанасьевский сборник. Барнаул : Азбука, 2010. С. 233–244.

Степанова Н.Ф. Проблемы абсолютной и относительной хронологии памятников афанасьевской культуры Горного Алтая // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 154–159.

Степанова Н.Ф. Погребения куротинского типа и проблемы хронологической принадлежности памятников // Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул : Азбука, 2014. С. 325–328.

Сухорукова Е.П. Полтавкинская и волго-донская культуры эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья (по материалам погребальных памятников) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2008. 26 с.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Ч. 2. Тюмень : Изд-во ТюмГНГУ, 2002. 243 с.

Татаринцева Н.С., Шалагин А.Г. Поселение Вишневка-I. Отчет Североказахстанской археологической экспедиции за 1981 г. // Северо-Казахстанский областной музей. Научный архив. №437/7.

Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе : Изд-во АОЦИЭА, 2007. 384 с.

Трифонов В.А. Поправки абсолютной хронологии культур эпохи энеолита – средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы (по данным радиоуглеродного датирования) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация : материалы Междун. науч. конф. «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара : Изд-во ООО НТЦ, 2001. С. 71–84.

Турецкий М.А. Культурная принадлежность памятников раннего бронзового века Самарского Поволжья // Проблемы изучения раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2009. С. 59–65.

Фрачетти М.Д., Марьяшев А.Н., Доумани П.Н. Поселения горной части Семиречья и вопросы экологии и хозяйства в бронзовом веке // Известия НАН РК. Серия общественных и гуманитарных наук. 2014. №5 (297). С. 15–22.

Черных Е.Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // Советская археология. 1978. №4. С. 53–82.

Черных Е.Н. Степной пояс Евразии: феномен кочевых культур. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 624 с.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М. : Наука, 1989. 320 с.

Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. М. : Ин-т археологии РАН, 2000. 96 с.

Черных Е.Н., Орловская Л.Б. Радиоуглеродная хронология катакомбной культурно-исторической общности // Российская археология. 2004. №2. С. 15–29.

Цыб С.В. Афанасьевская культура Алтая : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1984. 19 с.
Beisenov A.Z., Svyatko S.V., Kassenalin A.E., Zhambulatov K.A., Duisenbai D., Reimer P.J. First Radiocarbon Chronology for the Early Iron Age Sites of Central Kazakhstan (Tasmola Culture and Korgantas Period) // Radiocarbon. 2016 (в печати).

Frachetti M.D., Mar'yashev A.N. Long-Term Occupation and Seasonal Settlement of Eastern Eurasian Pastoralists at Begash, Kazakhstan // Journal of Field Archaeology. 2007. Vol. 32. P. 223–242.

Levine M.A., Kislenko A.M. New Eneolithic and Early Bronze Age radiocarbon dates for North Kazakhstan and South Siberia // East and West in Eurasia / eds. K. Boyle, C. Renfrew & M. Levine. Cambridge : McDonald Institute for Archaeological Research, 2002. P. 131–134.

Motuzaitė-Matuzevičiūtė G., Lightfoot E., O'Connell T.C., Voyakin D., Liu X., Loman V., Svyatko S., Usmanova E., Jones M.K. The extent of cereal cultivation among the Bronze Age to Turkic period societies of Kazakhstan determined using stable isotope analysis of bone collagen // Journal of Archaeological Science. 2015. V. 59. P. 23–34.

Reimer P.J. et al. IntCal13 and Marine13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0-50,000 Years cal BP // Radiocarbon. 2013. №55 (4). P. 1869–1887.

Stöllner T., Samašev Z., Berdenov S., Cierny J., Doll M., Garner J., Gontšarov A., Gorelik A., Hauptmann A., Herd R., Kušć G.A., Merz V., Riese T., Sikorski B., Zickgraf B. Zinn und Kupfer aus dem Osten Kasachstans. Ergebnisse eines deutsch-kasachischen Projektes 2003–2008 // Unbekanntes Kasachstan archäologie im Herzen Asiens. Bochum, 2013. B. I. S. 357–382.

Stöllner Th., Samashev Z., Berdenov S., Cierny J., Doll M., Garner J., Gontsharov A., Gorelik A., Hauptmann A., Herd R., Kunter M., Kusch G., Merz V., Riese T., Sikorski B., Zickgraf B. Kupfer und Zinn der Zentralasiatischen Steppe: Bronze- bis früheisenzeitliche Zinn- und Kupfergewinnung im westlichen Vorfeld des Altai. Der Anschnitt, Beih (в печати).

Stuiver M., Reimer P.J., Reimer R.W. 2013, CALIB 7.0. [WWW program and documentation]. URL: <http://radiocarbon.pa.qub.ac.uk/calib/calib.html>.

Svyatko S.V., Mertz I.V., Reimer P.J. Reservoir Effect on Re-Dating of Eurasian Steppe Cultures: First Results for Eneolithic and Early Bronze Age North-East Kazakhstan // Radiocarbon. 2015. V. 57 (4). P. 625–644.

I.V. Mertz, S.V. Svyatko

FIRST RADIOCARBON CHRONOLOGY OF THE EARLY BRONZE AGE SITES IN NORTH-EASTERN KAZAKHSTAN. FIRST EXPERIENCE

This work aims to integrate available radiocarbon dates and define chronological limits of the main Early Bronze Age cultural formations of North-Eastern and Eastern Kazakhstan. The study is based on the radiocarbon dates from burials and settlements of the “Yamnaya”, Elunino and other cultural types in the region. As a result of the research, the timeframe for the Early Bronze Age in the region has been defined as 29th – 18th c. BC. The lower boundary is outlined by the Eneolithic sites, while the upper one – by the monuments of the Andronovo Culture. It has been highlighted that while creating the radiocarbon chronological scale, ignoring of the freshwater reservoir and “old wood” effects, as well as rigorous sampling leads to its significant distortion. An attempt has also been made to correlate the chronology of the Early Bronze Age monuments of the region with these at the sites in the steppe and forest-steppe zones of Eurasia, as well as with the Eastern European Bronze Age periodization. As a result, the relative synchrony of historical moments and processes in the Eurasian steppe in the Bronze Age has been established. The observed discrepancies between the Eastern European and Asian periodizations apparently result from the insufficient research into the sites of the Asian steppe and forest-steppe zones.

Key words: North-Eastern and Eastern Kazakhstan, Early Bronze Age, Elunino Culture, chronology, radiocarbon dating, freshwater reservoir effect.

References

Beisenov A.Z., Svyatko S.V., Kassenalin A.E., Zhambulatov K.A., Duisenbai D., Reimer P.J. First Radiocarbon Chronology for the Early Iron Age Sites of Central Kazakhstan (Tasmola Culture and Korgantas Period). Radiocarbon. 2016 (in the process of publishing).

Beysenov A.Z., Varfolomeev V.V., Kasenalin A.E. Pamyatniki begazy-dandybaevskoy kul'tury Tsentral'nogo Kazakhstana [Monuments of Begazy-Dandybay culture of Central Kazakhstan]. Almaty : Izd-vo In-ta arkheologii im. A.Kh. Margulana, 2014. 192 p.

Chernykh E.N. Metallurgicheskie provintsii i periodizatsiya epokhi rannego metalla na territorii SSSR [Metallurgical provinces and periodization of early metal era of the USSR]. Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology], 4, 1978. Pp. 53–82.

Chernykh E.N. Stepnoy poyas Evrazii: fenomen kochevykh kul'tur [Steppe zone of Eurasia: the phenomenon of nomadic cultures]. Moscow : Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi, 2009. 624 p.

Chernykh E.N., Avilova L.I., Orlovskaya L.B. Metallurgicheskie provintsii i radiouglerodnaya khronologiya [Metallurgical provinces and radiocarbon chronology]. Moscow : In-t arkheologii RAN, 2000. 96 p.

Chernykh E.N., Kuzminykh S.V. Drevnyaya metallurgiya Severnoy Evrazii (seyminsko-turbinskiy fenomen) [Ancient metallurgy of Northern Eurasia (Seinsk-Turbino phenomenon)]. Moscow : Nauka, 1989. 320 p.

Chernykh E.N., Orlovskaya L.B. Radiouglerodnaya khronologiya katakombnoy kul'turno-istoricheskoy obschnosti [Radiocarbon chronology of the Catacomb culture]. Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology], 2, 2004. Pp. 15–29.

Dashkovskiy P.K., Samashev Z.S., Tishkin A.A. Kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov Aynabulak v Verkhnem Priirtysh'e (Vostochnyy Kazakhstan) [The complex of archaeological sites Aynabulak in the Upper Irtysh (East Kazakhstan)]. Barnaul : Azbuka, 2007. 96 p.

Epimakhov A.V. Absolyutnaya i odnositel'naya khronologiya bronzovogo veka Urala v svete novykh radiokarbonnykh dat [Absolute and relative chronology of the Bronze Age of the Urals, in the light of new radiocarbon dates]. Kompleksnyye issledovaniya drevnykh i traditsionnykh obschestv Evrazii [Integrated studies of ancient and traditional societies of Eurasia]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2004. Pp. 204–208.

Epimakhov A.V. Rannie kompleksnyye obschestva severa Tsentralnoy Evrazii (po materialam mogil'nika Kamenny Ambar-5). Kn. 1 [Early complex societies of the north of Central Eurasia (based on the Stone Barn 5) burial], book 1. Chelyabinsk : Izd-vo OAO Chelyabinskiy dom pečhati, 2005. 192 p.

Epimakhov A.V., Khenks B., Renfryu K. Radiouglerodnaya khronologiya pamyatnikov bronzovogo veka Zaural'ya [Radiocarbon chronology of the Bronze Age monuments in the Ural Region]. Rossiyskaya arkhologiya [Russian archeology], 4, 2005. Pp. 97–108.

Epimakhov A.V., Mosin V.S. Khronologiya zaural'skogo eneolita [Chronology of the Trans-Ural Chalcolithic]. Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], 4, 2015. Pp. 27–37.

Evdokimov V.V., Loman V.G. Raskopki yamnogo kurgana v Karagandinskoy oblasti [Excavations of the pit mound in the Karaganda region]. Voprosy arkheologii Tsentralnogo i Severnogo Kazakhstana [Questions of Archaeology of Central and Northern Kazakhstan]. Karaganda : KarGU, 1989. Pp. 34–46.

Frachetti M.D., Mar'yashev A.N. Long-Term Occupation and Seasonal Settlement of Eastern Eurasian Pastoralists at Begash, Kazakhstan. Journal of Field Archaeology, vol. 32, 2007. Pp. 223–242.

Franchetti M.D., Maryashev A.N., Doumani P.N. Poseleniya gornoy chasti Semirechya i voprosy ekologii i khozyaystva v bronzovom veke [The settlements of the mountainous part of Semirechye and ecological and economic issues in the Bronze Age]. Izvestiya NAN RK. Seriya obschestvennykh i gumanitarnykh nauk [Proceedings of the National Academy of Sciences of Kazakhstan. A series of social sciences and humanities], 5 (297), 2014. Pp. 15–22.

Gayduchenko L.L. Vremya poyavleniya i osobennosti drevneyshego stepnogo zhitovnovodstva v Kazakhstane [Time of occurrence and features of the ancient steppe livestock in Kazakhstan]. Dialog kul'tur Evrazii v arkheologii Kazakhstana: sbornik nauchnykh statey. Posvyaschenny 90-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa K.A. Akisheva [Cultural Dialogue of Eurasia in Kazakhstan Archaeology: collection of scientific articles, devoted to the 90th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist K. Akishev]. Astana : Saryarka, 2014. Pp. 211–214.

Gorodtsov V.A. Kul'tury bronzovoy epokhi v Sredney Rossii [Culture of the Bronze Age in Central Russia]. Otchet Imperatorskogo Rossiyskogo Istoricheskogo Muzeya imeni Imperatora Aleksandra III v Moskve za 1914 god [Report of the Imperial Russian Historical Museum named after Emperor Alexander III in Moscow for 1914]. Moscow : Sinodal'naya tipografiya, 1916. 106 p.

Grushin S.P. "Utkul'skaya" gruppy pamyatnikov bronzovogo veka v Verkhnem Priobe [The "Itkul" group of Bronze Age monuments in the Upper Ob]. Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani [Proceedings of the IV (XX) All-Russian archaeological congress in Kazan], vol. I. Kazan : Otechestvo, 2014. Pp. 416–420.

Grushin S.P. Bronzovyy vek Altaya: genezis seyminsko-turbinskogo kompleksa [Bronze Age in Altai: Genesis of the Seima-Turbino complex]. Trudy II (XVIII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda v Suzdale [Proceedings of II (XVIII) All-Russian Archaeological Congress in Suzdal], vol. I. Moscow : In-arkheologii RAN, 2008. Pp. 392–395.

Grushin S.P. Drevneyshiy metall Yuzhnoy Sibiri v sisteme yamno-afanasevskikh paralleley [The oldest metal in Southern Siberia in the system pit-Afanasevo parallels]. Problemy izucheniya kul'tur rannego bronzovogo veka stepnoy zony Vostochnoy Evropy [Problems of the Study of the Early Bronze Age steppe zone of Eastern Europe]. Orenburg : OGPU, 2009. Pp. 119–126.

Grushin S.P. Kultura zhizneobespecheniya i proizvodstva naseleniya stepnogo i lesostepnogo Ob-Irtyshya vo vtoroy polovine III – pervoy chetverti II tys. do n.e. : avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk [Culture of Life and the production of the population of the steppe and steppe Ob-Irtysh area during the second half of III – first quarter of the II millennium BC : Synopsis of the dissertation of the Doctor of History]. Barnaul, 2013. 1968. 54 p.

Gryaznov M.P., Vadetskaya E.B. Afanasevskaya kultura [Afanasyevo Culture]. Istoriya Sibiri. Drevnyaya Sibir [History of Siberia. Ancient Siberia], vol. 1. Leningrad : Nauka, 1968. Pp. 159–165.

Kalieva S.S., Logvin V.N. Skotovody Turgaya v tret'em tysyacheletii do nashey ery [Pastoralists of Turgai in the third millennium BC]. Kustanay : Kustanayskiy pechatnyy dvor, 1997. 180 p.

Kiryushin K.Yu. Morfologo-ornamentalnye gruppy keramiki s poseleniya eneolita Novoilinka-III v Severnoy Kulunde [Morphological and ornamental pottery group from the Chalcolithic settlement Novoilinka-III in North Kulunda]. Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia], 1, 2015. Pp. 29–39.

Kiryushin K.Yu., Gayduchenko L.L., Goleva A.A., Silanteva M.M., Chernykh D.V., Danshin O.V., Sitnikov S.M., Solomonova M.Yu., Biryukov R.Yu., Speranskaya N.Yu. Kompleksnyye issledovaniya poseleniya Novoilinka-VI v 2014 g. [Complex research of the settlement Novoilinka-VI in 2014]. Vestnik altayskoy nauki [The Bulletin of the Altai science], 1, 2015. Pp. 70–75.

Kiryushin Yu.F. Eneolit i rannaya bronza yuga Zapadnoy Sibiri [Eniolith and Early Bronze of the south of Western Siberia]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2002. 294 p.

Kiryushin Yu.F. Eneolit, rannaya i razvitaya bronza Verkhnego i Srednego Priob'ya : avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk [Eneolith, early and advanced Bronze of the Upper and Middle Ob : Synopsis of the Doctor of History dissertation]. Novosibirsk, 1986. 36 p.

Kiryushin Yu.F., Grushin S.P., Papin D.V. Radiouglerodnaya khronologiya pamyatnikov rannego metalla Altaya [Radiocarbon chronology of the early metal monuments of Altai]. Rol estestvenno-nauchnykh metodov v arkheologicheskikh issledovaniyakh [The role of natural scientific methods in archaeological research]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2009. Pp. 120–124.

Kiryushin Yu.F., Grushin S.P., Tishkin A.A. Pogrebal'nyy obryad naseleniya epokhi ranney bronzy Verkhnego Priob'ya (po materialam gruntovogo mogil'nika Teleutskiy Vzvoz-I) [The funeral rite of the population of the Early Bronze in the Upper Ob tegion (based on soil burial of Teleut vzvoz-I)]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2003. 333 p.

Kiryushin Yu.F., Papin D.V. Nekotorye voprosy radiouglerodnoy khronologii pamyatnikov andronovskoy kultury Altaya [Some questions of radiocarbon chronology of the monuments of Andronovo culture of Altai]. Arkheologicheskie izyskaniya v Zapadnoy Sibiri: proshloe, nastoyaschee, budushee (k yubileyu professora T.N. Troitskoy) [Archaeological surveys in Western Siberia: Past. Present, Future (for the anniversary of Professor T.N. Troitskaya)]. Novosibirsk : NGPU, 2010. Pp. 19–21.

Kislenko A.M., Tatarintseva N.S. Kul'turno-khozyaystvennyye komplekсы paleometalla v Ishimskoy stepi [Cultural and economic complexes paleometal in the Ishim steppe]. Arkheologiya Volgo-Uralskikh stepey [Archaeology of Volga-Ural steppes]. Chelyabinsk : Izd-vo Chel. gos. un-ta. Pp. 81–99.

Kiyashko A.V. Voprosy absolyutnoy khronologii epokhi sredney bronzy stepey Yugo-Vostochnoy Evropy [Questions of absolute chronology of the Middle Bronze Age in the steppes of Southeast Europe]. Problemy arkheologii Nizhnego Povolzh'ya [Problems of the Lower Volga Region Archaeology]. Volgograd : Izd-vo VolGU, 2004. Pp. 86–90.

Korochkova O.N. Vzaimodeystvie kul'tur v epokhu bronzy v Srednem Zaurale i podtaezhnom Tobolo-Irtyshe: faktory, mekhanizmy, dinamika : avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk [Interaction of cultures in the Bronze Age in the Middle Trans-Urals and subtaiga Tobol and Irtysh : factors, mechanisms, dynamics. Synopsis of the Doctor of History dissertation]. Moscow, 2011. 37 p.

Kosarev M.F. Bronzovyy vek Zapadnoy Sibiri : avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk [The Bronze Age in Western Siberia : synopsis of the Doctor of History dissertations]. Moscow, 1976. 59 p.

Kosarev M.F. Iz drevney istorii Zapadnoy Sibiri (obschaya istoriko-kul'turnaya kontseptsiya) [From the ancient history of Western Siberia (the general historical and cultural concept)]. Moscow : Izd-vo In-ta etnologii i antropologii im. N.N. Miklukho-Maklaya, 1993. 284 p.

Kovalev A.A. Chemurchekskiy fenomen kak produkt evolyutsii megalitov Atlanticheskogo poberezh'ya Frantsii (po materialam radiouglerodnogo datirovaniya megaliticheskikh grobnits Zapadnoy Evropy i pamyatnikov chemurchekskoy kul'tury) [Chemurcheksky phenomenon as a product of the evolution of the megaliths of the Atlantic coast of France (based on radiocarbon dating of megalithic tombs of Western Europe and Chemurchekskaya cultural monuments)]. Rol estestvenno-nauchnykh metodov v arkheologicheskikh issledovaniyakh [The role of natural scientific methods in archaeological research]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2009. Pp. 130–140.

Kovalev A.A. Chemurchekskiy kul'turnyy fenomen (stat'ya 1999 goda) [Chemurcheksky cultural phenomenon (Article of 1999)]. Sbornik nauchnykh trudov v chest 60-letiya A.V. Vinogradova [Collection of scientific papers in honor of the 60th anniversary of A.V. Vinogradov]. St. Petersburg : Kult-Inform-Press, 2007. Pp. 25–76.

Kovalev A.A. Vvedenie [Introduction]. Drevneyshie evropeytsy v serdtse Azii: chemurchekskiy kul'turnyy fenomen. Ch. I : Rezul'taty issledovaniy v Vostochnom Kazakhstane, na severe i yuge Mongolskogo Altaya [The earliest Europeans in the heart of Asia: Chemurcheksky cultural phenomenon. Part I : The results of research in Eastern Kazakhstan, in the north and south of the Mongolian Altai]. St. Petersburg : LEMA, 2014. Pp. 5–8.

Kovalev A.A., Samashev Z.S., Sungatay S. Issledovaniya arkhеologicheskikh pamyatnikov rannego perioda bronzovogo veka v Vostochnom Kazakhstane [Studies of early Bronze Age archaeological sites in East Kazakhstan]. Drevneyshie evropeytsy v serdtse Azii: chemurchekskiy kul'turnyy fenomen. Ch. I : Rezultaty issledovaniy v Vostochnom Kazakhstane, na severe i yuge Mongol'skogo Altaya [The earliest Europeans in the heart of Asia: Chemurcheksky cultural phenomenon. Part I : The results of research in Eastern Kazakhstan, in the north and south of the Mongolian Altai]. St. Petersburg : LEMA, 2014. Pp. 9–147.

Kovaleva B.T. Genesis, datirovka i etnicheskaya spetsifika tashkovskoy kul'tury [Genesis, dating and ethnic specificity of Tashkovskaya culture]. Arkheologiya Urala i Zapadnoy Sibiri (K 80-letiyu so dnya rozhdeniya V.F. Geninga) [Archaeology of the Urals and Western Siberia (the 80th anniversary of V.F. Gening)]. Ekaterinburg : Uralsk. un-t, 2005. Pp. 102–108.

Kungurov A.L. Kamennaya industriya afanasevskogo poseleniya Uznezya-1 [Stone Industry of the Afanasyevo settlement Uznezya-1]. Pogrebalnye i poselencheskie komplekсы epokhi bronzy Gornogo Altaya [Burial and settlement complexes the Bronze Age of the Altai Mountains]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2006. Pp. 95–119.

Kuzminykh S.V. Kvazieneoliticheskie kul'tury Severnoy Evrazii: problemy periodizatsii [Quasi Neolithic cultures of northern Eurasia: Problems of periodization]. Arkheologicheskie kul'tury i kul'turno-istoricheskie obschnosti Bol'shogo Urala : tezisy dokladov XII Ural. arkh. soveschaniya [Archaeological cultures and cultural-historical communities of the Greater Urals : abstracts of XII Ural Archaeological Meeting]. Ekaterinburg : In-t istorii i arkhеologii UrO RAN : UrGU, 1993. Pp. 116–119.

Kuzminykh S.V., Degtyareva A.D. Epokha rannego metalla vne predelov Tsirkumpontiyaskoy metal-lurgicheskoy provintsii [Early Metal Age outside Circumpontic metallurgical province]. Arkheologiya : uchebnik [Archaeology : a textbook]. Moscow : Izd-vo Mosk. un-ta, 2006. Pp. 205–219.

Kuznetsov P.F. Problemy otrazheniya parametrov vremeni v kul'turakh bronzovoy pory stepnoy zony Vostochnoy Evropy [Problems with the time display in Bronze cultures in the steppe of Eastern Europe]. Problemy arkhеologii Nizhnego Povolzhya [Problems of the Lower Volga Region Archaeology]. Volgograd : VolGU, 2004. Pp. 25–30.

Kuznetsov P.F. Yamnaya kul'tura Volgo-Ural'ya: periodizatsiya, khronologiya, mezhregional'nyy kontekst [The pit grave culture of the Volga-Ural: periodization, chronology, an inter-regional context]. Trudy II (XVIII). Vserossiyskogo arkhеologicheskogo s'ezda v Suzdale [Proceedings of II (XVIII) All-Russian Archaeological Congress in Suzdal]. Vol. I. Moscow : IA RAN, 2008. Pp. 317–319.

Kuznetsov P.F. Yamnye kurgany mogil'nika Grachevka II v Samarskom Povolzhe [Pit burial mounds Grachevka II in Samara Volga]. Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzhya [Archaeological monuments of Orenburg], 9. Orenburg : Izd-vo OGPU, 2011. Pp. 75–92.

Levine M.A., Kislenco A.M. New Eneolithic and Early Bronze Age radiocarbon dates for North Kazakhstan and South Siberia. East and West in Eurasia / eds. K. Boyle, C. Renfrew & M. Levine. Cambridge : McDonald Institute for Archaeological Research, 2002. Pp. 131–134.

Marsadolov L.S. 1200-, 600- i 300-letnie periodizatsii arkhеologicheskikh epokh i etapov drevney, antichnoy i srednevekovoy kul'tur v Gornom Altae [1200-, 600- and 300-year-old archaeological periodization of ages and stages of the ancient and medieval cultures in the Altai Mountains]. Arkheologiya Zapadnoy Sibiri i Altaya: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniy: sbornik statey. Posvyaschennyy 70-letiyu professora Yu.F. Kiryushina [Archaeology of Western Siberia and Altai: the experience of interdisciplinary research: a collection of articles devoted to the 70th anniversary of Professor Yu.F. Kiryushin]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2015. Pp. 59–66.

Matyuschenko V.I., Sinitsyna G.V. Mogil'nik u d. Rostovka vblizi Omska [The cemetery near the village Rostovka near Omsk]. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1988. 136 p.

Merts I.V. Istoriya izucheniya epokhi ranney bronzy Vostochnogo i Severo-Vostochnogo Kazakhstana [The history of studying the early Bronze Age in Eastern and North-East Kazakhstan]. Khozyaystvenno-kul'turnye traditsii Altaya v epokhu bronzy [Economic and cultural traditions of Altai in the Bronze Age]. Barnaul : Slovo, 2010. Pp. 49–58.

Merts I.V. Keramika rannego bronzovogo veka poseleniya Shidertinskoe-2 i mogil'nika Shiderty-10 [Pottery of the Early Bronze Age of the Shidertinskoe-2 settlement and the burial site Shiderty 10]. Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii [Bullitin of archaeology, anthropology and ethnography], 2, 2015. Pp. 28–37.

Merts I.V. Pamyatniki afanasevskogo tipa Vostochnogo Kazakhstana [The Afanasyevo type culture monuments in East Kazakhstan]. Vadetskaya E.B., Polyakov A.V., Stepanova N.F. ed. comp. Svod pamyatnikov afanasevskoy kul'tury [The set of Afanasyevo type of culture monuments]. Barnaul : Azbuka, 2014. Pp. 369–372.

Merts V.K. Arkheologicheskie issledovaniya v Beskaragae [Archaeological research in Beskaragae]. Altay v sisteme metallurgicheskikh provintsiy bronzovogo veka [Altay in the system of the metallurgical provinces in the Bronze Age]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2006. Pp. 73–82.

Merts V.K. Periodizatsiya golotsenovykh kompleksov Severnogo i Tsentralnogo Kazakhstana po materialam mnogoslnoynoy stoyanki Shiderty-3 : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Periodization of the Holocene complexes of northern and central Kazakhstan based on the multi-layer settlement Shiderty-3 : synopsis of the candidate of historical sciences disertation]. Kemerovo, 2008. 26 p.

Mikhaylova O.V., Kuzmina O.V. Novye pamyatniki bronzy v Samarskom Povolzh'e [New bronze monuments in the Samara Volga region]. Okhrana i izuchenie pamyatnikov istorii i kul'tury v Samarskoy oblasti [Protection and study of the history and culture monuments in the Samara region], 1. Samara : PO SamVen, 1999. Pp. 98–141.

Mimokhod R.A. Radiouglerodnaya khronologiya bloka postkatakombnykh kul'turnykh obrazovaniy [Radiocarbon chronology of the block post catacomb cultural formations]. Kratkie soobscheniya Instituta arkhologii [Brief reports of Institute of Archaeology], 225, 2011. Pp. 28–51.

Molodin V.I. Epokha neolita i bronzy lesostepnogo Ob-Irtyshya [The Neolithic and Bronze periods in the steppe Ob-Irtysh region]. Novosibirsk : Nauka, 1977. 174 p.

Molodin V.I. Gornyy Altay v epokhu bronzy [The Altai Mountains in the Bronze Age]. Istoriya Respubliki Altay: Drevnost i srednevekove [History of the Altai Republic: Antiquity and the Middle Ages], vol. 1. Gorno-Altaysk : Institut Altaistiki im. S.S. Surazakova, 2002. Pp. 97–142.

Molodin V.I. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi: kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov odinovskoy kul'tury. T. 3 [Monument Sopka-2 on the river Om: cultural and chronological analysis of the funerary complexes of the Odinovsk culture], vol. 3. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkhologii i etnografii SO RAN, 2012. 220 p.

Molodin V.I. Seyminko-turbinskie bronzy v "zakrytykh" kompleksakh odinovskoy kul'tury (Barabinskaya lesostep) [Seima-Turbinsky bronze in the "closed" complexes of Odintsovo culture (Barabinsk forest-steppe)]. Fundamentalnye problemy arkhologii, antropologii i etnografii Evrazii: K 70-letiyu akademika A.P. Derevyanko [Fundamental problems of archaeology, anthropology and ethnography of Eurasia: the 70th anniversary of academician A.P. Derevianko]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkhologii i etnografii SO RAN, 2013. Pp. 309–324.

Molodin V.I., Epimakhov A.V., Marchenko Zh.V. Radiouglerodnaya khronologiya kul'tur epokhi bronzy Urala i yuga Zapadnoy Sibiri: printsipy i podkhody, dostizheniya i problem [Radiocarbon chronology of the cultures of the Ural bronze and south of Western Siberia: the principles and approaches, achievements and problems]. Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya [Vestnik NGU. Series: History. Philology], vol. 13, issue 3, 2014. Pp. 136–167.

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Nesterova M.S., Borzykh K.A., Ivanova D.P., Golovkov P.S., Selin D.V., Orlova L.A., Vasilev C.K. Konstruktivnye i planigraficheskie osobennosti zhilisha №5 poseleniya krotovskoy kul'tury Vengerovo-2 [Design and printing features of the dwelling 5 of the settlement of Krotovskaya culture Vengerovo-2]. Problemy arkhologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh

territoriy [Problems of archaeology, ethnography, anthropology, Siberia and adjacent territories], vol. XIX. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 2013. Pp. 276–281.

Morgunova N.L. Priuralskaya gruppa pamyatnikov v sisteme Volzhsko-Uralskogo varianta yamnoy kul'turno-istoricheskoy oblasti [The Ural group of monuments in the system of the Volga-Ural options of pit cultural and historical area]. Orenburg : Izd-vo OGPU, 2014. 348 p.

Motuzaitė-Matuzevičiute G., Lightfoot E., O'Connell T.C., Voyakin D., Liu X., Loman V., Svyatko S., Usmanova E., Jones M.K. The extent of cereal cultivation among the Bronze Age to Turkic period societies of Kazakhstan determined using stable isotope analysis of bone collagen, V. 59, 2015. Pp. 23–34.

Orazbaev A.M. Nekotorye itogi arkheologicheskikh issledovaniy Vostochnogo Kazakhstana [The results of archaeological research in East Kazakhstan]. Margulanovskie chteniya [Margulanovsk reading]. Alma-Ata : Tipografiya MVD, 1989. Pp. 225–227.

Panyushkina I.P. Vozrast mogil'nikov epokhi bronzy Lisakovskoy okrugy [The age of the Bronze Age burials in the Lisakovsk]. Pamyatniki Lisakovskoy okrugy: arkheologicheskie syuzhety [Monuments of the Lisakovsk District: archaeological plots]. Karaganda ; Lisakovsk : Izd-vo TengriLtd, 2013. Pp. 196–204.

Polyakov A.V., Svyatko S.V. Radiouglerodnoe datirovanie arkheologicheskikh pamyatnikov neolita – nachala zheleznogo veka Srednego Eniseya: obzor rezultatov i novye dannye [Radiocarbon dating of archaeological sites of the Neolithic – early Iron Age of the Middle Yenisei: review results and new data]. Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy [Theory and practice of archaeological research], 5. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2009. Pp. 20–56.

Pustovalov S.Zh. Nasledie V.A. Gorodtsova i sovremennye problemy periodizatsii pamyatnikov stepnoy bronzy [Heritage of V.A. Gorodtsov and modern problems of periodisation of steppe bronze monuments]. Bronzovyy vek Vostochnoy Evropy: kharakteristika kul'tur, khronologiya i periodizatsiya : materialy Mezhdun. nauch. konf. “K stoletiyu periodizatsii V.A. Gorodtsova bronzovogo veka yuzhnoy poloviny Vostochnoy Evropy” [Bronze Age in Eastern Europe: the characteristic of cultures, chronology and periodization : Materials of the International scientific Conference “On the centenary of V.A. Gorodtsov periodization of the Bronze Age of the southern part of Eastern Europe”]. Samara : Izd-vo OOO NTTS, 2001. Pp. 42–50.

Reimer P.J. et al. IntCal13 and Marine13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0–50,000 Years cal BP. Radiocarbon, 55 (4), 2013. Pp. 1869–1887.

Sintszyan Saensai mudi. Mogilnik Saensai v Sintszyan-Uygurskom AR [Burial Sensei in the Xinjiang-Uighur Autonomous Republic]. Beijing : Venu, 2013. 261 p.

Solodovnikov K.N. Cherepa iz pogrebeniy afanasevskoy kul'tury Sredney i Nizhney Katuni [The skulls from burials of the Afanasyevo culture of the Middle and Lower Katun]. Afanasevskiy sbornik [Afanasyevo collection]. Barnaul : Azbuka, 2010. Pp. 233–244.

Stepanova N.F. Pogrebeniya kurotinskogo tipa i problemy khronologicheskoy prinadlezhnosti pamyatnikov [Burials of the Kurotin type and the problems of the chronology of the monuments] Vadetskaya E.B., Polyakov A.V., Stepanova N.F. ed. comp. Svod pamyatnikov afanasevskoy kultury [The collection of the monument of the Afanasyevo culture]. Barnaul : Azbuka, 2014. Pp. 325–328.

Stepanova N.F. Problemy absolyutnoy i otnositelnoy khronologii pamyatnikov afanasevskoy kul'tury Gornogo Altaya [Problems of absolute and relative chronology of monuments of Afanasyevo culture in the Altai Mountains]. Rol estestvenno-nauchnykh metodov v arkheologicheskikh issledovaniyakh [The role of natural scientific methods in archaeological research]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2009. Pp. 154–159.

Stöllner T., Samašev Z., Berdenov S., Cierny J., Doll M., Garner J., Gontscharov A., Gorelik A., Hauptmann A., Herd R., Kuš G.A., Merz V., Riese T., Sikorski B., Zickgraf B. Zinn und Kupfer aus dem Osten Kasachstans. Ergebnisse eines deutsch-kasachischen Projektes 2003–2008. Unbekanntes Kasachstan archäologie im Herzen Asiens. Bochum, B. I. S. 2013. Pp. 357–382.

Stöllner Th., Samashev Z., Berdenov S., Cierny J., Doll M., Garner J., Gontscharov A., Gorelik A., Hauptmann A., Herd R., Kunter M., Kusch G., Merz V., Riese T., Sikorski B., Zickgraf B. Kupfer und Zinn der Zentralasiatischen Steppe: Bronze-bis früheisenzeitliche Zinn-und Kupfergewinnung im westlichen Vorfeld des Altai. Der Anschnitt, Beih (in the process of publishing).

Stuiver M., Reimer P.J., Reimer R.W. 2013, CALIB 7.0. [WWW program and documentation]. URL: <http://radiocarbon.pa.qub.ac.uk/calib/calib.html>.

Sukhorukova E.P. Poltavinskaya i volgo-donskaya kul'tury epokhi sredney bronzy Nizhnego Povolzhya i Volgo-Donskogo mezhdurechyia (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov) : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Poltavinskaya and the Volga-Don Culture of the Middle Bronze Age in the Lower Volga and the Volga-Don interfluvium (based on funerary monuments) : synopsis of the dissertation of the candidate of Historical sciences]. St. Petersburg : 2008. 26 p.

Svyatko S.V., Mertz I.V., Reimer P.J. Reservoir Effect on Re-Dating of Eurasian Steppe Cultures: First Results for Eneolithic and Early Bronze Age North-East Kazakhstan. Radiocarbon, vol. 57 (4), 2015. Pp. 625–644.

Tatarintseva N.S., Shalagin A.G. Poselenie Vishnevka-I. Otchet Severokazakhstanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii za 1981 g. [Settlement Vishnevka-I. Report of the North Kazakhstan archaeological expedition of 1981]. Severo-Kazakhstanskiy oblastnoy muzey. Nauchnyy arkhiv. [North-Kazakhstan regional museum. Scientific archive], 437/7.

Tkachev A.A. Tsentralnyy Kazakhstan v epokhu bronzy [Central Kazakhstan in the Bronze Age]. Part 2. Tyumen : Izd-vo TyumGNGU, 2002. 243 p.

Trifonov V.A. Popravki absolyutnoy khronologii kul'tur epokhi eneolita – sredney bronzy Kavkaza, stepnoy i lesostepnoy zon Vostochnoy Evropy (po dannym radiouglerodnogo datirovaniya) [Amendments to absolute chronology of cultures of the calcolithic-middle Bronze in the Caucasian, steppe and forest steppe zones of Eastern Europe (according to radiocarbon dating)]. Bronzovyy vek Vostochnoy Evropy: kharakteristika kul'tur, khronologiya i periodizatsiya : materialy Mezhdun. nauch. konf. “K stoletiyu periodizatsii V.A. Gorodtsova bronzovogo veka yuzhnoy poloviny Vostochnoy Evropy” [Bronze Age in Eastern Europe: characteristics of cultures, chronology and periodization : Materials of the International scientific conference “On the centenary of V.A. Gorodtsov periodization of the Bronze Age in the southern part of Eastern Europe”]. Samara : Izd-vo OOO NTTS, 2001. Pp. 71–84.

Tsyb S.V. Afanasevskaya kul'tura Altaya : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Afanasyevo culture of Altai: synopsis of the candidate of historical sciences dissertation]. Kemerovo, 1984. 19 p.

Turetskiy M.A. Kul'turnaya prinadlezhnost pamyatnikov rannego bronzovogo veka Samarskogo Povolzh'ya [Cultural origin of the Early Bronze Age monuments in the Samara Volga region]. Problemy izucheniya rannego bronzovogo veka stepnoy zony Vostochnoy Evropy [Problems of studying the early Bronze Age steppe zone of Eastern Europe]. Orenburg : Izd-vo OGPU, 2009. Pp. 59–65.

Vadetskaya E.B. Gipoteza proiskhozhdeniya afanas'evskoy kultury [The hypothesis of the origin of Afanasievo culture]. Osobennosti estestvenno-geograficheskoy sredy i istoricheskie protsessy v Zapadnoy Sibiri [Features natural geographical environment and historical processes in Western Siberia]. Tomsk : Tom. un-t, 1979. Pp. 98–100.

Zaybert V.F. Botayskaya kultura [Botai culture]. Almaty : Izd-vo KazAkparat, 2009. 576 p.

ПЕРСОНАЛИИ

УДК 902(47)-057

И.П. Засецкая¹, Л.С. Марсадолов¹, А.А. Тишкин²

¹Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия;

²Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ПАМЯТИ Л.Л. БАРКОВОЙ (1928–2014)

Статья посвящена памяти известного в России специалиста, старшего научного сотрудника отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург), хранителя и исследователя сибирских древностей Л.Л. Барковой. После окончания Ленинградского государственного университета Людмила Леонидовна в 1953 г. стала работать в Государственном Эрмитаже. Она участвовала в археологических экспедициях, являлась куратором многих, в том числе зарубежных, выставок, осуществляла просветительскую и другую деятельность. Особое значение имеет ее вклад в обработку, изучение и хранение уникальных материалов, полученных при раскопках «царских» курганов скифо-сакского времени на Алтае, которые относятся к пазырыкской культуре. На эту тему Л.Л. Барковой написан ряд научных трудов. Особое значение имеют работы, посвященные древнему искусству. Сведения о состоявшихся публикациях представлены в виде библиографического списка, подготовленного коллегами. Они наиболее полно отражены в приложении к данной статье. Все, кто взаимодействовал с Людмилой Леонидовной, отмечают ее человеческие качества, а также высокий профессионализм и ответственное отношение к делу.

Ключевые слова: Государственный Эрмитаж, хранитель, искусство кочевников, пазырыкские древности, коллекция, выставка, экспонаты, научные публикации, каталог, Алтай, Сибирь.

DOI: 10.14258/tpai(2016)1(13)-10

Л.Л. Баркова родилась 25 декабря 1928 г. в городке Кача, под Севастополем, в семье военнослужащего. Ее отец, Леонид Васильевич Барков, родом из города Ливны (Орловская область) – там он учился и работал на чугунно-литейном заводе. В 1924 г. Л.В. Баркова призвали в армию, где он служил до 1947 г. После ухода в запас устроился в Гидрологический институт инженером по приборам (скончался в 1972 г.). Мать, Га-

лина Андреевна (девичья фамилия Кроникова), родилась в 1908 г. в г. Вильно (ныне Вильнюс – столица Литвы). В 1909 г. семья переехала в Минск. После окончания школы Галина Андреевна получила профессию швеи. В 1929 г. вышла замуж и всю оставшуюся жизнь была домохозяйкой (умерла в 1952 г.). Младшая сестра, Светлана Леонидовна (Смирнова), родилась в 1932 г. После окончания института она работала преподавателем и переводчицей с иностранных языков.

Еще восьмимесячным ребенком Людмила вместе с семьей переехала в Ленинград, где и проживала до последних дней своей жизни, а потому была вправе считать себя коренной ленинградкой. В 1936 г. она

пошла в школу №50 Петроградского района. Как и многие дети Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., прошла сквозь все тяготы и горести военных лет. С начала войны до середины 1942 г. Людмила с мамой и младшей сестрой, следуя за воинской частью, где служил их отец, переезжала с места на место, меняя адреса. И только в 1942 г. с последним эшелонам, увозившим актеров и имущество Мариинского театра, они эвакуировались в Среднюю Азию. В 1943 г. она вступила в комсомол, затем по возрасту выбыла и в дальнейшем была беспартийным человеком. В 1944 г. в связи с тем, что отец был переведен из действующей армии в г. Львов, мать с детьми переехали туда.

После окончания войны в 1946 г. семья переехала в Казань, где Людмила закончила среднюю школу. В 1947 г. все вернулись в Ленинград.

В 1947–1952 гг. Л.Л. Баркова училась в Ленинградском государственном университете им. А.А. Жданова на кафедре археологии исторического факультета. Во время учебы она также была шефом в ремесленном училище и агитатором во время избирательных кампаний. Еще в университете и в летних экспедициях завязалась крепкая дружба трех подруг (будущих хранителей Эрмитажа) – Л.К. Галаниной, И.П. Засецкой и Л.Л. Барковой, которую они пронесли через всю жизнь. Хорошую практическую археологическую подготовку Л.Л. Баркова получила в течение трех лет, работая в составе Волго-Донской экспедиции, а также на однолетней практике в Старой Ладогге. Людмила Леонидовна специализировалась по археологии и написала дипломную работу на тему «Заселение славянами Подонья (по археологическим данным Волго-Донской экспедиции)» под руководством профессора Л.А. Мацулевича.

На работу в Государственный Эрмитаж, в отдел истории первобытной культуры (ОИПК), Л.Л. Баркову в марте 1953 г. принял директор музея М.И. Артамонов, у которого еще в студенческие годы она слушала лекции и работала в археологической экспедиции на Дону. Сначала два года (1953–1955 гг.) Людмила Леонидовна работала научно-техническим сотрудником в ОИПК, а затем с 1955 по 1962 г. была переведена экскурсоводом в научно-просветительный отдел (НПО). Она всегда легко находила общий язык с людьми и умела расположить к себе слушателей, была членом общества «Знание», проводила экскурсии, читала лекции в Эрмитаже и за его пределами, делала это эмоционально и с удовольствием.

В 1950-е гг. Людмила Леонидовна познакомилась с известным археологом Михаилом Петровичем Грязновым, в археологических экспедициях которого неоднократно участвовала в Хакасии и Туве, в том числе и на раскопках знаменитого кургана Аржан-1. М.П. Грязнов помог Л.Л. Барковой стать хранителем коллекций из больших алтайских курганов. После возвращения в 1963 г. в отдел археологии Людмила Леонидовна работала там сначала научным, а с 1974 г. старшим научным сотрудником, до своего последнего дня в 2014 г.

Л.Л. Баркова хранила материалы с территории Западной Сибири, Казахстана и Алтая от эпохи бронзы до средневековья – более 150 коллекций, насчитывающих 15,5 тысяч инвентарных номеров. Она была хранителем алтайских древностей, одним из самых сложных собраний в музее, представленным редкими экспонатами из органических материалов – войлока, кожи, шерсти и дерева, которые постоянно требовали особого, тщательного и постоянного ухода, добросовестно и с любовью обеспечиваемого Людмилой Леонидовной с помощью реставраторов музея. Частично из своего большого хранения она передала коллекции Л.С. Марсадолову, С.В. Панковой и Е.В. Степановой.

Л.Л. Баркова не только заботливо хранила уникальные коллекции из древних курганов Горного Алтая, но и продолжала свою просветительскую работу, увлекательно рассказывая посетителям о знаменитых находках. Кроме этого, она занималась научным изучением имеющихся материалов. Результаты такой деятельности нашли отражение в публикациях (см. список научных трудов). Следует отдельно отметить три статьи, в которых Людмила Леонидовна представила материалы большого кургана Шибе, раскопанного М.П. Грязновым еще в 1927 г. [Баркова, 1978, 1979, 1980]. В них подробно и тщательно был рассмотрен погребальный обряд, описаны все находки из кургана и указан антропологический тип «шибинца». Особое внимание уделено датировке исследованного объекта. Л.Л. Баркова сделала вывод, что курган Шибе не может служить основанием для выделения особого (шибинского) этапа в периодизации культуры ранних кочевников Алтая, и отметила, что он наиболее близок к кургану №3 памятника Пазырык и может быть датирован V–IV вв. до н.э. Эта дата являлась близкой к ранее опубликованной С.И. Руденко, хотя М.П. Грязнов определял Шибинский курган и выделенный им этап II в. до н.э. – I в. н.э. Три монографии С.И. Руденко [1953, 1960, 1968], посвященные материалам из больших курганов Алтая, постоянно были настольными книгами у Л.Л. Барковой, которая также опубликовала серию статей, посвященных предметам искусства кочевников Горного Алтая скифского времени, представленным изображениями в зверином стиле. Кроме того, Людмила Леонидовна совместно с С.В. Панковой принимала участие в исследовании древних татуировок на пазырыкских мумиях, что в октябре 2004 г. привело к открытию и публикации ранее не известных рисунков-татуировок.

В последние годы Людмила Леонидовна особое внимание уделяла изучению техники производства, а также декоративному оформлению войлочных и ворсовых шерстяных ковров. Результаты исследований этой группы находок были опубликованы ею в ряде статей, а также в монографии в соавторстве с Н.В. Полосьмак (Новосибирск, 2005 г.) и в научно-популярной книге, изданной в Государственном Эрмитаже в 2012 г. Совместно с одним из авторов данного очерка Л.Л. Баркова подготовила к печати пока не изданный каталог коллекции №1122, в которой отложились предметы из собрания П.К. Фролова. В ходе этой работы проанализирован существенный по объему разновременный археологический и другой материал, подготовлены многочисленные иллюстрации.

Нельзя не упомянуть о постоянном участии Людмилы Леонидовны в экспозиционной работе, подготовке и сопровождении временных международных выставок, в которых значительную часть экспонатов представляли алтайские древности. Л.Л. Баркова сопровождала выставки Государственного Эрмитажа в Японию, Югославию, США, Францию, Болгарию, Великобританию, Грецию и в другие страны. В качестве туриста была в Венгрии и Румынии. В каждом каталоге можно найти написанные ею пояснительные тексты к отдельным предметам и статьи, посвященные истории изучения горно-алтайских памятников.

Научную смелость в своих убеждениях Л.Л. Баркова проявила в 2009 г., когда готовилась новая экспозиция для постоянной музейной выставки «Древняя Сибирь». Более молодые сотрудники Государственного Эрмитажа хотели обозначить на этикетках даты для Туэкты-1 и Башадара-2 – V–IV вв. до н.э., а для Пазырыка –

IV–III вв. до н.э., но Людмила Леонидовна как хранитель материалов из этих комплексов твердо настояла на датах VI–V вв. до н.э. (для Туэкты/Башадара) и V–IV вв. до н.э. (для Пазырыка).

Л.Л. Баркова была замужем за известным антропологом И.И. Гохманом (1928–2008 гг.), заведующим отделом Института антропологии и этнографии РАН, который консультировал супругу по многим вопросам и был соавтором совместных научных статей.

Ряд хороших рисунков к публикациям Л.Л. Барковой выполнил ее друг – замечательный художник-график и живописец Е.С. Матвеев.

Редко упоминают еще одно важное занятие хранителей музея – обслуживание посетителей: показ материала в хранилищах и на экспозициях, научные консультации, включающие сведения по истории формирования коллекций и их исследованию. И здесь на долю Людмилы Леонидовны выпал немалый объем работы, поскольку находки из больших алтайских курганов скифского времени имеют мировую известность и поэтому всегда востребованы. Сотрудники многих музеев и научных институтов (археологи, историки, искусствоведы из разных регионов нашей страны), а также иностранные коллеги были ее нередкими гостями. Более того, она не только осуществляла свои прямые обязанности хранителя, показывая музейные коллекции, но и доброжелательно проявляла искреннюю заботу о своих посетителях. Ее гостеприимство, веселость и отзывчивость проявлялись не только по отношению к родным и близким друзьям, но и к коллегам и просто знакомым, к людям и животным, которые нуждались в искреннем сочувствии, помощи и поддержке.

За многолетнюю добросовестную работу в музее Л.Л. Баркова неоднократно награждалась почетными грамотами и ценными подарками. Она награждена знаком «Победитель социалистического соревнования 1977 г.» и медалью «Ветеран труда» в 1986 г. Свою последнюю грамоту – «Благодарность Министра культуры РФ», подписанную В.Р. Мединским 18 февраля 2014 г., – она так и не успела лично получить.

Большим событием в жизни Людмилы Леонидовны был ее 85-летний юбилей, который она вместе с коллегами отдела археологии и приглашенными гостями отмечала 26 февраля 2014 г. Но через 10 дней ее не стало... На юбилее, на прощании и поминках было много гостей, много добрых и искренних выступлений, так как в музее Людмила Леонидовна пользовалась заслуженным уважением и любовью, проработав там 61(!) год.

Память о Людмиле Леонидовне Барковой будет долго и бережно храниться в сердцах всех знавших ее друзей и коллег.

Библиографический список

Баркова Л.Л. Курган Шибе и вопросы его датировки // Археологический сборник ГЭ. 1978. Вып. 19. С. 37–44.

Баркова Л.Л. Погребение коней в кургане Шибе // Археологический сборник ГЭ. 1979. Вып. 20. С. 55–65.

Баркова Л.Л. Курган Шибе. Предметы материальной культуры из погребальной камеры // Археологический сборник ГЭ. 1980. Вып. 21. С. 48–58.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1953. 402 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. 360 с. + СХХVI табл.

Руденко С.И. Древнейшие в мире художественные ковры и ткани из оледенелых курганов Горного Алтая. М. : Искусство, 1968. 136 с.

I.P. Zasetskaya, L.S. Marsadolov, A.A. Tishkin
IN MEMORY OF L.L. BARKOVA
(1928–2014)

The article is devoted to L.L. Barkova – the famous Russian expert, the senior researcher of the department of Archaeology of Eastern Europe and Siberia of the State Hermitage (St. Petersburg), the keeper and the researcher of Siberian antiquities. After the graduation from the Leningrad State University, Lyudmila Leonidovna began to work in the State Hermitage in 1953. She participated in archaeological expeditions, was a curator of many exhibitions, including foreign ones, carried out educational and other activities. Her contribution to processing, studying and storage of the unique materials received at excavation of “imperial” barrows of Scythian-Saka time in Altai which belong to Pazyryk culture have a particular importance. L.L. Barkova wrote a number of scientific works on the subject. The papers devoted to ancient art have a special value. The information on the publications prepared by her colleagues is presented in the form of the bibliography. It is presented in the supplement to the article. All who interacted with Lyudmila Leonidovna note her human qualities, high professionalism and a responsible attitude to work.

Key words: State Hermitage, keeper, art of nomads, Pazyryk antiquities, collection, exhibition, exhibits, scientific publications, catalog, Altai, Siberia.

References

Barkova L.L. Kurgan Shibe i voprosy ego datirovki [The Shibe mound and the questions of its dating]. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological collection of the State Hermitage], 19, 1978. Pp. 37–44.

Barkova L.L. Kurgan Shibe. Predmety material'noy kul'tury iz pogrebal'noy kamery [Kurgan Shibe and the objects of the material culture from the burial chamber]. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological collection of the State Hermitage], 21, 1980. Pp. 48–59.

Barkova L.L. Pogrebenie koney v kurgane Shibe [The burials of horses in the Shiba mound]. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological collection of the State Hermitage], 20, 1979. Pp. 55–65.

Rudenko S.I. Drevneyshie v mire khudozhestvennye kovry i tkani iz oledenelykh kurganov Gornogo Altaya [The oldest in the world art carpets and fabrics from the icy mounds of the Altai Mountains]. Moscow : Iskusstvo, 1968. 136 p.

Rudenko S.I. Kul'tura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe vremya [The culture of the population of the Altai Mountains in the Scythian time]. Moscow ; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1953. 402 p.

Rudenko S.I. Kul'tura naseleniya Tsentralnogo Altaya v skifskoe vremya [The culture of the Central Altai population in the Scythian time]. Moscow ; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1960. 360 p. + CXXVI tabl.

Список научных работ Л.Л. Барковой

1. Алтайские курганы: Выставка «Культура и искусство древнего населения Сибири»: Краткий путеводитель. Государственный Эрмитаж. Л. : Аврора, 1973. 26 с. : ил.

2. Культура и искусство древнего населения Сибири: [Экспозиция] // Сообщения ГЭ. 1974. №39. С. 77–78 : ил. (в соавторстве с М.П. Завитухиной).

3. Таштыкский могильник Барсучиха-II // Первобытная археология Сибири. Л. : Наука, 1974. С. 165–173 : ил.

4. Древняя Сибирь: Путеводитель по выставке «Культура и искусство древнего населения Сибири: VII в. до н.э. – XIII в. н.э.». Государственный Эрмитаж. Л. : Аврора, 1976. 136 с. : ил., карт. (в соавторстве с М.П. Завитухиной, М.Б. Щукиным).

5. Złoto scytyjskie: [Katalog]. Warszawa, 1976 (в соавторстве с Л.К. Галаниной).

6. Злато Скита из музейских ризница СССР-а. Београд : Народи музеј, 1977. 62 с. : 15 л. ил. (в соавторстве с Л.К. Галаниной).

7. Arte della Siberia e dell'Altaj, VI–II sec. A.C. // L'Oro degli Sciti. [Catalogo]. Venezia, 1977. С. 45–77.

8. Курган Шибе и вопросы его датировки // Археологический сборник ГЭ. 1978. Вып. 19. С. 37–44 : ил.; рез. англ.
9. Frozen Tombs: The Culture and Art of the ancient Tribes of Siberia: [Catalogue]. London : British Museum, 1978. 102 p. : ill. (в соавторстве с М.П. Завитухиной).
10. Погребения коней в кургане Шибе // Археологический сборник ГЭ. 1979. Вып. 20. С. 55–65 : ил.; рез. англ.
11. Arte de Siberia y de Altai, siglos VI–II a. C. // El Oro de los Escitas. Mexico, 1979. P. 48–81.
12. Курган Шибе: Предметы материальной культуры из погребальной камеры // Археологический сборник ГЭ. 1980. Вып. 21. С. 48–58 : ил.; рез. англ.
13. Великобритания: «Культура и искусство древних племен Сибири»: [Выставка] // Сообщения ГЭ. 1981. №46. С. 77–78. (в соавторстве с М.П. Завитухиной).
14. Изображение на саркофаге из второго Башадарского кургана: К вопросу о среднеазиатских элементах в искусстве древнего Алтая) // Контакты и взаимодействия древних культур : тезисы докладов научной конференции. Л., 1981. С. 14–15.
15. Ο πολιτισμός τῶν φύλων τῆς περιοχῆς τῶν Ἀλταί ἀπτό τόν 6ο ὡς τόν 4ο π.Χ. αἰ. // Σκοπικοί θησαυροί. ΑΘΗΝΑ, 1981. С. 74–101.
16. Изображения свернувшихся хищников на золотых пластинах из Майэмира // Археологический сборник ГЭ. 1983. Вып. 24. С. 20–31 : ил.; рез. англ.
17. В.П. Полторацкая (1899–1980): [Некролог] // Сообщения ГЭ. 1983. №48. С. 72 (в соавторстве с М.П. Завитухиной).
18. Резные изображения животных на саркофаге из 2-го Башадарского кургана // Археологический сборник ГЭ. 1984. Вып. 25. С. 83–89 ; рез. англ.
19. Die Kultur der Altai-Nomaden von 6. bis zum 4. Jahrhundert v. Chr.: Funde aus den Kurganen von Tueka, Basadar und Pazyryk // Gold der Skythen aus der Leningrader Eremitage. München, 1984. P. 164–218.
20. Изображения рогатых и крылатых тигров в искусстве древнего Алтая // Археологический сборник ГЭ. 1985. Вып. 26. С. 30–44 : ил.; рез. англ.
21. Az Altáji Törzsek kultúrája az I. E. VI–IV. században. // Szkiták aranya. A leningrádi Ermitázs vendégkiállítása. Budapest, 1985. С. 34–43.
22. Конская маска из Первого Пазырыкского кургана // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова : тезисы докладов. Ч. 2. Омск, 1987. С. 89–71.
23. М.П. Грязнов (1902–1984) [Некролог] // Сообщения ГЭ. 1987. №52. С. 96–97 (в соавторстве с Л.С. Марсадовым).
24. Образ орлиноголового грифона в искусстве древнего Алтая: (По материалам Больших Алтайских курганов) // Археологический сборник ГЭ. 1987. Вып. 28. С. 5–29 : ил.; рез. англ.
25. Collezione delle antichità degli Altai del VI–IV secolo a. c. // Tesori D’Eurasia. 2000 anni di Storia in 70 anni di Archeologia Sovietica. Milano, 1987. P. 89–111.
26. Die Kultur der Altai-Nomaden von 6. bis zum 4. Jahrhundert v. Chr.: Funde aus den Kurganen von Tueka, Bašadar und Pazyryk // Gold der Skythen aus der Leningrader Eremitage. Wien, 1988. P. 164–212.
27. Эрмитаж. (Альбом-путеводитель) Т. 4. Japan, Hiroyuki Itsuki NHK, 1989. С. 43–47.
28. Образ оленя в искусстве древнего Алтая (по материалам Больших Алтайских курганов) // Археологический сборник ГЭ. 1990. Вып. 30. С. 55–60 : ил.; рез. англ.

29. Изображение человека в искусстве древнего Алтая (по материалам Больших Алтайских курганов) // Археологические культуры Евразии : тезисы докладов научной конференции. СПб., 1991. С. 13–15.

30. La civilisation des nomades de l'Altai du VIe au IVe siècle avant J.-C. Découvertes des kourganes de Touekta, Bachadar et Pazyryk // L'or des Scythes. Trésors de l'Ermitage, Leningrad. Bruxelles, 1991. P. 166–215.

31. The Scythian gold from the Hermitage. Seul, 1991. P. 180–235.

32. Происхождение ранних кочевников Алтая в свете данных палеоантропологии и анализа их изображений // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб., 1994. С. 24–35 : ил. (в соавторстве с И.И. Гохманом).

33. Die Kultur der Altai-Nomaden von 6. bis zum 4. Jahrhundert v. Chr.: Funde aus den Kurganen von Tueka, Bašadar und Pazyryk // Gold der Skythen. Schätze aus der Staatlichen Eremitage St. Petersburg. Hamburg, 1993. P. 166–215.

34. De beschaving van de Altaïsche stammen van de 7de tot de 3de eeuw v. Chr // Het rijk der scythen. Amsterdam, 1993. P. 74–101.

35. Antiquities from the Pazyryk Burial Mounds // The State Hermitage. Masterpieces from the Museum's Collections. Vol. 1. London, 1994. P. 110–123.

36. О хронологии и локальных различиях в изображении травоядных хищников в искусстве ранних кочевников Алтая: (опыт статистического анализа) // Археологический сборник ГЭ. 1995. Вып. 32. С. 60–76 : ил.; рез. англ.

37. The Altai culture. (exhb.: Natijnal Museum of Korea). Seul, 1995.

38. Мумии человека из погребений Пазырыкских курганов: (Алтай, сер. I тыс. до н.э.) // Актуальные вопросы антропологии : тезисы докладов. СПб., 1996. С. 25–26.

39. Le tapis de laine du kourgane №5 de Pazyryk // Dossiers d'Archeologie. 1996. №212. S. 2–27 : ill.

40. А.Д. Мачинская: 1964–1994: [Некролог] // Сообщения ГЭ. 1997. №57. С. 143 : портр.

41. Die skythenzeitliche Archäologie des Altai-Gebiets // Zwei Gesichter der Eremitage. Die Scythen und ihr Gold. Band I. Bonn, 1997. P. 59–65.

42. Баркова Л.Л. Большой войлочный ковер из пятого Пазырыкского кургана // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург : материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 70-летию со дня рождения А.Д. Грача. СПб., 1998. С. 137–142 : ил.

43. Конская маска из первого Пазырыкского кургана // Археологический сборник ГЭ. 1999. Вып. 34. С. 97–101 : ил.; рез. англ.

44. Мы «первобытники» помним его: [Латынин Б.А.] // Судьба ученого. СПб., 2000. С. 131–132.

45. The Nomadic Culture of the Altai and the Animal Style // The golden Deer of Eurasia. New York, 2000. P. 241–247 : ill.

46. The Pazyryk Felts // Hali: carpet, textile and Islamic art; №113. Hali, 2000. P. 74–79.

47. The Nomadic Culture of the Altai and the Animal Style // The golden deer of Eurasia. Scythian and Sarmatian treasures from the Russian steppes. New York, 2000. P. 241–275.

48. Еще раз о мумиях человека из Пазырыкских курганов // Археологический сборник ГЭ. 2001. Вып. 78–90 : ил.; рез. англ. (в соавторстве с И.И. Гохманом).

49. Культура кочевников Алтая и искусство звериного стиля // Золотые олени Евразии : каталог выставки. СПб., 2001. С. 204–231 : ил.

50. La cultura nomadica dell'Altaj lo stile animalistico // Oro. Il mistero dei sarmati e degli sciti. Milano, 2001. S. 52–56, 62–80 : ill.
51. La cultura dei nomadi dell'Altaj // Siberia: Gli uomini dei fiumi ghiacciati. Milano, Trieste, 2001. S. 27–30 : ill.
52. Le mummie umane dei kurgan di Pazyryk // Siberia: Gli uomini dei fiumi ghiacciati. Milano, Trieste, 2001. S. 51–57 : ill.
53. Prehistoric Old World Scalping: New Cases from Cemetery of Aymyrylg, South Siberia // American journal of archaeology. 2002. Vol. 106, №1. P. 1–10 : ill. (в соавторстве с И.И. Гохманом и др.).
54. М.П. Завитухина (1926–2001) [Некролог] // Сообщения ГЭ. 2003. №60. С. 249–250 : портр. (в соавторстве с Л.С. Марсадоловым).
55. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая: (IV–III вв. до н. э.). Новосибирск : Инфолио, 2005. 232 с. : ил.; рез. англ. Библиогр.: с. 212–221 (в соавторстве с Н.В. Полосьмак).
56. Татуировки на мумиях из Больших Пазырыкских курганов // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. №2. С. 48–59 : ил. (в соавторстве с С.В. Панковой).
57. Татуировки на пазырыкских мумиях: новые материалы // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского : сборник докладов. СПб. : ГЭ, 2005. С. 15–26 : ил. (в соавторстве с С.В. Панковой).
58. Войлочный колпак из Второго Пазырыкского кургана // Сообщения ГЭ. 2006. №64. С. 31–35 : ил. (в соавторстве с Е.А. Чеховой).
59. Татуировки на алтайских мумиях // Природа. 2006. №3. С. 64–68 : ил. (в соавторстве с С.В. Панковой).
60. М.П. Завитухина (1926–2001) [Некролог] // Теория и практика археологических исследований. Вып. 3. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 177–178 : портр. (в соавторстве с Л.С. Марсадоловым).
61. Die Fürstengräber der Pazyryk-Kultur. // Im Zeichen des goldenen Greifen: königräber der Skythen. (Ausstellungen: Berlin, 06.07.–01.10.2007; München, 26.10.2007–20.01.2008; Hamburg, 15.02.–25.05.2008). Berlin, 2007. P. 118–131.
62. Новые исследования импортных тканей из Больших Алтайских курганов // Сообщения ГЭ. 2009. №67. С. 5–21 : ил.
63. Красота, сотканная из тайн: Древнейшие в мире ковры. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012. 48 с. : ил. (In brevi).
64. Скотоводы Алтая (Пазырыкская культура) в скифскую эпоху // Кочевники Евразии на пути к империи. Из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. СПб. : Славия, 2012. С. 91–100.
65. Средневековые панцирные пластины с территории Алтая из коллекции П.К. Фролова // История и культура средневековых народов степной Евразии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2012. С. 99–103 : ил. (в соавторстве с В.В. Горбуновым и А.А. Тишкиным).
66. Технологическая характеристика шерстяных тканей из Больших Алтайских курганов // Археологический сборник ГЭ. 2013. Вып. 39. С. 41–58 : ил.; рез. англ.
67. Фантастические звери на татуировках алтайского вождя // 250 историй про Эрмитаж: «Собрание пестрых глав...» : в 5 кн. Кн. 3. СПб. : Изд-во ГЭ, 2014. С. 98–101.
68. Изображение петуха в искусстве древнего Алтая // Археологический сборник ГЭ. 2015. Вып. 40. С. 143–156.

Составили Л.М. Всевиов, Л.С. Марсадолов, В.Б. Семёнова, Е.В. Степанова

А.Ю. Борисенко¹, Ю.С. Худяков¹⁻²

¹Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

²Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

ШЕСТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ВОЙНА И ОРУЖИЕ. НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ» (Санкт-Петербург, 13–15 мая 2015 г.)

Конференция была посвящена 70-летию Великой Отечественной войны. На ее открытии выступил с докладом генерал-майор, ветеран Великой Отечественной войны. Приветствие участникам конференции направило Управление культуры Министерства обороны Российской Федерации. Работа конференции включала несколько тематических секций, посвященных военной истории и изучению оружия. С докладами на этих секциях выступали военные историки и археологи, музейные работники, преподаватели университетов и ученые из разных городов России, Азербайджана, Польши. В серии докладов были представлены предметы вооружения из археологических раскопок и музейных коллекций, изображения воинов и военных атрибутов. В некоторых докладах были рассмотрены особенности вооружения и военного дела российских воинов в эпоху позднего Средневековья и Новое время. Были рассмотрены особенности развития оружия в некоторых странах Востока. Конференция продемонстрировала значительный интерес к военной истории среди российских ученых.

Ключевые слова: Россия, Центральная Азия, оружие, страны востока, кочевники, конференция.

DOI: 10.14258/tpai(2016)1(13).-11

С 13 по 15 мая 2015 г. в г. Санкт-Петербурге в Музее артиллерии, инженерных войск и войск связи проходила Шестая Международная научно-практическая конференция, посвященная истории войн и развития оружия в Евразии и деятельности военно-исторических музеев в России [Программа..., 2015].

Работа конференции открылась пленарным заседанием, на котором с приветственным словом выступил директор музея В.М. Крылов. Он официально открыл мероприятие и пожелал участникам успешной работы. Приветственное слово начальника Управления культуры Министерства обороны РФ А.Н. Губанкова огласил сотрудник этого управления А.В. Павлов. Затем перед участниками конференции выступил ветеран Великой Отечественной войны, генерал-майор Н.Е. Кайгородцев, уроженец Новосибирской области, который рассказал о своем боевом пути и дальнейшей службе в Советских Вооруженных силах. Следующий доклад об истории артиллерийского музея в годы войны сделала его сотрудница С.Л. Новиченко (Санкт-Петербург). По приведенным в докладе сведениям, во время войны экспонаты данного музея были эвакуированы в Новосибирск. Часть из них хранилась в здании театра оперы и балета. Выступавшая особо подчеркнула значительную работу по их сохранению тогдашнего директора музея Я.Ф. Куске. А.В. Веретин (Псков) рассказал в своем сообщении о коллекции частного Музея славы русского оружия в Пскове. По сведениям автора, в составе этой коллекции имеются экспонаты, относящиеся к Крымской войне и другим войнам XIX–XX вв. Сотрудник артиллерийского музея Р.Н. Чумак (Санкт-Петербург) рассказал в своем

выступлении о производстве стрелкового оружия в Ленинграде в годы Великой Отечественной войны. Далее работа конференции проходила по нескольким секциям, в двух из которых приняли участие авторы настоящего сообщения.

На секции, посвященной военной истории, выступила с докладом одна из авторов данного сообщения, А.Ю. Борисенко (Новосибирск). В своем выступлении она проанализировала сведения европейцев в XVII – начале XVIII в. о походе отряда Ермака в Сибирь. В них содержатся некоторые оригинальные свидетельства об этих событиях, отличающиеся от данных сибирских летописей. Историк Т. Цесельски (Ополье, Польша) выступил с докладом о военной деятельности Барской конфедерации, действовавшей на Подолии в 1768–1769 гг. во время Русско-турецкой войны, сведения о которой были извлечены докладчиком из переписки коменданта Каменец-Подольской крепости И. Де Витте. Судя по докладу, русским войскам во время этой войны приходилось противостоять не только туркам, но и конфедератам.

Работа секции, посвященной новым исследованиям в области оружейведения, открылась выступлением О.С. Лихачевой (Барнаул), которая рассказала о развитии древкового колющего оружия у населения лесостепного Алтая в бронзовом и раннем железном веках. Доклад В.В. Горбунова (Барнаул) содержал анализ вооружения и защитного облачения тяжеловооруженных всадников в войске сянби-муюнов. О.Г. Ульянов (Москва) сделал доклад об арсенале в Московском Кремле. В своем выступлении он рассмотрел имеющиеся исторические свидетельства о времени появления артиллерии в Великом Московском княжестве. Согласно исследованиям Н.Е. Бранденбурга, впервые артиллерия была применена при обороне Москвы от войска хана Тохтамыша в 1380 г. Организацию производства пушек автор доклада отнес ко времени деятельности А. Фиорованти в конце XV в. Пушечная изба была создана в 1480 г. А.Е. Богданов (Санкт-Петербург) выступил с сообщением об итальянском нагрудном доспехе XIV в., который хранится в собрании Государственного Эрмитажа. Один из авторов настоящего сообщения, Ю.С. Худяков (Новосибирск), сделал доклад о применении огнестрельного оружия, артиллерии и защитного вооружения русскими казаками в ходе военных действий против сибирских татар в период Сибирского похода казачьего отряда под командованием атамана Ермака в конце XVI в. Н.Р. Бискуп (Санкт-Петербург) выступила с сообщением, в котором рассказала о клеймах на копьях европейского и российского производства и других видах древкового колющего оружия, хранящихся в собрании Государственного Эрмитажа. В сообщении В.Н. Образцова и Ю.А. Пятницкого (Санкт-Петербург) рассказывалось об изображении византийского императора Никифора Фоки на клинке сабли, на котором представлен чеканный орнамент и выгравированы греческие надписи. По мнению докладчика, мастер, чеканивший орнамент на клинке, не владел греческим языком, поэтому допустил ошибки в надписи. В выступлении Е.А. Родионова (Гатчина) проанализированы предметы саксонского охотничьего оружия 1-й половины XVIII в., содержащегося в Гатчинском музее. Доклад Л.А. Боброва (Новосибирск) демонстрировал анализ «индо-персидского» шлема Кулах-худ, некогда принадлежавшего казахскому хану Джохангиру. Докладчик отметил некоторые конструктивные особенности подобных восточных шлемов. Выступление А.Н. Чубинского (Москва) содержало анализ классификации оружия, содержащейся в Переписной книге Государственной оружейной казны 1687 г., ко-

торая находится в Оружейной палате Московского Кремля. Доклад А.Ю. Курочкина (Москва) был посвящен изучению некоторых видов холодного оружия и традициям воинской подготовки в Индии в XVI – начале XIX в. Выступление М.А. Анисимовой (Санкт-Петербург) и В.Б. Кизириа (Нью-Йорк) содержало анализ грузинских палашей, известных под названием «кибиани», которые находятся в собрании Музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Доклад Л.А. Боброва (Новосибирск) и А.М. Пастухова (Москва) был посвящен изучению парадных доспехов маньчжурских императоров династии Цин XVII–XVIII вв., которые находятся в собрании Гугун в г. Пекине в Китае. В докладе подробно проанализированы особенности маньчжурского парадного защитного вооружения. Выступление И.В. Косточкина (Астрахань) содержало анализ изобразительных источников, свидетельствующих о распространении сплошного западноевропейского доспеха на территории Московской Руси в XVI–XVII в. Обратившись к анализу изображений на миниатюрах Ремезовской летописи, выступавший утверждал, что русские казаки из отряда Ермака были облачены в западноевропейские доспехи. Доклад А.О. Пронина (Новосибирск) содержал анализ предметов иранского клинкового оружия из некоторых частных собраний в России. По мнению докладчика, подобные предметы могут быть атрибутированы и введены в научный оборот. Доклад П.Ф. Гезалова (Баку) содержал анализ изображений знамен и других военных атрибутов и символов государственной власти, которые представлены на фресках во дворце Шекинских ханов, который относится к XVIII в. На росписях представлены знамена с полотнищами разной формы и цвета, красные, полосатые, розовые, зеленые, на которых изображен полумесяц, сабля или кисть руки. На фресках воспроизведены правители и военачальники с булавами, в пышных головных уборах и халатах. Выступление С.В. Барчевского (Москва) содержало анализ некоторых предметов клинкового оружия, которое использовалось воинами Вьетнама в XIX – 1-й половине XX вв. В докладе И.Б. Пинка (Тула) был представлен анализ некоторых видов клинкового оружия из собрания Тульского музея оружия. Доклады участников конференции были изданы организаторами к началу ее работы [Война и оружие..., 2015].

Участники конференции смогли ознакомиться с результатами новейших исследований в области истории оружия и военного дела в России и некоторых соседних странах. Они также осмотрели тематическую выставку, посвященную оружию стран Востока, в том числе Северного Кавказа, Средней Азии, Ирана, Турции, которая экспонируется в Государственном Эрмитаже. В ходе работы конференции состоялись некоторые мероприятия, относившиеся к программе «Ночь музеев – 2015».

Прошедшая конференция стала заметным событием в развитии военно-исторической науки в нашей стране. Она должна способствовать дальнейшим исследованиям в области военной истории и оружейведения, и предоставила возможность обсудить актуальные проблемы в данной области исторического знания.

Библиографический список

Война и оружие. Новые исследования и материалы : труды Шестой Международной научно-практической конференции : в 4 ч. 13–15 мая 2015 г. СПб. : ВИМАИВиВС, 2015. Ч. I. 484 с.; Ч. II. 534 с.; Ч. III. 412 с.; Ч. IV. 484 с.

Программа Шестой Международной научно-практической конференции «Война и оружие. Новые исследования и материалы». 13–15 мая 2015 года. СПб. : ВИМАИВиВС, 2015. 23 с.

A.Y. Borisenko, Y.S. Khudyakov

**THE SIXTH INTERNATIONAL CONFERENCE
“WAR AND WEAPON. THE NEW RESEARCH AND MATERIALS”
(Sankt-Petersburg, May 13–15, 2015, Russia)**

The conference was devoted to the seventieth anniversary of the Great Patriotic War. At the opening ceremony the report was made by the Major-General, veteran of the Great Patriotic War. The department of culture of the Ministry of Defence of the Russian Federation sent the greeting to participants of the conference. The Conference included the several thematic sections, devoted to the military history and study of weapons. The reports at the sections were made by the military historians and archaeologists, museum workers, professors of universities and scientists from the different cities of Russia, Azerbaijan, and Poland. A series of reports presented the objects of armament from archaeological excavations and museum collections, the images of warriors and military attributes. Some reports considered the peculiarities of armament and military science of the Russian warriors in the era of the Late Middle Ages and Modern period. Consideration was given to the peculiarities of development of weapons in the several countries of the East. The conference demonstrated the considerable interest to military history among the Russian scientists.

Key words: Russia, Central Asia, weapons, East, nomads, conference.

References

Programma Shestoy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii Voyna i oruzhie. Novye issledovaniya i materialy. 13–15 maya 2015 goda [The program of the Sixth International Scientific and Practical Conference: War and weapons. New research and materials. 13–15 May 2015]. St. Petersburg : VIMAIViVS, 2015. 23 p.

Voyna i oruzhie. Novye issledovaniya i materialy : trudy Shestoy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii : v 4 ch. 13–15 maya 2015 g. [War and weapons. New research and materials: proceedings of the Sixth International scientific and practical conference. At 4 p.m. 13–15 May 2015]. St. Petersburg : VIMAIViVS, 2015. Part I. 484 p.; part II. 534 p.; Part. III. 412 p.; Part IV. 484 p.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

AMS – Accelerator Mass Spectrometry (английский) – ускорительная масс-спектрометрия.

n= – number (английский) – число.

UK – United Kingdom (английский) – Соединённое Королевство.

Алт. ун-т – Алтайский университет.

АлтГУ – Алтайский государственный университет.

АОЦИЭА – Актюбинский областной центр истории, этнографии и археологии.

БГПИ – Барнаульский государственный педагогический институт.

ВолГУ – Волгоградский государственный университет.

ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет.

ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.

ГИМ – Государственный исторический музей.

ГМИР – Государственный музей истории религий.

ГЭ – Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург).

ДонНУ – Донецкий национальный университет.

ИА – Институт археологии.

ИАЭТ СО – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения.

ИИА УрО – Институт истории и археологии Уральского отделения.

ИИМК – Институт истории материальной культуры.

КарГУ – Карагандинский государственный университет.

кв. – квадрат.

КРС – крупно-рогатый скот.

КСИА – Краткие сообщения Института археологии.

КСИА АН УССР – Краткие сообщения Института археологии Академии наук Украинской ССР.

МАЭ – Музей антропологии и этнографии.

МВД – Министерство внутренних дел.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.

МОН РК – Министерство образования и науки Республики Казахстан.

Моск. ун-т – Московский университет.

НАН – Национальная академия наук.

НАНУ – Национальная академия наук Украины.

НГПУ – Новосибирский государственный педагогический университет.

НГУ – Новосибирский государственный университет.

ОАО – Открытое акционерное общество.

ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет.

ООО – Общество с ограниченной ответственностью.

РАН – Российская академия наук.

СО – Сибирское отделение.

СОИГСИ – Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований.

СССР – Советский Союз.

ТГУ – Томский государственный университет.

Том. ун-т – Томский университет.

ТюмГНГУ – Тюменский государственный нефтегазовый университет.

Уральск. ун-т – Уральский университет.

УрГУ – Уральский государственный университет.

Чел. гос. ун-т – Челябинский государственный университет.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Борисенко Алиса Юльевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета; 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2; aborisenko2@mail.ru

Горбунов Вадим Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, ведущий научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 211; gorbunov@hist.asu.ru

Засецкая Ирина Петровна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа; 190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34.

Кунгуров Артур Леонидович, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 211; тел. (3852)291256; artur.kungurov@mail.ru

Мамадаков Юрий Тапасович, кандидат исторических наук, доцент, директор ООО Научный центр «Наследие Сибири»; 656031, Барнаул, площадь Победы, 12.

Марсадолов Леонид Сергеевич, доктор культурологии, ведущий научный сотрудник Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа; 190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34; тел. (812) 710-95-07; marsadolov@hermitage.ru

Мерц Илья Викторович, научный сотрудник Центра археологических исследований им А.Х. Маргулана Павлодарского государственного университета им. С. Торайгырова; 140008, Республика Казахстан, Павлодар, ул. Ломова, 64, каб. 102; barnaulkz@mail.ru

Савинов Дмитрий Глебович, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета; 190068, Санкт-Петербург, Кустарный пер., д. 4, кв. 7.

Святко Светлана Владимировна, PhD, научный сотрудник 14Хроно Центра по изучению климата, окружающей среды и хронологии Королевского университета Белфаста; Северная Ирландия, BT7 1NN; svetlana_sv@mail.ru

Серегин Николай Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, старший научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 211; nikolay-seregin@mail.ru

Сотникова Светлана Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, культурологии, философии и методик преподавания факультета истории, экономики и управления Тюменского государственного университета; 625003, Тюмень, ул. Семакова, 10; svetlanasotnik@mail.ru

Табарев Андрей Владимирович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующий сектором зарубежной археологии Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр. Лаврентьева, 17; olmec@yandex.ru

Тишкин Алексей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, проректор по научному и инновационному развитию Алтайского государственного университета, главный научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Алтая и Западной Сибири Алтайского государственного университета; 656049, Алтайский край, Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 603; tishkin210@mail.ru

Худяков Юлий Сергеевич, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, профессор кафедры археологии и этнографии Новосибирского государственного университета; 630090, Новосибирск, пр. Лаврентьева, 17.

Цимиданов Виталий Владиславович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела охраны памятников археологии Донецкого областного краеведческого музея; 83048, Украина, Донецк, ул. Челюскинцев, 189-А; archaeodon@front.ru

Правила оформления статей для журнала «Теория и практика археологических исследований»

Уважаемые коллеги!

С 2013 года традиционный сборник кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета решено издавать в формате журнала. Для этого проведена работа по получению ISSN и включению журнала в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). В дальнейшем планируется издание одного номера на английском языке, в который войдут работы, наиболее значимые для журнала.

Редколлегия принимает к печати статьи в соответствии со следующей **основной тематикой**:

1. Теоретические и методические проблемы археологии.
2. Использование естественно-научных методов в археологических исследованиях.
3. Зарубежная археология.
4. Результаты изучения материалов археологических исследований.
5. Изучение памятников эпохи камня в Евразии.
6. Социальные реконструкции в археологии.
7. История археологических открытий и исследований.
8. Новые археологические открытия в России.
9. Из музейных коллекций.

Кроме этого, будут опубликованы аналитические обзоры, рецензии, заметки, хроника, сообщения, информация библиографического характера, сведения о персоналиях.

Предполагается осуществлять **тематические выпуски**.

Редколлегия обращает внимание авторов на важность соблюдения обязательных **требований к оформлению публикации**.

Объем статьи – до 1 печатного листа (40 тыс. знаков с пробелами). В исключительных случаях редколлегия принимает к рассмотрению работы большего объема (до 1,5–2 п.л.), если они содержат значимые и признанные научным сообществом результаты. Статья должна содержать резюме (аннотацию) и список ключевых слов на русском и английском языках, а также перевод названия статьи на английский язык. Объем резюме (аннотации) должен составлять не менее 1000 знаков (без пробелов).

Все текстовые материалы должны быть предоставлены в формате Word. Иллюстрации хорошего качества принимаются в размере, не превышающем формат В5 с учетом полей (не более 200 x 135 мм). Каждая иллюстрация должна иметь отдельную нумерацию и подпись. В тексте ссылки на них даются последовательно (примеры ссылок на рисунки и отдельные позиции изображений такие: (рис. 1; рис. 2–5; рис. 6.-3)). Графические иллюстрации принимаются в формате tif (разрешение не менее 300 dpi). Графики и диаграммы – черно-белые, без цветных или серых элементов и мелких (сплошных) заливок. К статье можно приложить не более четырех качественных фотографий, которые будут помещаться в отдельной вклейке с подписями. Все используемые таблицы должны иметь отдельную нумерацию со ссылками в тексте (например: (табл. 1)). Каждая таблица должна иметь собственное название.

Подрисуночные подписи и список сокращений прилагаются отдельными файлами.

Библиографические ссылки на публикации в тексте заключаются в квадратные скобки, внутри которых указывается фамилия одного или первого автора, год издания, страница, рисунок, таблица (например: [Потапов, 1961, с. 5, рис. 2.-8; Шишкин и др.,

occurring of different times in the Hovd district of Mongolia. The characteristic of stone vessels from the monuments of the early Bronze age which revealed and have been dug out in a valley of Buyant river near of Hovd is given in the article. This territory is connected with east spurs of the Mongolian Altay. Considered finds come from funeral objects. The analysis of the received materials and results of radio-carbon dating allowed to carry out cultural and chronological attribution of the studied archaeological monuments, and also to reconstruct some elements of the production technology of stone capacities. Territorial distribution of similar finds allowed to designate areas of existence of traditions of production and use of the vessels made of stones. Design features of the studied funeral constructions and not numerous ware complex have compliances in materials of Xinjiang and the adjacent regions dated by early Bronze and united in a Chemurchek culture/community. Besides, similarities to other archaeological find from Kazakhstan and the South of Siberia are noted.

Key words: the Mongolian Altay, early Bronze age, funeral constructions, radio carbon dating, stone vesse.

Образцы составления библиографического описания

Монография:

Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. 346 с.

Статья в сборнике:

Войтов В.Е. Могильники Каракорума (по материалам работ 1976–1981 гг.) // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии. Новосибирск : Наука, 1990. С. 132–149.

Статья в ученых записках (ученых трудах):

Генинг В.Ф. Хронология поясной гарнитуры I тыс. н.э. (по материалам могильников Прикамья) // КСИА. 1979. Вып. 158. С. 96–106.

Статья в журнале:

Кубарев В.Д. Древние зеркала Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. №3. С. 63–77.

Автореферат:

Савинов Д.Г. Формирование и развитие раннесредневековых археологических культур в Южной Сибири : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1987. 54 с.

Полная версия правильно оформленной статьи высылается по электронной почте на указанные ниже адреса не позднее 15 января (для первого номера каждого года), 15 марта (для второго номера), 15 июня (для третьего номера) и 15 сентября (для четвертого номера). В течение двух месяцев после получения редколлегия проводит обязательное рецензирование, а затем извещает автора(ов) о решении и сделанных замечаниях. Если решение в целом положительное, то автору(ам) дается месяц на доработку текста. После этого в редколлегию высылается законченная электронная версия статьи, а также подписанный автором (авторами) печатный вариант работы.

Авторы статей также сообщают следующие данные, которые публикуются в конце каждого номера журнала: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень и звание, место работы и должность, почтовый адрес (с индексом), адрес электронной почты.

Просьба присылать статьи и материалы одновременно на следующие электронные адреса: tishkin210@mail.ru; kuzmar@hist.asu.ru

Научное издание

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

№1 (13) • 2016

Редактор: Е.М. Федяева
Подготовка оригинал-макета: М.Ю. Кузеванова

Подписано в печать 09.03.2016. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Формат 70x100/16. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 13,5. Тираж 500 экз. Заказ №126.